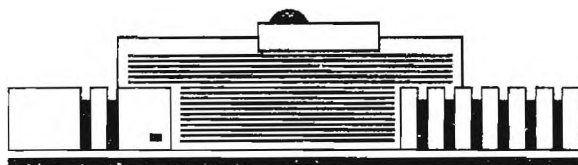

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2001 № 2(20)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
А.М. Дарафееў (нам. галоўнага рэдактара),
С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Вараб'ёў,
Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, С.М. Гарачава,
А.А. Карніенка, В.П. Клімовіч, В.А. Космач, І.Л. Лапін,
А.В. Макарэўская, С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева,
П.І. Навіцкі, В.І. Несцяровіч, І.М. Прышчэпа,
Э.І. Рудкоўскі, У.Л. Фядотаў

2

Аўтар і запісчык

Аўтар

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года

Выходзіць чатыры разы ў год

2001 № 2(20)

Змест

Філасофія. Сацыялогія

<i>Рудкоўскі Э.І., Дарафееў А.М.</i> Светапогляд Я. Баршчэўскага	3
<i>Кривоносова Е.Э.</i> Проективные ориентации студенческой молодежи	7
<i>Абдулғауаб Абдулмалик Шариф.</i> Гуманистический аспект деятельности средств массовой информации Йемена	13

Гісторыя

<i>Баляев А.В.</i> Ремесленное производство и частное предпринимательство на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.)	20
<i>Романовский Д.В.</i> Деятельность Госторгбела по развитию белорусского экспорта в 1921-1924 гг.	27
<i>Жихарев С.Б.</i> Частные акционерные компании и железнодорожное строительство на территории Беларуси в 60-70-е гг. XIX в.	34

Эканоміка

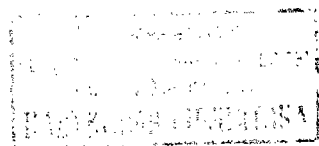
<i>Семак Е.А.</i> Дезинтеграционные и интеграционные процессы в экономике на постсоветском пространстве	39
<i>Бусько В.Н.</i> О развитии экономической мысли Витебщины в период НЭПа (20-е годы XX ст.)	44

Правазнаўства

<i>Бочков А.А.</i> Актуальные проблемы правопонимания	49
<i>Барышеев В.А.</i> Проблема применения иностранного права в правовой системе Республики Беларусь	53
<i>Егорова А.Г.</i> Иностранный элемент в национальном праве	57

Педагагіка

<i>Турковский В.И., Терещенко Е.В.</i> Научно-педагогические основы разработки модели экологического воспитания учащихся гуманитарной гимназии ..	61
<i>Бумаженко Н.И.</i> Классификация дидактических игр: теоретический аспект	65
<i>Шевцова Л.И.</i> Особенности восприятия русской поэзии начала XX века учащимися 11-х общеобразовательных и гуманитарных классов	68

Куліев С.И., Степанова Н.А. Региональная программа «Одаренные дети. Химия» (проблемы и перспективы)	74
Філалогія	
Несцяровіч В.І. Кітаб 1832 года: палеаграфія, змест, графіка, арфаграфія	81
Тычка Г.К. Польскі рэгіяналізм і яго ўплыў на беларускую літаратуру XIX – пачатку XX стагоддзяў	91
Емяльянаў А.С. Выклічнікі ў эмацыянальна-вобразнай мове радзінных песень	97
Матэматыка	
Гальмак А.М. К определению класса $\mathbb{F}^*(n)$	100
Максимов С.Л. Холлова характеристика конечных групп подгруппами Шмидта фиксированных рангов	104
Подгорная В.В. Конечные группы с одной не $\mathbb{F}$ -добавляемой подгруппой ..	111
Вылегжанин Д.В. Естественная конструкция обобщенной почти эрмитовой структуры	114
Біялогія	
Радкевич Д.В., Кукушкин С.А. Материалы по морфологии плотвы озер бассейна реки Западная Двина	120
Кулак А.В., Солодовников И.А. Новые и редкие для Беларуси виды пядениц трибы Perizomini (Lepidoptera, Geometridae)	123
Геаграфія	
Пилецкий И.В. Сравнительная оценка трудоресурсного потенциала сельского населения административных районов Витебской области	126
Тихоненко Е.В. Система сельского расселения Витебской области	133
Канферэнцыі. Сімпозіумы	
Слабін У.К. Агульнаамерыканская канферэнцыя «За сур'ёзнае ўспрыманне прыроды»	138
Бібліяграфія	139
Хроніка	141
Рэфераты	144
Звесткі пра аўтараў	149

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

Я.А. Клімянецнак
Г.У. Разбоева
Л.В. Прыстаўка

Падпісана ў друк 8.06.2001. Фармат 70x108 1/16. Папера друкарская.
Афсетны друк. Ум. Друк. Арк. 7,5. Ум. Фарб.-адб. 8. Ул.-выд.арк. 8,8.
Тыраж 150 экз. Заказ 57.

Выдавецтва Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
210036, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33. Ліцэнзія ЛВ № 358 ад 30.12.1998.
Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

© ВДУ імя П.М. Машэрава, 2001

Э.І. Рудкоўскі, А.М. Дарафееў

Светапогляд Я. Баршчэўскага

Светапогляд, як вядома, – гэта інтэгральнае ўтварэнне. У яго склад уваходзяць абагульненыя веды: як штодзённыя, жыццёва-практычныя, так і прафесійныя, навуковыя. У ім узаемадзейнічаюць часам міфалагічныя, рэлігійныя і філасофскія кампаненты. У светапоглядзе асэнсоўваецца ўвесь уклад чалавечага жыцця, выяўляецца пэўная сістэма каштоўнасцей, выстрайваюцца «вобразы» мінулага і сучаснага, атрымлівае адабрэнне або асуджэнне той ці іншы вобраз паводзін людзей. Светапогляд здольны пераадолець вузкія рамкі штодзённасці, суадносіць дадзенага чалавека з іншымі людзьмі, уключаючы і тых, што жылі раней і будуць жыць потым. У ім накопліваецца вопыт папярэдніх пакаленняў, які трансліруецца наступным. У светапоглядзе важнае значэнне маюць не веды самі па сабе, а іх ацэнка, якая праяўляецца ў перакананнях. Перакананні – гэта не толькі інтэлектуальная пазіцыя, але і эмацыянальны стан, устойлівая псіхалагічная ўстаноўка, упэўненасць у справядлівасці сваіх прынцыпаў, ідэй, поглядаў, якія, авалодаўшы ўсёй сутнасцю чалавека, падпарадкоўваюць сабе яго пачуцці, волю, учынкi. Усё гэта ўласціва светапогляду Я. Баршчэўскага, яго светаўспрымання, светаразуменню і светабачанню. Нас будзе цікавіць перш за ўсё яго філасофскі светапогляд.

Я. Баршчэўскі не быў прафесійным філосафам. У яго няма спецыяльных работ па філасофіі. У адным з пісьмаў Я. Баршчэўскі адзначае: «Не даследую я сваёю думкаю таямніцы натуры ці адлегласць да планет. Прырода не дала мне моцнага духу філасофіі, мае думкі нараджаюцца з пачуцця...» [1]. Між тым, аналіз яго літаратурных твораў, пісьмаў дазваляе зрабіць выснову аб наяўнасці ў паэта і казачніка глыбокіх філасофскіх ідэй і палажэнняў. Аб філасофскіх поглядах Я. Баршчэўскага можна меркаваць па зместу тых думак і разважанняў, якія пісьменнік укладвае ў вусны сваіх герояў, і якім ён яўна сімпатызуе.

Я. Баршчэўскі спрабуе па-філасофску асэнсаваць розныя аспекты адносін чалавека да навакольнага свету. На іх падставе можна скласці ўяўленне аб светапоглядзе, светаадчуванні нашага славутага земляка. Перш за ўсё трэба адзначыць, што, ў цэлым, на яго светапогляд аказала ўплыў філасофія сярэднявечча, гнасэалагічныя, этычныя і эстэтычныя сістэмы рамантыкаў. Беларускі рамантызм першай паловы XIX ст. не быў «чыстым» або завершанай плыню ў эстэтыцы. У ім спалучаліся рысы дваранскага асветніцтва, дыдактызму і сентыменталізму з характэрнай для рамантыкаў арыентацыяй на духоўныя каштоўнасці народа. У этыцы і эстэтыцы рамантызму фарміруецца глыбокая павага да індывідуальнасці чалавечай асобы, а таксама да індывідуальнасці кожнага народа, яго культуры і ладу жыцця.

На светапогляд Я. Баршчэўскага не магла не аказаць уплыў таксама схаластычная філасофія, якая атрымала распаўсюджванне ў Рэчы Паспалітай у канцы XVII – пачатку XVIII стагоддзяў. У канкрэтных умовах Беларусі схаластычная філасофія, нягледзячы на ўсе недахопы, была адной з форм

далучэння да антычнай і сярэднявечнай філасофскай спадчыны. Як вядома, для гэтага накірунку быў характэрны правідэцыялізм: сцвярджалася ідэя аб боскім кіраўніцтве ходам гісторыі і чалавечага лёсу (В. Тылкоўскі, Я. Пашакоўскі). У «Гістарычным і палітычным календары на 1739 г.» Я. Пашакоўскі падкрэсліваў, што пры ўзнікненні супярэчнасцей паміж верай і розумам у тлумачэнні з'яў прыроды, неабходна прытрымлівацца веры, а не розуму, таму што «вера больш надзейная, чым наш розум». Спасылаючыся на аўтарытэт Аўгусціна блажэннага, ён падкрэсліваў: «Бог можа больш здзейсніць, чым мы можам зразумець». І філасофскія пазіцыі Я. Баршчэўскага знаходзяцца ў гэтым рэчышчы. Я. Баршчэўскі імкнуўся адлюстравачь у сваіх творах асаблівасці нацыянальнага характару і светаўспрымання беларуса, сцвердзіць ягоную годнасць, абудзіць гістарычную памяць. Пісьменнік выкарыстоўвае патэнцыял фальклорна-рэлігійнай міфалогіі беларусаў, якая з'яўлялася сімбіёзам дзвюх сістэм – сваёй, спрадвечнай (з паганскіх часоў) і хрысціянскай. Спалучэнне паганскай міфалогіі з хрысціянскай дагматыкай у беларусаў, як вядома, было вельмі моцным. І гэты эклектыцызм – галоўная адметнасць беларускага нацыянальнага светапогляду.

У творах Я. Баршчэўскага мы сустракаем многія сімвалічныя вобразы: Чарнакніжнік, Белая Сарока, Плачка і др. Праз гэтыя вобразы раскрываецца светапогляд простых людзей, якія жылі на Беларусі. Чаму з'явіліся гэтыя вобразы-сімвалы? Зразумела, што ў іх аснове ляжала неадукаванасць сялян. Гэта і нарадзіла нядобрых духаў, якія дзейнічаюць на карысць злым панам. У той жа час пісьменнік уводзіць вобраз, які супрацьстаіць усім нядобрым духам. Такім вобразам з'яўляецца Плачка. У гэтым вобразе прадстаўлена Беларусь, якая апекуецца над «сваімі няшчаслівымі дзецьмі».

Светапогляд Я. Баршчэўскага ў цэлым з'яўляецца аб'ектыўна-ідэалістычным. У прыватнасці, ён стаіць на пазіцыях крэацыянізму: Бог з'яўляецца адзіным творцам навокальнага свету і пастаянна накіроўвае ход спраў у ім. У гэтым сутнасць анталагічных поглядаў пісьменніка: «... вечаровай парой адкрыецца старонка, на якой мільёнамі зіхаткіх угары зорак напісана Божая ўсемагутнасць. На зямлі, пакрытай безліччу раслін і жывёл, я чытаў аб міласэрнасці і волі творцы.» [1, с. 83]. Чалавек – гэта частка прыроды, ён тысячамі нітак звязаны з ёй і павінен вучыцца ў яе, шукаць у ёй натхненне. «Гэтая кніга прыроды вучыла мяне сапраўднай паэзіі, сапраўдным пачуццям лепей, чым сённяшнія гаворкія крыткі, якія чужыя пачуцці і розныя здольнасці, дадзеныя чалавеку ад Бога, хочуць, быццам фрак, перашыць на сваю фігуру» [1, с. 83]. Я. Баршчэўскі па-майстэрску апісвае родную прыроду, падкрэслівае адзінства чалавека з ёю: «Кніга таямніц духа і прыроды хоць і не даследавана, хоць нельга яе прачытаць да канца, аднак напісана яна для чалавека. Прыемна, чытаючы яе, здзіўляцца мудрасці Творцы.» [1, с. 411]. Гармонія з прыродай дазваляе чалавеку весці прыстойны лад жыцця. Менавіта, жыццё ў адпаведнасці з прыродай разглядаецца Баршчэўскім як адзіна маральнае і праведнае. Такой пазіцыі, як вядома, прытрымліваліся і старажытнагрэчаскія філосафы. Вось чаму ён аддае ім перавагу перад сучаснымі (пісьменніку – аўт.) філосафамі. Вуснамі аднаго свайго героя пісьменнік разважае: «Я з большым задавальненнем чытаю старажытных грэцкіх філосафаў: яны шчыра шукалі святла і праўды і часам асобным з іх удавалася хоць здалёку ўбачыць прамень вечнага святла. Цяпер, калі нябеснае сонца Евангелля свеціць усяму свету, яны блукаюць у цемры і самі ня ведаюць, чаго шукаюць; назвалі чалавечую душу часткаю Бога, а яна ж – стварэнне Божэ, як і іншыя ўсе душы.» [1, с. 333].

А цяпер звернемся да гнэсеалагічных пазіцый пісьменніка. Чалавек імкнецца пазнаць навокальны свет. Але працэс пазнання бясконцы,

бязмежны. «У кожнаю эпоху прырода – непрачытаная кніга; шчаслівы, хто добра разгледзеў свет, у якім жыве, і ўваскрэсіў частку мінуўшчыны; каб расказаць пра ўсе цуды – мала слоў у чалавечай мове.» [1, с. 329]. І яшчэ: «Чалавек не можа бачыць і чуць далей, як яму прырода дазволіла». [1, с.216]. Трэба адзначыць, што Я. Баршчэўскі удзяляў вялікую ўвагу суадносінам розуму і веры. Пры гэтым ён аддае прырытэт веры перад розумам: «... вывучай таямніцу ўсіх мінулых стагодзяў і цяперашняга свету, – і ўсюды ўбачыш цуды, якія іншым і не сніліся; убачыш руку творцы, але не пераступай межаў і не даследуй дух, бо тут патрэбна вышэйшая сіла, тут патрэбна яснабачанне; не забывай, што ты чалавек; не аддавайся ад свайго цела без волі Таго, хто цябе з ім злучыў, і вокам тваёй душы не ўзірайся ў іншую душу, якая створана як і твая.» [1, с. 334]. У другім месцы мы чытаем:

Дарма халодны розум шчасця дзесь шукае,
Дарма магутны розум лічыць слуг бясконца;
Сумленнага прадбачнасць акрыляе,
Што ўночы зоркі, тое ўдзень запаліць сонца [1, с. 251].

І яшчэ: «Цуды можна разумець сэрцам, а не навукаю» [1, с. 173].

Значнае месца Я. Баршчэўскі адводзіць сацыяльным праблемам: добра і зла ў жыцці чалавека, справядлівасці, сэнсу жыцця, шчасця і г.д. Так, напрыклад, разглядаючы прычыны сацыяльнага зла, ён бачыў іх у эгаізме людзей. Письменнік укладвае ў вусны аднаго з герояў сваіх навел наступнае: «... прычына ўсяму – глупства шляхты, хцівасць і нязгода паноў» [1, с. 219]. У другім месцы мы чытаем: «...паны не дбаюць, каб іх людзі былі пабожныя і жылі ў згодзе, як браты. Адкажуць яны перад Панам Богам.» [1, с. 159]. Пры гэтым адчуваецца ідэалізацыя мінуўшчыны, настальгія па «залатому веку». Раней «ураджаі былі лепшыя, весела спяваючы, працаваў араты ў полі, у лясках вялося безліч ласёў і дзікіх коз, і паляўнічы лёгка знаходзіў звера, і рыбак упэўнена закідаў нерат у воду. Але калі людзі размежылі жалезным ланцугом палі і лясы, калі кожны захацеў стань багатыром, мець дарагую вопратку і пышныя карэты, – усё змянілася на свеце, багатыя пачалі прыцясняць бедных, і угневаны Бог не благаславіў людскую працу, змяніліся ўраджаі...» [1; с. 199-200]. Тэхнічны, сацыяльны і навуковы прагрэс суправаджаецца падзеннем нораваў, лічыць шляхціц Завальня: «...гэта папярэджанне людзям, каб вы правілі свае норавы. Але прыкра, што цяпер людзі такія разумныя, што яны ўсё ведаюць, ні ў якія цуды не вераць, ім трэба скарбы, каб не працуючы, мець усё, што толькі заманецца» [1, с. 174]. А другі герой адзначае: «Цяпер жалезны век – чалавек лёгка робіцца горшы» [1, с. 308]. Такім чынам, сучасны свет супярэчлівы, складаны, а часта варожа накіраваны да чалавека: «Свет не рай, а людзі не анёлы» [1, с. 309]. «Няма праўдзівага шчасця, няма раю на гэтай зямлі» [1, с. 317]. Дзе ж выйсце? Письменнік яго бачыць у міласэрнасці, працавітасці, любові да Бога, святога Евангелля. Звернемся да яго твораў. «Памятай заўсёды такую прыказку: як пасцеліш, так і выспішыся. Калі літасцівы Бог дасць табе добры лёс – разважае адзін з герояў навелы «Бура», – і ўладу над сваімі зямнымі скарбамі – не шкадуй бліжнім, памятаючы, што міласэрныя атрымаюць міласэрнасць і будуць спадчыннікамі царства нябеснага» [1, с. 178]. Я. Баршчэўскі рэзка асуджае тых паноў, якія клапаціцца толькі аб сваім дабрабыце і з пагардай ставяцца да спрадвечных традыцый і звычаяў народа, яго ладу жыцця. «Не з фабрык трэба пачынаць грамадзянам беларускім, каб палепшыць свой быт, – сцвярджае адзін з герояў, – а з зямлі, бо сялянская гаспадарка найбольш прыносіць карысці ў нас, трэба рупіцца заводзіць жывёлу, угнойваць палеткі, павялічваць сенажаці і сваіх падданных навучаць лепшым маральным канонам, каб любілі сваю бацькаўшчыну. Не

крыўдзіць, прысвойваючы іх уласнасць, меньш будаваць корчмаў і старацца мець больш збожжа ў запасе» [1, с. 180]. Можна пагаджацца, альбо не з такімі разважанымі з эканамічнага пункту гледжання і з пазіцыі сённяшняга часу, але нельга не бачыць іх высокага маральнага сэнсу. Ацэньваючы роль Бібліі ў жыцці кожнага чалавека, наш славуць зямляк сцвярджае ў адным са сваіх пісьмаў: «Адна гэтая кніга магла б служыць свету з большай карысцю, чым найграмаднейшая бібліятэка. Калі б толькі людзі хацелі шукаць у ёй праўду; гэтая кніга – крыніца сапраўднай мудрасці, яна вучыць пазнаваць свае абавязкі перад бліжнімі і Богам» [1, с. 415].

Не абходзіць Я. Баршчэўскі і такую філасофскую праблему, як праблема шчасця і сэнсу чалавечага існавання. Вытокі першага ён бачыць у добрасумленнай працы, каханні і павазе да Бога: «... людзі ўсюды такія самыя, там толькі шчасце, дзе чалавек жыве так, як Бог загадаў, працуе рупліва і без хціvasці, не забывае бліжніх, спадзяецца на лепшае» [1, с. 252]. Далей мы чытаем: «Хто працуе і спадзяецца на Бога – можа і тут быць шчаслівы і спакойны» [1, с. 253]. І яшчэ нельга не адзначыць такія радкі: «... дзе ў хаце каханне і згода, там і згода, там і блашавенне Божае» [1, с. 109]. Важнайшай якасцю чалавека з'яўляецца здольнасць прыйсці на дапамогу чалавеку, які апынуўся ў складаных абставінах жыцця. «Жыццё кожнаму дарагое: чалавек, як можа, ратуе сябе ад няшчасця; сурова будзе судзіць Бог таго, хто перад нешчаслівым зачыняе дзверы» [1, с. 180].

Трэба адзначыць, што ў сваім разуменні сэнсу чалавечага існавання, Я. Баршчэўскі прытрымліваецца той філасофскай традыцыі, якая бярэ пачатак ў філасофіі Арыстоцеля, а потым была ў той ці іншай ступені выкарыстана і хрысціянскай філасофіяй у выглядзе арыстоцэлізму. Вядома, што знакаміты антычны філосаф бачыў шчасце чалавека не ў задавальненнях, не ва ўшанаваннях і не ў багацці. Апошнія – гэта сродак для чагосьці іншага і як мэты сэнсу не мае. Мэта чалавечага існавання і сутнасць шчасця – ва ўдасканаленні сябе як чалавека, у актыўнасці душы, згоднай з дабрачыннасцю. У «Шляхціцы Завальні» мы чытаем: «Божая рука папярэджвае вас, што няма нічога сталага на зямлі, гмахі вашы ператворацца ў руіны, моц, багацці, гонар і слава рассеюцца і знікнуць, як лёгкі дым у паветры ... імя іх (знакамітых людзей – аўт.) сканае ў пустэльні нябыту, калі ў жыцці не ўвянчалі яны свае галовы каронаю праўды» [1, с. 199]. У рэшце рэшт, жыццё на гэтай зямлі мае сэнс толькі тады, калі яно з'яўляецца падрыхтоўкай да жыцця вечнага: «Заўсёды такая смерць (жахлівая – аўт.) тым людзям, што шукаюць шчасця на гэтым свеце, а пра будучае жыццё не дбаюць» [1, с. 195].

Нельга не адзначыць і такую адметную рысу светапогляду Я. Баршчэўскага, як патрыятызм, любоў да родных мясцін, традыцый і звычаяў свайго народа. Знаходзячыся далёка ад родных мясцін, пісьменнік разважае: «Дзікія лясы мілей за пышныя паркі! Шум вашых галін акунаў мяне ў роздум, у засені вячых дрэў заўсёды адчуваў я нейкія неразгаданыя таямніцы прыроды. У народных апавяданнях сустракаў пачуццё і праўду, адчуваў іх мудрасць і малітвы цэлага народа, мілей гэта ў сто разоў, чым халодныя забаўкі ў багатых салонах» [1, с. 198]. Людзі, канешне, не заўсёды жывуць у родных мясцінах, але галоўнае, каб «Бог падмацаваў іх сэрцы любасцю да бацькоўскіх звычаяў» [1, с. 254].

Такім чынам, аналіз асноўных твораў Я. Баршчэўскага дазваляе сцвярджаць, што яго светапогляд быў глыбока рэлігійным. Гэта праходзіць чырвонай ніткай праз яго навелы і пісьмы. «Не перамены надвор'я, альбо часу распаджаюцца чалавечым жыццём, а Той, хто кіруе Небам і Зямлёю» [1, с. 418]. Нездарма філосаф-атэіст (герой адной з навел) сутыкаецца з рознымі напасцямі: «Ён не пакінуў займацца ашуканствам, а пасля асмеліўся нават

надрукаваць свае разважанні, што супярэчылі рэлігіі і здароваму розуму, (іх супадзенне для аўтара бяспрэчнае – аўт.) у часопісе. Яго старыя суседзі, якім гэта чытаў, папярэджвалі: – Пакінь свае памылкі; вер так, як верылі твае бацькі. Яны жылі шчасліва і спакойна; іх простая вера заслужыла ўзнагароду. Якая ж праўда вышэйшая за праўду веры? Бог яе сам аб'явіў у Евангеллі, і гэтая мудрасць, як сонца нябеснае, асвятляе цэлы свет і кажа пра таямніцы. Чалавечы розум няхай супакоіцца, бо гэта за мяжою яго разумення. Памылковыя думкі вядуць народ да бяды, а веру – да ганенняў» [1, с. 306].

Светапогляд Я. Баршчэўскага пранікнуты чалавечнасцю, гуманізмам. Любоў да Бога і любоў да чалавека для яго неразрыўныя. У яго светапоглядзе пісьменніка адлюстравалася гісторыя беларускага народа, яго ментальнасць, філасофія і стаўленне да жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. **Баршчэўскі Ян.** Выбраныя творы. Мн., 1998. – 480 с.

S U M M A R Y

In this article Borschevsky's philosophic outlook is evaluated. The analysis of ontological, gnoseological and ethical approaches has been provided.

Поступила в редакцию 4.02.2001

УДК 378. 414

Е.Э. Кривоносова

Прожективные ориентации студенческой молодежи

Мы часто слышим фразу «молодежь – шанс на будущее», которая подчеркивает особый статус данной возрастной категории населения как социального ресурса развития и обновления нашего общества. Поэтому уже сегодня важно определить, способно ли молодое поколение взять на свои плечи весь груз ответственности за продуктивные преобразования страны. Этой цели и посвящено настоящее исследование, проведенное сотрудниками кафедры философии. Мы надеемся, что результаты исследования помогут лучше узнать мировоззрение, мироощущение, жизненную позицию, самооценку молодых людей, и, следовательно, будут способствовать корректировке в нужном направлении учебно-воспитательного процесса.

Данная статья посвящена описанию панорамы жизненных планов студенческой молодежи. Мы исходили из предположения, что выявленные в ходе исследования ценностные ориентации студенчества дают определенное представление о том, как они соотносят себя с окружающей действительностью, имеют ли возможность реализовать себя в ней, какова связь их прогностической модели жизни с прошлым и настоящим страны.

Следует отметить, что в современных условиях молодежь пользуется гораздо большей автономией, чем раньше. В недавнем прошлом система идейно-воспитательной работы была поставлена под жесткий контроль государст-

ва и сводилась к тому, чтобы подрастающее поколение твердо усваивало социальные ценности, идеалы, а потом реализовывало интериорно значимые нормы в деятельности на благо общества. Процесс социально-политической трансформации привел к изменению характера воспитательной работы. И молодое поколение, на наш взгляд, стало заложником этого социально-политического, экономического, культурного выбора страны. Отказавшись от старых идеологем (советские стереотипы мышления объявлялись ложными, устаревшими – что было во многом спорным – и не должны были проникать в новые социально-политические условия, чтобы не мешать поиску и не девальвировать значение актуальных ценностей и образцов), долгое время педагоги находились в растерянности: чему, как, на каких примерах и идеалах учить, ведь построение суверенного государства требовало новых подходов к воспитанию его граждан. Переходный период от тоталитарной модели к стабильно функционирующему демократическому обществу выразился в том, что «десакрализация отношений к миру и обществу, упадок идеальной, возвышенной, романтической стороны жизни сопровождается ее банализацией, обуржуазиванием, подчинением законам рынка, превращением в товар. Прежняя символика и образность, выражавшие высокие и часто недостижимые идеалы, превращаются в продукт массового духовного освоения, но освоения мнимого, ограниченного аудиовизуальным знакомством. Идеалы превращаются в продукт массового духовного потребления, но не освоения» [1].

Так, только 44,26% опрошенных отметили, что им дороги опыт и то, во что верили и чем жили их родители, дедушки, бабушки. 41,0% проанкетированных в давнем споре западников и славянофилов встали на сторону первых, выбрав в качестве опоры западный образ жизни и его ценности. Несомненно, идентификация себя с западным миром связана с желанием иметь столь же достойный уровень жизни.

Готовность уехать за границу на постоянное место жительства выразили 29,77% молодых людей. Стремление уехать в другую страну отражает неуверенность в своем будущем, боязнь нестабильности, противоречивых тенденций продвижения страны к рынку. Практически каждый пятый респондент (19,5%) полагает, что родина там, где хорошо жить. Но отдают ли эти молодые люди себе отчет в том, что статус иммигранта невысок, что им может быть предложена лишь неквалифицированная, мало оплачиваемая работа, что придется «вживаться» в иную культурную среду, что при всей либеральности взглядов на Западе к ним будут относиться как к второсортной категории населения? А если все эти обстоятельства данная часть респондентов все же осознает, то встает вопрос: зачем тогда бороться за место под солнцем «там», в чем смысл подобного мазохизма? Справедливости ради следует отметить, что большинство опрошенных связывают свое будущее с судьбами своей страны (34,6%) или пока не определились (35,6%).

Гордость за принадлежность к белорусскому государству чувствует треть (33,8%) респондентов. Решимость в случае необходимости защищать родину проявили 57,7%. А что же остальные? Может, убежденные пацифисты? Скорее всего – нет. Ответ кроется в другом: половина опрошенных (52,3%) не готовы ради интересов Беларуси пожертвовать личными интересами. Этот показатель не может не настораживать и свидетельствует о недостаточно высоком уровне эффективности патриотического воспитания.

Полученные результаты исследования говорят об отсутствии у определенной части учащейся молодежи поколенческой общности, укорененности в прошлом и настоящем страны, привязанности к ней; свидетельствуют об изменении вектора ценностных установок у подрастающего поколения. Изменение мемофонда, фонда социально-культурной памяти, является логическим

продолжением нарушения равновесия всех общественных сфер жизни. Привнесение в нашу действительность духа конкуренции – социально-политической, экономической – поставило нас перед фактом: единство личного интереса и общественной пользы, как отмечает английский философ А. Уайтхед, зачахло и умерло с развитием капиталистических отношений, а «частная жизнь возобладала... во всех своих особенных формах» [2].

Может показаться, что такая трансформация мировоззрения молодых людей свидетельствует об их высокой степени адаптированности к новым социально-экономическим условиям. Однако результаты исследования на это не указывают. В частности, 47,28% опрошенных не согласны с утверждением, что им удалось найти свое место в сегодняшней непредсказуемой жизни. Будущее для многих ассоциируется со словосочетанием «жизненная неопределенность» (57,3%) и является наряду с будущим детей и семьи предметом тревог и волнений (80,88%). Не потому ли, как отмечалось выше, треть респондентов готовы навсегда покинуть свою страну?

Известно, что молодость – пора надежд, формирования жизненных планов, когда все еще впереди. Вместе с тем по самооценке студенческой молодежи переживаемая ею пора жизни и жизненные перспективы приобретают противоположные оттенки. На вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда думаете о своем будущем?» были получены следующие ответы:

- радость: все в жизни к лучшему – 49,89%;
- беспокойство и тревогу – 45,07%;
- уверенность: я имею силы, чтобы справиться с трудностями – 37,4%;
- грусть, тоску – 18,1%;
- безразличие: все надоело – 11,87%;
- пессимизм: жить не хочется – 7,4%;
- обозленность на всех и все – 4,4%.

Таким образом, в оценках респондентов наблюдается поляризация: от оптимистических до крайне пессимистических.

Среди проблем личного характера, вызывающих наибольшее беспокойство, можно выделить жилищную проблему (52,7%), сложности с трудоустройством после окончания вуза (45,07%), снижение уровня материальной обеспеченности населения, в том числе молодежи (76,86%).

Эти страхи, несомненно, связаны с целым комплексом социально-экономических проблем. Государство не в силах реализовать принцип всеобщей занятости из-за переживаемого экономического кризиса, расширения негосударственного сектора, в котором, к слову, хотят работать 79,5% опрошенных, а потому при всем желании и усилиях (например, обязательное распределение после окончания вуза) государство не может обеспечить гарантированное трудоустройство молодых специалистов. Положение молодежи на рынке труда осложняется и тем обстоятельством, что она представляет собой неконкурентноспособную рабочую силу. Достаточно просмотреть объявления о найме на хорошо оплачиваемую работу, чтобы понять, что так удручает будущих выпускников: требуются специалисты с высоким уровнем квалификации, трудовыми навыками, стажем работы, как правило, не менее трех-пяти лет. Недостаточная востребованность трудового потенциала молодежи, в том числе и учителей разных специальностей, оборачивается, к сожалению, безработицей, отрицательные стороны которой известны: профессиональная деградация, чувство утраты жизненной перспективы, депривация. Поэтому понятно нежелание молодых людей жить в состоянии трудовой выключенности. Как показывают результаты исследования, работа для 35,2% респондентов – дело важное, источник радости, удовольствия, для 48,89% – источник получения средств к существованию.

Труд, по мнению студентов, – это один из наиболее важных факторов жизненного успеха (см. ниже позиции 3,4,6), среди которых были отмечены также и другие предпосылки:

1. Удача, везение, стечение обстоятельств – 62,5%;
2. Прирожденные способности – 62,17%;
3. Высокая профессиональная подготовка – 58,%%;
4. Умение упорно и результативно трудиться – 47,08%;
5. Знакомство с нужными людьми – 43,86%;
6. Интересная работа – 37,6%;
7. Умение устраивать дела любым способом – 30,58%;
8. Происхождение из богатой семьи – 24,1%;
9. Полная свобода и независимость – 23,3%;
10. Свое дело, успех в предприятии – 22,9%;
11. Связи родителей, родственников – 21,3%;
12. Положительные качества – 18,5%;
13. Власть, возможность командовать людьми – 6,4%;
14. Умение угодить начальнику – 2,4%.

Как видим, наряду с определенной долей фатализма молодые все же верят в свои силы, рассчитывают больше на себя, нежели на внешние обстоятельства (ср.: позиции 3,4 и 8,11), склонны искать субъективные факторы успеха в трудолюбии, самораскрытии своих способностей и качеств, самостоятельности и настойчивости.

В качестве составляющих жизненного успеха молодые люди выделили:

1. Семейное благополучие – 63,58%;
2. Лепкое здоровье – 62,57%;
3. Деньги – 36,8%;
4. Умение хорошо и качественно трудиться – 28,77%;
5. Почет и уважение окружающих – 28,16%;
6. Положение в обществе – 25,3%;
7. Служебная карьера – 25,1%;
8. Независимость – 17,1%;
9. Известность, популярность, слава – 4,8%;
10. Популярность у противоположного пола – 3,0%;
11. Престижные вещи – 1,2%.

Таким образом, первые позиции в этой иерархии гласят: жизнь удалась, если все хорошо в семье, имеешь физическое здоровье и работоспособность, чтобы ее материально обеспечить, и при этом заслуживаешь уважение людей. Совсем невысок рейтинг таких признаков успеха, как обладание престижными вещами, известность, слава. Следует обратить внимание, что материальный достаток, деньги – по-прежнему на третьем месте среди наиболее значимых для молодежи ценностей. Такое ранжирование жизненных доминант заслуживает, по нашему мнению, положительной оценки.

Поскольку большинство респондентов выразили неудовлетворенность своим материальным положением, то мы посчитали важным выяснить, каким образом они хотят улучшить его. Предлагаемым вариантам следовало присвоить номера от 1 до 8 по степени приемлемости, в порядке рациональных предпочтений. В результате по сумме двух первых мест как наиболее значимых мы получили данные, отображенные в таблице.

На основе анализа полученного материала можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, как видим, девушки и юноши единодушно главным способом увеличения доходов признали приобретение более перспективной профессии. Получается, что половина обучающихся в университете либо не уверены в окончательном выборе профессии, либо учатся только ради диплома о высшем образовании, либо предвидят сложности с трудоустройством по специальности, либо согласны поменять любимое профессиональное занятие на более прибыльное, ведь не секрет, что оплата труда учителя далека от средней по республике. Не трудно догадаться, на какие специальности падает выбор молодых людей при желании получения второй профессии. Это, как правило, разные виды экономического и юридического образования, которые ассоциируются в массовом сознании с престижным положением и хорошей зарплатой. Но учитывают ли наши студенты, что спрос на владеющих данными специальностями рано или поздно снизится, а потому средства, потраченные на получение второго высшего образования могут не оправдаться.

Таблица

Предполагаемые варианты улучшения материального положения

	Девушки			Юноши	
1	Приобрести более перспективную профессию	56,2%	1	Приобрести более перспективную профессию	44,1%
2	Повысить квалификацию	48,5%	2	Заняться предпринимательской деятельностью	37,9%
3	Вступить в брак с состоятельным человеком	28,1%	3	Повысить квалификацию	34,4%
4	Поехать на заработки за границу	18,4%	4	Поехать на заработки за границу	24,1%
5	Заняться предпринимательской деятельностью	17,9%	5	Попробую заработать даже незаконным путем	19,2%
6	Попробую заработать даже незаконным путем	13,9%	6	Получить наследство	17,2%
7	Ничего не собираюсь делать	12,2%	7	Ничего не собираюсь делать	17,2%
8	Получить наследство	11,6%	8	Вступить в брак с состоятельным человеком	12,4%

Возможная (хотеть – не значит иметь) мобильность студентов вуза в плане приобретения иной профессии представляется совершенно новым явлением, ведь данная тенденция традиционно характерна для лиц, имеющих среднее специальное образование.

Во-вторых, отрадно, что значительная часть будущих выпускников нашего университета выражает стремление повысить свою квалификацию в пределах выбранной профессии. Видимо, молодежь усвоила главный урок рынка – конкуренцию, которая означает отбор лучших, профессионально зрелых, опытных, квалифицированных работников. Знания воспринимаются как выгодный капитал.

В-третьих, данные исследования указывают на формирование рыночных ориентаций молодежи. Особенно среди юношей высок процент тех, кто стремится заняться частным предпринимательством, не боясь сопряженных с этим трудностей и опасностей: наличия надлежащих стартовых средств, риска банкротства, криминализации данной сферы деятельности и т.д. Заметим, мировой практикой бизнеса установлено, что только около 5% взрослого трудоспособного населения способно быть предпринимателями.

В-четвертых, среди девушек больше выражена тенденция искать материальную опору в браке с состоятельным человеком. Не в последнюю очередь именно эти мечты девушек об удачном замужестве подталкивают «сильный пол» к выбору активной жизненной стратегии в плане обеспечения экономической защищенности своих избранниц, не чураясь при этом даже незаконных путей добывания денег (см. табл.: 5-е место).

В-пятых, в качестве реального способа повышения материального положения опрошенные видят продажу своей рабочей силы за границей (см. табл.: 4-е место).

В-шестых, в качестве положительного явления следует отметить, что современная молодежь намерена жить в роли социальных иждивенцев: респондентам претит позиция ничегонеделания, решения жизненных проблем за счет получения наследства.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Процесс социализации респондентов проходит в обстановке радикально меняющегося общества, что с неизбежностью отражается на образе жизни молодых людей и проявляется в изменении их планов, настроений, ценностных ориентаций, жизненных ожиданий, модели своего будущего.

Сложившаяся общественная ситуация порождает амбивалентную реакцию: с одной стороны, угнетенное состояние, а с другой – оптимистический прогноз на будущее. Молодежь готова «драться» за место в жизни. При этом ценности «выживания» и «достижения» уравнивают друг друга. Молодежь стремится к самореализации в общественно одобряемых формах деятельности – учебной, трудовой, что является важным социальным показателем.

Культ личного успеха вытесняет коллективистские начала. В то же время студенчеству нельзя приписать безоглядный гедонизм, утилитарное сознание, отчуждение от труда.

Поскольку молодежь является органической составной частью любого общества, то проблемы ее жизненного самоопределения нельзя решить без качественного изменения всей системы общественных отношений. С другой стороны, последнее невозможно без превращения молодежи в активного субъекта общественной жизни, т.к. именно молодежь концентрирует в себе перспективные тенденции общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Социс.*, 1998, № 12. С. 92.
2. Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. / Сост. И.Т. Касаевин. М., 1990. С. 421.

S U M M A R Y

The article contains the analysis and the summary of the results of the sociological research, devoted to the study of the life plans of the university students.

Поступила в редакцию 18.01.2001

Абдултауаб Абдулмалик Шариф

Гуманистический аспект деятельности средств массовой информации Йемена

Гуманизм как один из основополагающих принципов мировой цивилизации исходит из признания человека высшей ценностью социального развития и базируется на системе связанных между собой прав и свобод личности.

Принцип гуманизма, так же как и его составляющие (человечность, равенство, свобода, справедливость) имеет конкретно-историческое содержание. Идеи гуманизма входят в духовную культуру разных стран и народов в качестве ориентиров развития основных сфер жизнедеятельности современного общества: политической, правовой, экономической и т.п. Особого исследовательского интереса заслуживают проявления гуманизма в информационной сфере жизнедеятельности общества и в ее важнейшей составляющей – в средствах массовой информации (СМИ). Из всех основных принципов взаимодействия печати, радио и телевидения с обществом (объективность, массовость, доступность, демократизм, гуманизм), именно принцип гуманизма является специфически личностным, то есть фокусирующим по отношению к определенному субъекту все другие принципы, всесторонне определяющим смысл отношений СМИ с отдельной личностью.

Целью данной статьи, являлся всесторонний анализ проявлений принципа гуманизма в практике функционирования современных йеменских СМИ. Основополагающая цель реализована посредством решения следующих исследовательских задач: выделения основных аспектов проявления принципа гуманизма в деятельности йеменских СМИ; согласования принципа гуманизма с функциями печати, радио и телевидения; выработки рекомендаций по совершенствованию гуманистической деятельности СМИ. Полагаем, что выводы и положения статьи представляют интерес и для белорусских ученых в сфере социологии, культурологии и журналистики: в настоящее время средствам массовой информации и Йемена, и Беларуси необходимо модернизироваться как в техническом, так и в содержательном плане с целью доведения качества и количества производимой и передаваемой информации до уровня, соответствующего сущностным характеристикам цивилизации XXI столетия. Как йеменские, так и белорусские СМИ должны программировать свои основные цели и задачи, структуру деятельности, учитывая потребности развития человека, его интересы.

Изучая реализацию принципа гуманизма в различных сторонах деятельности СМИ, следует учитывать не только обособленность интересов (в том числе информационных) отдельной личности, но и единство в ее сознании личных, групповых и общественных интересов. Для СМИ, изначально рассчитанных на массовое общение, основная задача, таким образом, сводится к качественному развитию своих отношений с аудиторией – борьбе за максимальный охват массовой аудитории через дифференциацию и индивидуализацию.

Системный анализ современных йеменских СМИ позволил выделить следующие аспекты реализации принципа гуманизма в функционировании печати, радио и телевидения: идейно-организационный, идейно-гносеологический, ценностно-ориентирующий, организационный.

Идейно-организационный аспект реализуется в деятельности по органи-

зации и управлению системы СМИ. Здесь принцип гуманизма требует создания информационных условий для всестороннего развития личности, формирования сознательного отношения к действительности и обеспечения активного участия граждан в общественно-политической жизни своей страны. Идеино-организационный аспект гуманизма непосредственно связан с социализаторской и информационной функциями СМИ.

Основу йеменского законодательства о СМИ составляет принцип свободы печати и информации, гарантированный Конституцией Республики Йемен и Законом о печати, принятым практически сразу после образования в 1990 году единого йеменского государства. Идеино-организационный аспект отражают сформулированные в самом Законе о печати цели его принятия: защищать права журналистов, предоставлять необходимые гарантии свободы и независимости для выполнения задач, стоящих перед ними; способствовать развитию национальной йеменской журналистики; способствовать единству йеменского общества, развитию национальной культуры, служащей идеям прогресса и мира.

Взаимодействие различных СМИ Йемена развивалось в 90-е гг. от простого повторения к дополнению друг друга. Это связано прежде всего с особенностями основных средств массовой информации – печати, радио и телевидения.

Газеты аудитория ценит не только потому, что они всегда под рукой и в обращении с ними человек волен выбирать время и обстановку для чтения [1]. Граждане Йемена видят преимущество газеты в том, что она глубже и многограннее описывает события (т.е. полнота восприятия информации достигается не только за счет особенностей ситуации восприятия, но и за счет качества самой газетной информации). Так, для значительной части аудитории увиденное по телевидению или услышанное по радио, очевидно, служит стимулом для целенаправленного поиска в газетах соответствующей информации. На вопрос: «Появляется ли у Вас желание прочитать в газете о том, что заинтересовало в передачах радио или телевидения?» – 44,7 % опрошенных жителей Адена ответили утвердительно, 16,8 % – «нет», 27,5 % – «иногда да, иногда нет», 12 % – затруднились ответить.

Среди источников информации одно из ведущих мест в Йемене занимает радиовещание. Происходит это не только в силу особенностей этого вида СМИ: оперативности, открытости, эффективности воздействия на массовое сознание и влияния на формирование реальных моделей социального поведения больших масс людей. Ведущее значение радиовещания определяется также тем, что более 50% населения Йемена неграмотно. Кроме того, продолжает расти влияние западного радио («Би-Би-Си», «Свобода» и др.), особенно в молодежной среде (в возрасте от 16 до 30 лет): так, за пять лет – с 1992 по 1997 год – число слушающих с разной степенью регулярности эти станции возросло с 42 до 69 %, а число обычно или иногда соглашающихся с их мнением или доверяющих им превысило 60%. Слушатели западного радио – это та аудитория, которую не устраивает информация только официальных СМИ, потому это влияние следует рассматривать в качестве одного из факторов демократизации йеменского общества.

Среди электронных средств массовой информации и коммуникации особая роль принадлежит телевидению как наиболее массовому и оперативному источнику информации и одновременно самобытному виду искусства. Уже в середине 90-х годов более 80% жителей Йемена черпали общественно-политическую информацию главным образом из телевизионных программ.

На деятельность йеменских СМИ большое влияние оказывает государство. Поэтому в процессе формирования гражданского общества необходимо вы-

работать целостную концепцию укрепления правового статуса СМИ. При совершенствовании законодательства, на наш взгляд, необходимо: перейти к исключительно правовому регулированию вопросов создания СМИ; расширить число субъектов, наделенных правом учреждать собственные СМИ, включив сюда государственные и общественные учреждения, кооперативы, трудовые коллективы, граждан и их объединения; отказаться от разрешительного и излишне централизованного порядка создания новых СМИ в пользу более простой и демократичной процедуры. Оптимальным нам представляется двухстадийный порядок создания СМИ: учреждение СМИ, совершаемое по воле уполномоченного лица и удостоверяемое соответствующим исполнителем-распорядительным органом государственной власти, и регистрация, осуществляемая специализированным органом управления.

Кроме того, здесь важной является социальная справедливость, нацеленность СМИ и курирующих их деятельность государственных органов на максимальное удовлетворение при существующих общественных возможностях запросов самых широких слоев населения, с особым вниманием к группам с более низким уровнем дохода, образования, квалификации. В этой связи следует, в частности, программировать и поощрять шаги по созданию льготных условий подписки, приобретения радио- и телевизионных принимающих устройств (например, льготы для пенсионеров и сельских жителей, длительный кредит для малообеспеченных семей и т.п.).

В производстве информации гуманистический идейно-организационный потенциал СМИ должен быть оценен и с точки зрения авторского участия в обмене информацией всех слоев населения, осуществления права на индивидуальное участие в информационном обмене. В первую очередь, это право реализуется через письма и устные обращения (жалобы, заявления, требования, предложения) в органы управления и общественные организации, еще чаще – в редакции газет, журналов, радио и телевидения. Предпринятые индивидуально или по коллективной инициативе людей, такие обращения – ценный источник информации об общественном мнении, способ влияния населения на социально-политические события и процессы. Не менее важно отражение средством массовой информации общественного мнения с точки зрения сохранения, донесения во всем объеме аналитико-конструктивного потенциала, а также «знаковой окраски». К сожалению, проведенные автором в 1995 г. сопоставительные контент-аналитические исследования редакционной почты и опубликованных на страницах ряда газет писем обнаружили передачу общественного мнения по соотношению в нем критических и положительных суждений «с точностью до наоборот». Редукция происходила и по основаниям аналитичности-конструктивности. Так, контент-аналитическое исследование центральных правительственных изданий Республики Йемен выявило, что конкретные предложения по решению социально-политических проблем содержали более 50% писем, а среди опубликованных – немногим более 28%.

Идейно-гносеологический аспект выявляет действие принципа гуманизма в познавательной деятельности профессиональных и непрофессиональных производителей информации, в тех идейно-политических установках, которыми они руководствуются при выборе объектов изучения и способов получения информации. По справедливому замечанию О.Н. Крутовой, «действительность перестает мыслиться человеческой, если не выяснен ее «смысл» по отношению к человеку, не фиксировано внимание на том, что дает она человеку» [2]. Такая позиция предполагает первоочередное внимание журналистики к социальным аспектам событий и явлений, к активной поддержке социально ориентированной политики.

В демократическом обществе важнейшая политико-правовая задача средств массовой информации – массовое внедрение ценностей, основанных на уважении закона и прав человека, обучение граждан способам мирного разрешения конфликтов, не ставящим под сомнение общественный консенсус по основополагающим вопросам государственного устройства. Закон о печати Республики Йемен прямо указывает на запреты в журналистской деятельности: – унижение религиозных и других верований человека; – проповедь расизма; – воздействие на общественное мнение непроверенной, лживой информацией; – обнародование секретной информации; – распространение информации, не соответствующей нормам морали.

Особо оговаривается в Законе запрет на пропаганду идей терроризма, насилия и атеизма. Запрет на пропаганду атеистических учений связан с культурно-историческими особенностями страны, с необходимостью защиты ценностей ислама, который играет огромную роль в общественно-политической жизни всего арабского мира – по нашим подсчетам, до 40% эфирного времени государственного телевидения Йемена посвящено освещению мусульманских ценностей, чтению Корана и т.п.

В рамках реализации идейно-гносеологического аспекта принципа гуманизма необходимо рассматривать и использование информации о личности в СМИ. Этические и юридические нормы стоят на страже интересов человека, охраны его чести и достоинства, права на неприкосновенность личной жизни. Йеменское законодательство устанавливает нормы и ответственность каждого перед законом за характер и последствия использования информации о личности. Так, ряд статей Гражданского кодекса Республики Йемен дает право каждому человеку на судебную защиту от посягательства на его честь и достоинство, устанавливает право граждан на собственное изображение, охраняет от вмешательства в личную жизнь, гарантирует тайну переписки, устанавливает ответственность за распространение сведений, умаляющих достоинство граждан. Гуманистический характер имеют конституционные нормы, в том числе гарантирующие базовые права личности – прежде всего право на жизнь, запрещающие в этой связи пропаганду войны. Однако наличие и применение правовых норм – это идейно-организационный аспект осуществления принципа гуманизма. Внутренняя же ответственность субъекта познавательной деятельности, предполагающая определенные установки, сознательное применение норм в практике познавательной деятельности, составляет идейно-гносеологическую сторону гуманизма.

К числу подлежащих юридической защите прав граждан в сфере массовой информации относится право на имя. Мы убеждены в том, что подлинное имя гражданина без согласия его обладателя может использоваться в материалах СМИ только при наличии причин, обусловленных важными государственными и общественными интересами. Совершенно недопустимо, на наш взгляд, оглашение персональных данных обвиняемых до вынесения приговора, поскольку «досудебные» публикации, с одной стороны, компрометируют лиц, которые еще не признаны виновными, а с другой – оказывают информационное воздействие на сознание судей и свидетелей, что особенно ощутимо в условиях дефицита правовой культуры.

Следует также указать на необходимость соблюдения прав граждан на изображение и на неприкосновенность личной жизни. Йеменские СМИ должны иметь право оглашать сведения, касающиеся личной жизни гражданина только при наличии его согласия. Но в отдельных случаях, на наш взгляд, сведения могут оглашаться и без согласия заинтересованного лица, если это необходимо для защиты важных общественных интересов или непосредст-

венно связано с государственной или общественной профессиональной деятельностью лица.

В прессе Йемена неоднократно обсуждался вопрос о границах применения технических средств (в частности, скрытой камеры), этике визуального изображения на телеэкране. Однако уровень профессионально-этической рефлексии может оказаться недостаточным в связи с ростом субъективного фактора в деятельности многочисленных СМИ, зачастую открыто или латентно выражающие интересы определенных политических партий и движений. Актуальна и проблема формирования соответствующих установок на применение средств познания социально-политической действительности у непрофессиональных авторов. Остаются весьма широкие нерегламентированные области отношений СМИ и личности: в частности, при использовании результатов собственных опросов, при ведении передач в «прямом эфире» не только моральные, но и юридические регулятивы должны, на наш взгляд, определять поведение журналиста. Достижение гуманных целей гуманными средствами – основной смысл рассматриваемых проявлений идейно-организационного и идейно-гносеологического аспектов деятельности йеменских СМИ.

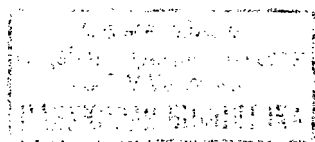
Вместе с тем, йеменская аудитория использует различные пласты информации из разных каналов. Это дает основания предполагать, что при сравнении качеств каналов она исходит не только из реального сопоставления однотипных материалов различных источников, но и из общих, выходящих за рамки реального пользования источниками, социально-политических представлений. В свою очередь, важнейшие средства массовой информации, как отечественные, так и зарубежные являются важнейшим источником формирования общественного мнения ценностных ориентаций йеменских граждан.

Ценностно-ориентирующий аспект деятельности йеменских средств массовой информации нацелен на распространение и внедрение в сознание аудитории гуманистического идеала и связан с образовательной и воспитательной функцией СМИ. Обществу жизненно необходима «социальная общеобязательность рационального прояснения принципов «человеческого начала» [3].

Образовательная функция проявляется в сообщении гражданам знаний, позволяющих адекватно оценивать и упорядочивать сведения, получаемые из разных источников, правильно ориентироваться в сложном и противоречивом потоке информации. Кроме того, в Йемене в систему среднего образования входит учебное ТВ. Оно в известном смысле выступает как средство, способствующее устранению некоторого разрыва между академическими программами учебных курсов и требованиями жизни для различных категорий обучающихся (студентов-заочников, школьников и т.д.).

Конечно, средства массовой информации не могут обеспечить систематическое и глубокое усвоение знаний. Это задача специальных образовательных учреждений – школ, университетов и т.п. И все же масс-медиа, сопровождая человека в течение всей его жизни, в значительной мере влияет не только на восприятие им политической и социальной информации, но и его поведенческие установки.

Демократическому обществу необходимо целостное освоение гуманистического идеала в единстве рационального и эмоционального. Поэтому огромную роль в пропаганде идей гуманизма играют публицистические жанры, а также культурно-просветительская деятельность СМИ. Происходит ассимиляция журналистикой определенных функций других видов массовой коммуникации, в силу чего она оказывается способной замещать их в информационном процессе. Возникнув как хроникально-репортерское, на сегодняшний день журналистское творчество оказывается все более полифункциональным.

Особо значимы в этом плане отношения журналистики и публицистики. Например, в настоящее время в блок просветительского вещания входит так называемая «Народная программа», включающая содержательные рубрики – «Народное творчество», «Молодые таланты», «Народные традиции», «Голос народа» и т.д. Литературно-художественное вещание было представлено циклами «Литературный журнал», «Знай свою страну», «Арабские средства массовой информации» и др. В качестве специальных вещательных блоков выступают информационно-тематические программы, имеющие несомненный ценностно-ориентирующий подтекст: «Подрастающее поколение», «Рабочая программа», «Проблемы семьи», «Защитники Родины», «Милиция на службе народа».

Характер гуманизма составляет не декларирование гуманистических принципов, а практическая работа по осуществлению гармоничных отношений между личностью и обществом, установление социального равенства и отношений человечности. Такую деятельность СМИ выполняют в рамках *организационного аспекта* гуманистической деятельности, связанного с функциями критики и контроля.

Политическая система объективно заинтересована в функциональной обособленности массово-информационных структур, не сливающихся полностью с другими институтами самоуправляемого социального механизма, но, как правило, «встроенных» в каждый из них. Только так может быть обеспечена свободная и повсеместная циркуляция социально значимой информации, адекватно отражающей наличное состояние системы и ее среды, а также их прошлые состояния, что жизненно необходимо для целей саморегуляции. В частности, контрольная функция СМИ особенно необходима при слабой оппозиции и несовершенстве специальных государственных институтов контроля. Политическая и правовая культура предполагает максимальную демократизацию средств массовой информации и коммуникации, терпимость по отношению к инакомыслящим, плюралистичность в выражаемых взглядах.

К организационному аспекту реализации принципа гуманизма относится и деятельность по регулированию отношений между участниками информационного обмена и руководящими государственными органами. Наличие и расширение совокупности политических, правовых, этических норм, касающихся производства (получения, опубликования) и распространения информации является частью общего процесса создания правового государства.

Процесс формирования гражданского общества в Республике Йемен находится на ранней стадии развития, протекает сложно и неоднозначно, что находит отражение и в деятельности газет и журналов: состязательность проправительственных и оппозиционных печатных средств массовой информации имеет ограниченный характер, так как лояльные власти газеты и журналы обеспечены надежной материальной и моральной поддержкой со стороны государственных структур центрального, регионального и местного уровня. Соответственно, органы СМИ, принадлежащие государственным структурам, доминируют в информационной сфере йеменского общества и занимаются активной проправительственной пропагандой (по нашим подсчетам, в настоящее время государству подконтрольны около 80% газет, 95% радиостанций и все йеменское телевидение).

Статус йеменского журналиста в значительной мере зависит от статуса СМИ, в котором он работает. Деятельность журналиста базируется на следующих основных правах: излагать в материалах свои личные суждения и оценки; отказаться от подготовки материалов, противоречащих его убеждениям; производить любые записи с использованием средств фото-, кино- и аудиовизуальной техники за исключением случаев, когда это запрещено зако-

ном; быть безотлагательно принятым по его просьбе должностными лицами государственных органов и общественных организаций. На наш взгляд, необходимо также установить административную ответственность за противодействие журналисту в осуществлении его профессиональной деятельности, преследование его, ограничение контактов с ним и т.д.

Гуманистическая миссия йеменской журналистики проявляется и в предоставлении возможностей СМИ для участия граждан в самостоятельном, техническом, научном и художественном творчестве, в создании соответствующих объединений при редакциях. Министерство печати и информации Йемена ориентирует редакции СМИ на создание общественных советов, а также привлечение внешних журналистов к формированию редакторской политики.

Таким образом, гуманистический характер деятельности СМИ в современном йеменском обществе характеризуется противоречием между той социальной ролью, которую они начинают играть в процессе демократизации, и неразвитостью социальных, правовых и, особенно, экономических гарантий независимости, что предопределяет амбивалентный характер их роли в переходный период становления и развития единого Йеменского государства. Одна из важнейших причин возникновения данного противоречия состоит в сохранении тех политических и общетеоретических основ функционирования йеменских СМИ, в соответствии с которыми коммуникация часто интерпретируется как пропаганда, в свою очередь, пропаганда – как социальное управление.

Оценка социальной активности средств массовой информации с позиций реализации принципа гуманизма позволяет определить ее как меру взаимосвязи между процессом потребления и производства массовой информации и процессом субъективизации общественной жизни, формирования и развития свободно и активно действующих социальных субъектов – то есть формирования и развития гражданского общества. Поэтому перспективы развития средств массовой информации Йемена, впрочем, как и Беларуси, связаны с развитием гражданского общества, а в качестве условий их реализации выступают правовые, экономические и социальные гарантии, обеспечивающие независимость самих СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Джафар Абдо Мухамед.** Проблемы становления и развития печати Южного Йемена. Л., 1986. – 74 с.
2. **Крутова О.Н.** Человек, индивид, личность в социально-политическом исследовании // Вопросы философии, 1982, № 2. С. 72-95.
3. **Тавризян Г.М.** Проблема преемственности гуманистического идеала человека в условиях современной культуры // Вопросы философии, 1983, № 1. С. 79-90.

S U M M A R Y

The article analyses organizational and management principles of the activity of mass media from the point of view of realization of their humanity mission. The understanding of globality as a basis of life on the planet, aspiration to social justice, a version to violence as a means of solving conflicts in society – these three aspects should prevail in the political culture of the peoples and in the activity of mass media.

Поступила в редакцию 10.10.2000

Ремесленное производство и частное предпринимательство на территории Беларуси в годы немецко- фашистской оккупации (1941-1944 гг.)

Вопросы экономической политики немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории СССР и Беларуси уже давно привлекают пристальное внимание исследователей. По данной теме был издан ряд обобщающих работ, среди которых нельзя не упомянуть монографии М.М. Загорюлько и А.Ф. Юденкова [1], Г.И. Олехнович [2], А.А. Факторовича [3]. В то же время и в этих работах, и у других авторов практически не освещены проблемы организации ремесла и частного предпринимательства на занятой врагом территории. В данной статье на основании архивных материалов сделана попытка более подробно рассмотреть этот аспект оккупационной экономической политики.

Известно, что забота о населении оккупированных областей не входила и в принципе не могла входить в планы германского командования. Восстановление некоторых промышленных предприятий, предпринимавшееся фашистами, было направлено исключительно на удовлетворение нужд немецкой армии и Рейха. Однако необходимость использовать в качестве рабочей силы местное население поставила перед оккупационными властями проблему предоставления покоренному народу хотя бы минимального товарного и продовольственного обеспечения. Выход был найден в разрешении ремесленного производства и частного предпринимательства. По мысли немецко-фашистских администраторов, это должно было удовлетворить минимальные потребности населения завоеванных территорий в товарах и услугах за счет самого населения. Одновременно данное разрешение использовалось в идеологической борьбе как одно из доказательств «освободительной миссии» немецких войск. Оккупационная пресса и пропагандисты в своих выступлениях постоянно подчеркивали, что введение частной собственности и свободного предпринимательства является «величайшим благом» для белорусского народа, первым шагом на пути в «Новую Европу под руководством великого фюрера Адольфа Гитлера». Некоторые коллаборационные газеты, описывая положение с ремеслом в городах Беларуси, даже употребляли такие выражения, как «расцвет хозяйственной и экономической жизни». Какую же роль в действительности играло ремесленное производство в обеспечении населения оккупированной Беларуси товарами и услугами?

Для организации частного промышленного предприятия, занятия кустарным промыслом либо торговлей необходимо было получить в городской либо районной управе патент, заплатив пошлину. Размер пошлины в разных регионах оккупированной Белоруссии был различным. Так, по распоряжению Наместничества Минской Округи (Генеральный Комиссариат «Белорутения») от 10 сентября 1941 г. плата составляла 10 рублей [4]. А в Витебске (тыловая

зона группы армий «Центр») в конце 1941 г., по распоряжению городского бургомистра, – от 20 до 100 рублей, в зависимости от характера и размера промысла. При этом все патенты, выдававшиеся Витебской горуправой, разделялись на 2 вида: 1) на право занятия торговлей; 2) на промышленные предприятия и кустарные промыслы. В каждом виде существовало 3 разряда: I – для ремесленников, работающих лично и без помощи двигателя, а также торговцев вразнос с оборотом до 5000 рублей; II – для предприятий без механического двигателя с числом рабочих до 3 человек, для кустарей с механическим двигателем, для лиц свободных профессий, а также торговцев с оборотом до 10000 рублей; III – для предприятий без двигателя с числом рабочих свыше 3 человек, для предприятий с двигателем и числом рабочих свыше 1 человека, а также магазинных торговцев с оборотом свыше 10000 рублей [5]. В Могилеве, так же, как и Витебске, относившемся к области армейского тыла, чтобы заниматься извозом или кожевенным промыслом, необходимо было в августе 1941 г. заплатить за разрешение 300 рублей [6].

Таким образом, руководство частным ремесленным производством первоначально находилось под контролем именно местных органов управления, которые самостоятельно определяли правила и порядок его организации. Однако к началу 1942 г. потребовалось упорядочение данной отрасли хозяйства со стороны германских властей. Результатом явилось издание в тыловой зоне группы армий «Центр» «Предварительного ремесленного порядка» от 18.02.1942 г.: «1. Ремесленники, желающие открыть новые мастерские или вести дальше свои уже работающие производства, обязаны заявить начальнику района (отд. ремесла), все личные данные о себе и указать род своего производства. 2. Начальники района обязаны зарегистрировать этих записавшихся ремесленников в «регистр ремесленников». 3. Зарегистрированным ремесленникам следует выдавать те же продукты, которые выдают работающему населению. 4. В случае, если ремесленники наложенную на них районным управлением обязательную сдачу продукции по собственной вине не выполняют, то их вычеркивают из регистра ремесленников. С таким ремесленником будут обращаться как с неработающим населением, и он может быть привлечен рабочим бюро на другие работы. 5. Бургомистры обязаны немедленно настоящее распоряжение...сообщить населению, а главное ремесленникам» [6; ф.259, оп.1, д.22, л.13]. Кроме того, уточнялись правила выплаты ремесленниками налогов и сборов: «I. Налоги для ремесленников. Согласно установленного предварительного постановления о налогах от 18.2.1942 г. мастеровой обязан уплатить налог с оборота товаров с фактически вырученных денег за проданные изделия согласно изданных правил о налогах с оборота товаров. Если дело касается о не торгово-промышленных операциях (т. напр. об изготовлении вещей из полученных материалов от заказчика или за работы, произведенные в мастерских, парикмахерских, и т.п.), то следует уплатить налог с оборота не торгово-промышленных предприятий, а именно 10 % с дохода. Помимо этого, самостоятельный мастеровой должен уплатить подоходный налог с заработка самостоятельного труда... Подоходный налог взимается в размере 10%, и плательщик сам обязан ежемесячно подводить расчеты... Кроме того, мастеровой обязан уплатить общинные налоги, сборы и взносы» [6; ф.259, оп.1, д.22, л.408].

19 сентября 1942 г. командующим армейской областью «Центр» было издано новое постановление для проведения «Предварительного ремесленного порядка» [6; ф.259, оп.1, д.22, л.447-447 об]. Похожие правила, по-видимому, действовали и в Генеральном Комиссариате «Белорутения». Согласно этому постановлению, всем, желающим заниматься ремесленной деятельностью, необходимо было перерегистрироваться в районных или городских управах и получить временную ремесленную карточку, заплатив за нее 100 рублей. При этом карточки надлежало выдавать лишь «ремесленникам с хорошей репута-

цией и пригодным по выбранной ими специальности», а также обладавшим необходимым ремесленным инструментом. Районный начальник или городской бургомистр несли личную ответственность за благонадежность ремесленников в пределах своей административной области. Поэтому предписывалось при помощи службы порядка производить проверку прошлого ремесленника и не выдавать ремесленные карточки «лицам, расположенным к совершению криминальных проступков и подозрительным в политическом отношении». Также требовалось периодически при посредстве специальных проверочных комиссий или собраний ремесленников осуществлять контроль деятельности уже работающих ремесленников и определять их пригодность по специальности. В случае непригодности ремесленная карточка изымалась, а списки лиц, подвергшихся ее лишению, передавались бирже труда для определения этих людей на другие работы. Ремесленникам вменялось в обязанность часть произведенной продукции продавать районным или городским управлениям по фиксированным ценам. Эта продукция использовалась для удовлетворения нужд работников местной администрации и подчиненных предприятий и организаций (школ, больниц, детских садов и т.п.).

Сохранялись также артели, являвшиеся формой объединения ремесленников одной специальности. Артель владела средствами производства (инструментами, станками, запасами сырья), а ремесленники, входившие в ее состав, фактически находились на положении наемных рабочих. Ремесленной карточкой снабжался только директор (руководитель) артели, остальные же числились подмастерьями. Члены артели, таким образом, не облагались патентным сбором и 10-% подоходным налогом с заработка самостоятельного труда. Это давало возможность для злоупотреблений. Так, например, после обследования в июне 1942 г. финансовым отделом райуправы портновской и сапожной артелей Острошицко-Городецкой волости Минского района выяснилось, что их «нельзя считать артелью». Там отсутствовали статуты, не вносились паевые взносы, не производились должным образом прием и увольнение работников, не оформлялись получаемые от населения заказы. Члены артели работали почти исключительно на себя, принимали и выполняли заказы индивидуально, оставляя весь заработок себе. При этом основные расчеты велись не деньгами, а натурой (в основном продовольствием) [4; ф.623, оп.1, д.29, лл.118, 121].

Каковы же были масштабы ремесленного производства на оккупированной территории Беларуси, и могло ли оно в реальности удовлетворить нужды местного населения? Несмотря на отсутствие общих данных, материалы региональных архивов и оккупационной периодической печати дают возможность воссоздать примерную картину кустарных промыслов в отдельных городах и местностях, занятых немецкими войсками.

Так, в сентябре 1941 г. в г. Витебске был зарегистрирован 101 частный субъект хозяйствования, при этом на 23 из этих промыслов было занято от 2 до 83 рабочих [7]. К октябрю 1941 г. в городе действовало уже 330 частных предприятий и предпринимателей с патентами I разряда, 50 – с патентами II разряда и 7 – с патентами III разряда. В их число входили сапожные, швейные, колесные, гончарные, часовые, кузнечные, рогожные, живописные, столярные, слесарные, слесарно-водопроводная, газовых ламп, рычажная, войлочная, валенок и шапок, по ремонту швейных машин, музыкальных инструментов, по распиловке леса, химическая мастерские. Действовали также кондитерская, 2 фотографии, 32 извозчика, 13 парикмахерских, стекольщик, печник, практиковали частная нотариальная контора и одна частная учительница [5; ф.2073, оп.2, д.9, л.20]. К 1 ноября 1941 г. количество частных предприятий в Витебске составило как минимум 541 хозяйственную единицу [8], а к марту 1942 г. – 510 [9]. Весной 1943 г. в городской управе было зарегистрировано более 360 мастерских, 428 ремесленников, ремеслен-

ных рабочих и учеников [10]. Наглядное представление о структуре и соотношении количества различных специалистов ремесленного производства в Витебске можно получить из таблицы 1.

Таблица 1

Ремесло в г. Витебске

Характер ремесленного производства	Количество зарегистрированных ремесленников				
	Сентябрь 1941 г.	Октябрь 1941 г.	Ноябрь 1941 г.	Март 1942 г.	Весна 1943 г.
Сапожное	75	182	299	Нет сведений	Нет сведений
Кузнечное	10	5	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
Гончарное	5	2	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
Слесарное	4	34	54	Нет сведений	Нет сведений
Механическое	4	–	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
Столярное	3	14	33	Нет сведений	Нет сведений
Портновское	–	57	87	Нет сведений	Нет сведений
Парикмахерское	–	13	18	Нет сведений	Нет сведений
Другие	–	80	Свыше 50	Нет сведений	Нет сведений
Всего	101	387	Свыше 541	510	360 мастеров, 428 ремесленников и учеников

В Могилеве в мае 1942 г. городской управой было зарегистрировано 503 предприятия и кустаря, с которых получено 20202 рубля в виде 10-% налога с заработка самостоятельного труда; за выдачу разрешений на право заниматься ремесленной деятельностью в этот период горуправа получила 3400 рублей патентного сбора [6; ф.260, оп.1, д.45, лл.92, 94]. Получается, что доходность ремесленных производств за май 1942 г. по городу составила более 200 тысяч рублей, а за патентами обратилось 34 человека. Летом этого же года производилась перерегистрация кустарей, и к 15.06.1942 в Могилеве вновь получили патенты 383 человека различных специальностей; из них 71 ремесленник относился к первой группе, обязанной сдавать продукцию городскому управлению [6; ф.260, оп.1, д.45, л.195]. В августе финансовый отдел управы обследовал положение 218 ремесленников и 36 частных торговцев на предмет их правильного налогообложения. Сумма налога с заработка самостоятельного труда и патентный сбор в этот период составили соответственно 40441 и 6300 рублей [6; ф.260, оп.1, д.45, л.386], то есть в два раза больше аналогичных показателей в мае. Однако в ноябре 1942 г. эти показатели вновь снизились до 22632 и 900 рублей [6; ф.260, оп.1, д.45, л.486]. Вероятно, подобная динамика увеличения денежных поступлений в середине года может быть объяснена тем, что к концу полугодия, перед перерегистрацией, ре-

ремесленникам необходимо было произвести окончательный расчет по налогам, а затем вновь выкупить патент.

В феврале 1943 г. финансовый отдел Могилевского городского управления сообщил начальнику административного отдела, что в управе зарегистрировалось всего 28 ремесленников, а выбрали патенты только 10. В целом же на тот момент патенты имели 36 человек (10 ремесленников и 26 торговцев) [6; ф.260, оп.1, д.50, л.52]. К лету ситуация изменилась, и количество только сапожников, выбравших патенты, составило в Могилеве 148 человек [6; ф.259, оп.1, д.59, лл.58-60]. К 1.10.1943 г. на учете числилось 367 кустарных мастерских и 343 частные торговые точки [6; ф.260, оп.1, д.56, л.7]. Однако военные действия и стремительное наступление Красной Армии осенью 1943 г. резко повлияли на политическое и экономическое положение в области. Вот как об этом сообщается в докладе Могилевского городского управления о деятельности финансового отдела: «...с сентября, в связи с приближением фронта и эвакуацией предприятий и населения, производство и торговля как Городского Управления, так и частных лиц расстроились. Доходы резко снижались из месяца в месяц. К началу декабря вовсе прекратилось поступление налогов... Базары были вовсе закрыты... С половины января 1944 г. вновь началось оживление в хозяйстве и торговле города. Открыт один базар... Выдано 28 патентов на торговлю и 27 патентов ремесленникам...» [6; ф.260, оп.1, д.56, л.7]. В апреле положение в Могилеве более-менее стабилизировалось, что позволило городскому управлению осуществить сборы с ремесленников и рыночные сборы в размере 390 тысяч рублей, а также собрать промысловый налог в 15000 руб. [6; ф.260, оп.1, д.90, л.12 об].

В Бобруйске на 21.12.1941 г. в подчинении городской управы находились 2 парикмахерские, слесарно-кузнечная мастерская (31 чел.), пошивочная мастерская (39 чел.), 7 сапожных и 1 шорная мастерские (вместе 61 человек); кроме того, в городе действовали артели «Белклеща», «Красный мебельщик», «Свяцкий обод» и щеточная мастерская [6; ф.858, оп.1, д.4, лл.126-127]. В составе слесарно-кузнечной мастерской в 1942 г. существовали 3 цеха: жестяной (15 чел.), механический (15 чел.) и часовая мастерская (7 чел.), которые в год давали 310500 рублей прихода [6; ф.858, оп.1, д.4, л.32]. Кроме того, на 1 января 1943 г. в Бобруйске работали 7 художественных и живописных мастерских, а также цех художеств (находившийся, правда, в подчинении военного ведомства) [6; ф.858, оп.1, д.23, л.10]. В апреле 1943 г. в городе было зарегистрировано 183 ремесленника, абсолютное большинство из которых являлись кустарями-одиночками [6; ф.858, оп.1, д.73, лл.278-280]. Наличие в городе большого количества производственных артелей (а не обслуживающих) привело к тому, что за 2 первых месяца 1942 года налог от прибылей составил 216000 рублей, в то время как с заработка самостоятельного труда — только 1332 рубля [6; ф.858, оп.1, д.30, л.31].

В Гомеле летом 1943 г. было зарегистрировано 184 мелких частных предприятия, из которых 76 были точками общественного питания (рестораны, закусочные, буфеты). Это было на 25% больше по сравнению с 1942 годом [11].

В Минском районе в октябре 1941 г. уже действовало 8 сапожных и портновских артелей, а также было дано разрешение на открытие 3 гончарных и кожевенных [4; ф.623, оп.1, д.4, л.162]. Однако большинство этих артелей вскоре закрылись, и в феврале 1942 г., по сообщению районной управы, их осталось только 2 (сапожная и портновская); при этом отмечалось отсутствие квалифицированных специалистов и оборудования, расхищенного еще в ходе военных действий [4; ф.623, оп.1, д.66, л.309]. К августу 1942 г. в районе было зарегистрировано 147 ремесленников (51 кузнец, 39 сапожников, 11 портных,

2 парикмахера, 2 столяра, 2 часовщика и 50 человек других специальностей) [4; ф.623, оп.1, д.66, лл.595-601].

Среди профессий ремесленников преобладали связанные со сферой бытового обслуживания, более половины обычно составляли сапожники и портные, т.к. именно обувь и одежда в условиях военного времени представляли наибольшую ценность. Среди других профессий необходимо выделить большое количество фотографов и точек общепита. Однако цены в частных ларьках, столовых и ресторанах, закупавших продукты на рынке по коммерческим ценам, были практически недостижимы для рядового обывателя. Например, на Могилевском рынке в августе 1942 г. цена на хлеб колебалась в пределах от 50 до 70 рублей за килограмм, на картофель – от 150 до 200 руб. [6; ф.260, оп.1, д.45, л.321]. При средних зарплатах в 300-400 рублей и при соответствующих наценках мало кто мог позволить себе подобное питание.

Прибыли самих ремесленников также были весьма небольшими. Например, по Минскому району заработок сапожника составлял 10-40 рублей в день, портного – от 35 до 60 рублей [4; ф.623, оп.1, д.57, лл.104, 115], с которых необходимо было уплатить все налоги. По подсчетам автора, один только прогрессивный промысловый налог составлял от 6% до 44,5%, в зависимости от прибыли. А нужно прибавить и все другие общинные и областные налоги!

Интересно провести сравнение количества населения и обслуживавших его ремесленников. На основе опубликованных и архивных данных для некоторых регионов Беларуси нами была составлена таблица 2.

Таблица 2

**Соотношение количества населения и ремесленников
в некоторых регионах Беларуси (1941-1944 гг.)**

Регион	Количество	До войны	1941	1942	1943	1944
Бобруйск	Население	85000	Нет сведений	43245	37242	28000
	Ремесленники	Нет сведений	Более 131	Нет сведений	183	Нет сведений
Витебск	Население	180000	64000-54588	39107	33216	15000-115
	Ремесленники	Нет сведений	101-541	510	428	Нет сведений
Минский район	Население	Нет сведений	60506	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
	Ремесленники	Нет сведений	Нет сведений	147	Нет сведений	Нет сведений
Могилев	Население	100000	47048	50000	35000-40000	10000
	Ремесленники	Нет сведений	Нет сведений	503	710	55

По приблизительным подсчетам, количество ремесленников на душу населения колебалось в разные периоды и в различных местностях оккупированной Беларуси от 0,3% до 1,8%. Даже учитывая неполноту данных и приблизительность подсчетов, вряд ли это количество было больше 3%. Разумеется, подобное число вряд ли могло реально обеспечить даже минимальные потребности остального населения, поскольку производительность ремесленных мастерских была очень низкой. Например, в марте 1942 г. Острошицко-Городецкая портновская артель Минского района пошила всего 9 женских пальто, 7 полупальто, 5 жакетов, 4 детских пальто и 1 платье на общую сумму 1682 рубля. При этом 6 ремесленным рабочим и 3 служащим была выплачена зарплата в размере 1421 рубль [4; ф.623, оп.1, д.66, л.156], а прибыль, таким

образом, составила всего 261 рубль. Средняя зарплата одного ремесленника составила 139 рублей (то есть гораздо ниже, чем у рабочих на предприятиях, подчиненных непосредственно немецкому руководству). Напомним, что в этот период шестидесятитысячное население Минского района обслуживали всего две ремесленные артели и 147 ремесленников-одиночек! Подобная же картина наблюдается и по другим ремесленным мастерским и кустарным промыслам как в Генеральном комиссариате «Белорутения», так и в тыловой зоне группы армий «Центр».

Таким образом, основу ремесленного производства в Беларуси в 1941-1944 гг. составляла деятельность кустарей-одиночек, которые не могли существенно повлиять на сложившуюся в оккупированной зоне тяжелейшую экономическую ситуацию, когда население было фактически поставлено на грань продовольственного и товарного голода. Необходимо учитывать, что основную массу квалифицированных ремесленников до войны в Беларуси составляли евреи, уничтоженные немецко-фашистскими оккупантами. Оставшиеся работники по уровню квалификации были гораздо хуже. Главной сферой приложения сил частных предпринимателей было бытовое обслуживание и ремонтные работы. Некоторые из кустарных предприятий служили прикрытием для подпольных организаций, многие функционировали лишь формально. Практической роли в жизни населения частное предпринимательство не играло. Обеспечение жителей продовольствием и товарами первой необходимости осуществлялось централизованно, через местные управы, по специальным карточкам. Небольшое количество ремесленников не могло удовлетворить запросов населения. Кроме того, часть ремесленной продукции использовалась на нужды германской армии (например, в 1943 г. распоряжением Барановичского окружного комиссара все гончары округа были вынуждены работать только на военное ведомство [4; ф.1566, оп.1, д.8, л.35]). Налоги, выплачивавшиеся кустарями, также служили еще одной формой скрытой эксплуатации. Поэтому разрешение со стороны оккупантов частной предпринимательской деятельности в ограниченных масштабах необходимо рассматривать лишь как пропагандистский шаг, не имевший под собой реальных экономических оснований и планов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Загорулько М.М., Юденков А.Ф.** Крах плана «Ольденбург»: (О срыве экон. планов фашист. Германии на временно оккупированной территории СССР) / [Предисл. **П.К. Пономаренко**]. 3-е изд. М., 1980. – 375 с.
2. **Олехнович Г.И.** Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Минск, 1982. – 174 с.
3. **Факторович А.А.** Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Минск, 1979. – 150 с.
4. **Государственный архив Минской области (ГАМО)**, ф.623, оп.1, д.32, л.48.
5. **Государственный архив Витебской области (ГВАО)**, ф.2073, оп.2, д.9, л.11.
6. **Государственный архив Могилевской области (ГМАО)**, ф.260, оп.1, д.15, л.40
7. **Рамесніца-прамысловае жыццё горада** // Віцебскія ведамасці, 1941. 16 верасня.
8. **Городская хроника** // Витебские ведомости, 1941. 23 ноября.
9. **Витебская хроника** // Новый путь (Витебск), 1942. 20 апреля.
10. **Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)**, ф.510, оп.1, д.1, л.19.
11. **Признаки расцвета хозяйственной жизни** // Новый путь (Могилев), 1943. 5 августа.

S U M M A R Y

In the article for the first time in belorussian historiography the problems of craft industry and business on occupied territory of Belarus (1941-1944) are regarded.

Поступила в редакцию 8.04.2001

Д.В. Романовский

Деятельность Госторгбела по развитию белорусского экспорта в 1921-1924 гг.

В июне 1921 года для осуществления внешнеторговой деятельности и политики государственной монополии в области внешней торговли в г. Минске было открыто Управление Уполнаркомвнешторга РСФСР (Белвнешторг). Свою работу Белвнешторг начинал в тяжелой обстановке. За годы первой мировой и гражданской войн, вследствие продолжительных военных действий, нескольких оккупационных режимов и хозяйствования временных властителей, народное хозяйство Белорусской ССР находилось в состоянии полной разрухи. «О крупном производстве не было и речи. Мелкая кустарно-ремесленная промышленность влачила жалкое существование. НЭП еще не вступил в свои права, и частная хозяйственная инициатива делала робкие шаги, преимущественно в области мелкого торгового обмена» [1]. Кроме этого, обстановка в Беларуси усложнялась еще повсеместным орудованием банд, которые совершали набеги на деревни, уничтожали хлебные запасы, разрушали заводы и фабрики.

В таких условиях Белвнешторгу предстояло решать следующие задачи: «создать сырьевой фонд как основной базис для экспортных операций; организовать ввоз зарубежных товаров, в которых ощущалась острая потребность» [1, л. 77]. Для реализации этих задач требовалась значительная организация подготовки и привлечения кадров опытных специалистов-товароведов, профессионалов в экспортно-импортных операциях.

В первые месяцы довольно интенсивно развивалась импортная деятельность Белвнешторга. Но из-за отсутствия возможности иметь непосредственные регулярные связи с зарубежным рынком и собственной агентуры все закупки необходимых товаров Белвнешторг производил на пограничной линии, преимущественно небольшими партиями через частных лиц. Для Белвнешторга это было выгодно и имело свои преимущества: «быстро, дешево, незначительность накладных расходов, простота расчета» [1, л. 78]. Это и позволило Белвнешторгу за короткий срок получить из-за границы разнообразный ассортимент товаров, который отсутствовал на местном рынке. Наличие необходимых материалов дало возможность местной промышленности приступить к работе. Кожевенные, мыловаренные, лесопильные заводы могли работать без перебоев. Но из-за ограниченности ресурсов не удавалось широко развивать импортные операции и удовлетворять заявки на ввоз товаров для хозорганов, кооперативных объединений, учебных заведений.

Тем не менее, импортные операции развивались благоприятно и на 1 июня 1922 года выразились в общей сумме ввоза 553.724 руб. зол. [1, л. 78]. От продажи импортных товаров госорганам, кооперативным объединениям и частным лицам было выручено 539.409 руб. золотом [1, л. 79]. Белвнешторг установил также связи с крупными польскими фирмами «Полантайн», «Брито-поль».

Совсем иначе обстояло дело с экспортной деятельностью Белвнешторга. По объективным причинам экспорт развивался медленно: «пригодного сырья было мало, население уклонялось от исполнения декрета «О сдаче запасов

Внешторгу», отсутствием средств для закупки товаров» [1, л. 79]. В таких условиях необходимо было найти более оптимальные пути развития, например, направить экспорт по линии использования природных богатств. С этой целью было предложено создать для лесозэкспорта специальный орган «Заподолес», т.к. продажа лесоматериалов являлась «основным источником средств, необходимых для развития промышленности Белоруссии» [1, л. 62].

Основным источником средств для развития экспорта были доходы, полученные от импортных операций. Эти средства направлялись и на заготовку животного сырья: щетина, конский волос, пушнина, телячьи желудки. Уже к июлю 1922 года было заготовлено товаров на сумму 281.488 руб. зол. [1, л. 79]. Сбыт экспортного сырья за границу тоже шел вяло, т.к. «не было возможности посылать своих специалистов для сдачи и продажи экспортных товаров» [1, л. 80].

Белорусское управление наркомата внешней торговли РСФСР с первых дней своей деятельности столкнулось со многими трудностями. Отсутствие директив центра и денег, высокие таможенные пошлины [1, д. 205, л. 54] не давали возможности в полной мере развить торговые операции, прежде всего экспортные. Но первоначальная задача – «обеспечить промышленность Беларуси, которая находилась в упадке, необходимыми материалами – более или менее была выполнена» [1, д. 205, л. 54].

На основании приказа Управления Уполнаркомвнешторга РСФСР при СНК БССР от 17 августа 1922 года с 1 июля 1922 года при Управлении была учреждена Государственная экспортно-импортная торговая контора (Госторгбел) [1, д. 90, л.3]. С образованием Госторгбела в его ведение из Управления Уполнаркомвнешторга РСФСР при СНК БССР была передана вся непосредственная коммерческая работа по экспорту и импорту товаров (заготовка, ввоз, реализация) как за свой счет, так и на комиссионных началах [1, л. 80]. За Белвнешторгом сохранились контрольно-регулирующие функции, выдача лицензий и общий надзор за осуществлением государственной монополии внешней торговли.

Согласно штатному расписанию, объявленному приказом Госторгбела от 4 августа 1922 года, контора имела следующую структуру: «управление делами, финансово-отчетный отдел, технический отдел, экспортный и импортный отдел, транспортный отдел, управление складами, караульная команда» [1, д. 90, л. 8-11].

Структура Госторгбела в дальнейшем изменилась. В связи с полным прекращением приема частных комиссионных заказов был упразднен комиссионный отдел с передачей его дел импортному отделу [1, л. 81], юридическо-правовая часть и экономический отдел были объединены в один экономический отдел [1, д. 90, л. 26]. С завершением концентрации складских помещений, которые были разбросаны в разных частях города, и строительства вблизи железнодорожного узла обширных собственных складов, оборудованных всеми необходимыми приспособлениями и водопроводно-электрической станцией, было расформировано управление складами.

Реорганизация аппарата Госторгбела проходила и в направлении сокращения штата сотрудников. На январь 1923 года штат сотрудников насчитывал 156 человек. К концу 1923 года – 105, пять из которых являлись работниками Белвнешторга и 100 – Госторгбела. По социальному статусу: служащих – 80, рабочих – 18, крестьян – 7. По уровню образования: высшее – 7, среднее – 22, низшее – 37, домашнее – 34, малограмотных – 4, неграмотных – 1 [1, л. 82].

28 мая 1924 года Советом народных комиссаров БССР было утверждено Положение о Госторгбеле. Согласно Положению Госторгбел являлся основным оперативным органом внешней торговли БССР. Госторгбелу представлялось право производить закупку товаров за границей, ввозить их и продавать в БССР импортные товары, а также заготавливать и закупать в пределах республики, вывозить и продавать на внешних рынках экспортные товары,

совершать всякого рода торговые операции, связанные с экспортом и импортом товаров в соответствии с общими законоположениями по монополии внешней торговли, в пределах БССР учреждать конторы, отделения, агентства, иметь своих представителей при госторгах союзных республик, арендовать и открывать магазины и склады, а также организовывать свои собственные торговые предприятия, совершать торговые операции на внешних рынках через Торгпредство СССР и иметь за границей своих представителей [2].

В 1923 году Госторгбел имел уже свои отделения в Слуцке и Мозыре. Со временем такие отделения были открыты в Бобруйске, Витебске, Костюковичах, Могилеве, Орше. Основной их задачей являлась заготовка экспортного сырья за свои деньги и за деньги, полученные от реализации импортных товаров. Самостоятельной работы по импорту и экспорту отделения не производили и полностью подчинялись и контролировались Правлением Госторгбела в Минске. «Экспортное сырье заготавливалось в соответствии с планом и заданиями Правления, реализовывались те импортные товары, которые присылались Правлением» [3].

Собственные представительства Госторгбела были открыты при торгпредствах СССР в Берлине, Варшаве и при наркомате внешней торговли в Москве. Кроме того, в ведении Госторгбела находились две фабрики по переработке щетины в Бобруйске и Минске, и мастерские по переработке конского волоса в Минске [1, д. 432, л. 1-9].

С объединением Управления Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР с Народным комиссариатом внутренней торговли БССР и образовании Народного комиссариата внутренней и внешней торговли БССР на основании Постановления Президиума ЦИК БССР от 8 мая 1926 года, Госторгбел был передан в ведение Народного комиссариата внутренней и внешней торговли БССР. С 17 ноября 1928 года Госторгбел перешел в ведение Народного комиссариата торговли БССР.

Постановлением ЭКОСО БССР от 6 мая 1929 года Государственная экспортно-импортная контора при Управлении Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР была реорганизована в Государственное экспортно-импортное акционерное общество по БССР [1, д. 432, л. 24]. Основываясь на документах фонда, есть основания полагать, что данная реорганизация не была проведена в жизнь, т.к. и в последующие годы Госторгбел продолжает именоваться Государственной экспортно-импортной торговой конторой.

В 1929 г. структура Госторгбела изменилась. Согласно штатному расписанию на 1929 – 1930 гг. Госторгбел имел следующие структурные подразделения: дирекция, секретариат, планово-экспортный отдел, директорат сельскохозяйственного экспорта, директорат общего экспорта, импортный отдел, расчетно-экспортный отдел, расчетно-импортный отдел, финансово-расчетный, лесной, смолокуренный, строительный отделы [1, д. 881, л. 145-147]. С 1.08.1930 г. лесной отдел был ликвидирован [1, д. 793, л. 33].

С изменением административно-территориального деления БССР в 1930 г. и в соответствии с распоряжением Госторгбела от 6.09.1930 г. была проведена реорганизация подведомственных структур экспортно-импортной торговой конторы. Ранее существующие отделения Госторгбела были ликвидированы. Их функции переданы вновь созданным конторам Госторгбела. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и комиссии НК РКИ СССР от 10.10.1930 г. и распоряжением Госторгбела от 20.10.1930 г. ликвидировалось представительство Госторгбела в Москве [1, д. 900, л. 10].

Возложенные на экспортно-импортную торговую контору в первый период ее деятельности, задачи по заготовке и экспорту товаров и сырья к концу 30-х гг. значительно сократились, т.к. были переданы другим организациям. В связи с этим 8.12.1930 г. ЭКОСО БССР издал постановление о реорганизации

системы Госторгбела. Согласно постановлению ликвидировался весь периферийный заготовительный и складской аппарат Госторгбела. За экспортно-импортной конторой сохранились только функции по импорту и централизованным экспортным операциям.

С реорганизацией Наркомторга БССР в Наркомснаб БССР 28.02.1931 г. Госторгбел был передан в его ведения [4], но продолжал функционировать до мая 1931 г.

Постановлением СНК БССР от 3.05.1931 г. Государственная экспортно-импортная торговая контора была ликвидирована [5]. Ликвидацию предполагалось закончить в месячный срок. Фактически Госторгбел свою работу прекратил 3.10.1931 г. [1, д. 942, л. 78].

В своей экспортно-импортной деятельности Госторгбел продолжал придерживаться тех же принципов, что и Белвнешторг: закупать товары за счет экспорта; приобретать в первую очередь товары для производства, сельскохозяйственных нужд и пищевые продукты; снабжать товарами, главным образом, госорганы и кооперацию [1, д. 166, л. 15].

Для более интенсивного развития экспорта и увеличения заготовительного фонда стала использоваться форма, основанная на компанейских началах с местными хозяйственными органами. Так, например, сообща с «Лесбелом» были заготовлены лесоматериалы, с «Белсмоlexportом» – скипидар, с «Центрбелсоюзом» – волокнистое и лекарственное сырье. Но в основном экспортное сырье заготавливалось на собственные средства.

О развитии и размерах заготовительных операций за 1-й год деятельности Госторгбела дают представление следующие цифры [1, л. 81] (табл. 1):

Таблица 1

Период времени	Заготовит. стоимость, руб. зл.	Период времени	Заготовит. стоимость, руб. зл.
июль – сентябрь 1922 г.	82.537.90	июль – сентябрь 1922 г.	51.349.89
октябрь–декабрь 1922 г.	81.880.16	октябрь–декабрь 1922 г.	44.272.15
январь – март 1923 г.	106.902.09	январь – март 1923 г.	71.014.83
апрель – июль 1923 г.	124.015.91	апрель – июнь 1923 г.	22.136.48
июль – сентябрь 1923 г.	124.348.90	июнь – сентябрь 1923 г.	46.027.49
итого	489.684.96	итого	234.800.84

Основным предметом собственных заготовок Госторгбела являлась щетина, пушнина, льняное волокно и конволос. Заготовки производились в пределах БССР и смежных районах Гомельской и Смоленской губерний. От учреждений товары принимались в ликвидном, готовом для экспорта виде, за исключением щетины, так как Госторгбел для обработки этого вида экспортного сырья имел свои фабрики в Минске, Бобруйске и Луках. Реализация экспортного товара производилась преимущественно в Германии, Латвии, Польше, Австрии. Некоторое сырье экспортировалось в Англию, Италию. В этих странах хороший сбыт имел конволос, т.к. такой товар полностью отсутствовал на рынке.

Цены продукции и спрос на зарубежном рынке во многом зависел от рациональной сортировки и упаковки экспортируемого товара. Игнорирование этого факта приводило к тому, что крупные партии ценного сырья продавались гораздо дешевле существующих рыночных цен, что вело к убытку от данных экспортных операций. Так, например, целая партия яиц, отправленная в Австрию, была продана за 50% стоимости, т.к. яйца в вагоне оказались тухлыми, испорченными и грязными. Большим спросом на немецком рынке пользовалась щетина, но замечались «дефекты в присылаемых партиях, а именно: плохое состояние тары, что ведет к случаям порчи товара...» [3, д. 5, л. 15]. Эти факты, говорилось в отчетах Госторгбела, доказывают то, что «сортировка товара за-

готовительными организациями поставлена очень плохо и ведется людьми, которые халатно относятся к своей работе» [1, д. 479, л. 245].

Эта проблема приобретала значение перворазрядного фактора. За годы войн экспорт отечественных товаров на мировой рынок значительно сократился. Их место заняли товары США, Канады, Аргентины, Австралии. Чтобы преодолеть конкуренцию, надо было приложить немалые усилия и приспособиться к основным требованиям заграничного рынка по сортировке сырья.

В таких странах, как США, Англия издавалась специальная литература по вопросам сортировки и упаковки товара. Для Госторгбела существовала возможность получать английский журнал «Modern Parking», в котором излагались основные требования к экспортному сырью. Например, чтобы продать щетину на заграничном рынке по более высокой цене, она должна быть «вычищена, подобрана по цвету и твердости, упакована в бочки, куда складывается одного цвета, длины и качества» [1, д. 166, л. 1]. Такие же требования предъявлялись и к экспорту пушнины. «Ценные шкурки соболя, куницы, горностая, высылаются почтовыми двенадцати фунтовыми посылками в полотно; шкурки хоря, белки, колонка связываются в пачки по 10 – 25 штук и пересылаются в ящиках; лиса, волк, выдра прессуются в кипы по 150 – 200 штук и пересылаются в ящиках» [1, д. 166, л. 1].

Для стимулирования экспорта и привлечения иностранного капитала в экономику страны организовывались акционерные общества смешанного типа. В целях развития смолокуренной промышленности Белоруссии и экспорта смолокуренных продуктов за границу в г. Минске было учреждено смолокуренное торгово-промышленное товарищество «Белсмолэкспорт» (1923 г.). Учредителями выступили Госторгбел и Совет Народного Хозяйства Беларуси.

В этом же году для установления связей между Белорусской ССР и Австрией, для развития в Беларуси промышленности по сухой перегонке, механической и химической обработке дерева (выработка скипидара, смолы, папируса), импорта оборудования и материалов для этой промышленности было создано смешанное «Беларусско-Австрийское Промышленно-торговое АО». С австрийской стороны учредителями выступили: Банк А.Г. Файчбергер в Вене, АО «Торговли и Промышленности» в Вене, включавшее в себя 58 предприятий Австрии и Комиссионный банк в Цюрихе с уставным капиталом 100.000 USD [1, д. 207, л. 92].

Это общество имело большое значение «как для развития производственных сил страны, так и для поднятия деревоотделочной, спичечной и бумажной промышленности. Этому содействовала и отмена существующей в РБ монополии на смолопродукты» [1, д. 98, л. 16].

Были заключены также договора о создании смешанных акционерных обществ с польскими коммерческими фирмами «Полонтайн», «Бритополь», «Дава».

Немаловажное значение для привлечения иностранного капитала в развитие народного хозяйства Беларуси имело ее участие в различных международных ярмарках. В 1923 году на лионской ярмарке Беларусь экспанировала товары лесной промышленности (спичечная соломка, фанера, французская клепка), изделия кустарно-художественной промышленности, особенно слущные пояса. Кроме этого, белорусские товары неоднократно выставлялись на ярмарках в Лейпциге, Копенгагене, Кёльне, Кёнигсберге, на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве.

В 1925 году в Кёнигсберге состоялась первая Советско – Литовско – Германская железнодорожная конференция по проблеме усовершенствования и создания более дешевого железнодорожного сообщения с Германией. Германия являлась основным рынком сбыта белорусского товара. Наличие возможности осуществления прямых перевозок сокращало сроки доставки товара, что благоприятно влияло на развитие импортно-экспортных операций. Кроме этого, для грузов предоставлялись скидки от 10% до 50%. Грузы транспорти-

ровались по направлению Бигосово – Латвия (Двинск – Калкуны) – Литва (Поневеж – Радзивилишки – Ковно – Вержболово) – Восточная Пруссия и дальше по всей Германии [1, д. 477, л. 86-88].

Надо отметить, что со стороны Госторгбела создавались все условия для развития экспорта, и его работа соответствовала основным положениям внешней торговли. Порой приходилось отступать от этого, но основные принципы были сохранены. Развитие импорта Госторгбела в 20-е гг. характеризуется следующими суммами [1, л. 94] (табл. 2):

Таблица 2

Период времени	Стоимость, руб.
Июль – сентябрь 1922 г.	62.470.073 р.
Октябрь – декабрь 1922 г.	247.450.81
Январь – декабрь 1922 г.	385.683.07
Апрель – июнь 1923 г.	225.884.73
Июль – сентябрь 1923 г.	283.849.05
Итого:	1.205.337.73

Около 3/4 всего товара приходилось на Польшу с Данцигом. Это объясняется пограничным положением с Польшей и возможностью быстрее связываться с Торгпредством и получать товары требуемого ассортимента в короткий срок. Надо отметить, что большинство товаров, вывозимых из Польши, было не польского, а в основном немецкого или американского производства. Польша для БССР выступала в роли транзитного рынка. Но это не мешало приобретать эти товары дешевле, чем от самих производителей.

В связи с тем, что Госторгбел имел представительство в Германии и своего сотрудника в Берлине, появилась возможность для более глубокого изучения германского рынка и установления с ним тесных деловых связей. В этом направлении наблюдался значительный поворот. Об этом свидетельствуют данные о распределении импорта по происхождению товара [1, л. 90] (табл. 3):

Таблица 3

Страна	январь – март	апрель – июнь	июль – сентябрь
Германия	83,9%	84,1%	67,1%
Латвия	4,2%	1,8%	20,1%
Швеция	1,9%	–	12,1%

Больше всего было ввезено канцелярских принадлежностей для снабжения школ, кооперации, государственной администрации и хозяйственного аппарата на сумму «352.308.27 руб. зол. или 29,2%» общей суммы импорта [1, л. 90]. Готовальни, чертежные инструменты, карандаши, линейки были представлены такими фирмами, как «Клеменс Рифлер», «Несельванг», «Рихтер Хелениц», «Гейзинг и сын Штутгарт».

Со временем возрастает роль импортных товаров производственного назначения. Это и химические материалы, и металлические изделия, и кожа, и прядильные изделия. Были получены машины для кожевенного завода от машиностроительного завода «Менус» (Франкфурт-на-Майне), баварского завода «Шлагетерк» и «Регенбург». Все эти и другие предметы предназначались для нужд индустрии и сельского хозяйства.

Процентное соотношение товаров производственного назначения и канцелярских товаров приведены в таблице 4 [1, л. 92]:

Таблица 4

Период времени	Товары собственного назначения	Канцелярские товары
Июль–сентябрь 1922 г.	34,8	21,6
Октябрь–декабрь 1922 г.	46,1	24,3
Январь–март 1923 г.	51,5	23,6
Апрель–июнь 1923 г.	70,0	25,6
Июль–сентябрь 1923 г.	43,5	45,1

Товары производственного назначения составляли в среднем свыше половины общей ценности ввоза (51,4%).

В приобретении импортных товаров участвовали госорганы, кооперация и частные лица. Как свидетельствует таблица 5, отпуск импортных товаров частным лицам сокращался, а госорганам возрастал (%) [1, л. 92].

Таблица 5

Период времени	Объем отпущенного товара, %		
	Госорганы	Кооперация	Частные лица
Июль–сентябрь 1922 г.	30,1	38,3	31,6
Июль–сентябрь 1923 г.	53,9	37,8	8,3

В большинстве товары распределялись в пределах Беларуси, но заказы выполнялись и для нужд соседних губерний и отдаленных районов (Смоленская губерния, Гомельская, Москва). Заказы от частных лиц постепенно ограничивались. Это было обусловлено тем, что могла возникнуть и волна вольнорыночной спекуляции, которая угрожала захлестнуть еще не окрепшую государственную торговлю [1, л. 93]. В январе 1923 года было принято 5 заказов, в июне – 1. Неоднократно поднимался вопрос о некоторой группе товаров, ввоза которых можно было бы избежать. Такие предметы, как канцелярские кнопки, гребни, расчески, по мнению Госторгбела, проще было бы производить у себя, предварительно закупив необходимое оборудование за границей.

В первые годы своего существования Госторгбел продолжал разрабатывать основные направления политики государственной монополии во внешней экономике Советской Беларуси. Благодаря экспортно-импортной деятельности Госторгбела промышленность республики получила возможность приступить к работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)*, ф. 491, оп. 1, дд. 79, 90, 94, 98, 166, 205, 207, 432, 477, 793, 881, 900.
2. *НАРБ*, ф. 101, оп. 1, д. 2522, л. 78-80.
3. *НАРБ*, ф. 6, оп. 1, д. 2187, л. 36.
4. *Государственный архив Витебской области (ГАВО)*, ф. 113, оп. 1, дд. 5, 38.
5. *СЗ БССР*, 1932, № 4. Постановление 20.

S U M M A R Y

The problems concerning the activity of the State Exporting – Importing Trade Office of Belarus (Gostorgbela) in 1921-1924 are analysed. The author uses the unique archival materials which haven't been published before.

Поступила в редакцию 26.04.2001

С.Б. Жихарев

Частные акционерные компании и железнодорожное строительство на территории Беларуси в 60–70-е гг. XIX в.

По истории железнодорожного транспорта Беларуси опубликовано немало работ. Однако, большинство из них носит популярный или публицистический характер и написаны, как правило, на ограниченном числе источников. В этих работах, в основном, анализируется влияние железнодорожного транспорта на развитие промышленности, сельского хозяйства и городов белорусских губерний. Много внимания исследователи уделяли роли железнодорожного пролетариата Беларуси в общероссийском рабочем движении конца XIX – начала XX вв. Отмечая большую работу исследователей в изучении проблемы становления и развития железнодорожного транспорта Беларуси, тем не менее следует отметить отсутствие необходимой комплексности и обстоятельности в изучении создания и деятельности акционерных обществ, соорудивших рельсовые пути на территории Беларуси в период частного железнодорожного строительства.

Крымская война и связанный с ней отложенный спрос на промышленные товары способствовали расширению сферы для внутреннего инвестирования российских капиталов. Оживление промышленности сопровождалось активизацией акционерного учредительства. Общий акционерный подъем был усилен ростом числа частных компаний в области железнодорожного строительства. Если в 1856–1865 гг. организовано 12 акционерных обществ (АО) с суммарным капиталом 200,4 млн. руб., то за последующее пятилетие были учреждены 35 компаний (586,3 млн. руб.). Это составило 80 % от суммы всех частных инвестиций в российскую экономику [1].

Господствовавшая при Николае I тотальная регламентация государством всех сторон экономической и политической жизни общества отчетливо продемонстрировала свою неэффективность в ходе Крымской войны. Либеральные слои российского общества стали активно пропагандировать идею целесообразности предоставления большего простора частной инициативе на условиях свободной конкуренции. Эти тенденции являлись определяющими для эпохи Александра II. Подобные факторы, а также огромный дефицит госбюджета подвергли серьезной корректировке политику правительства в сфере железнодорожного хозяйства. В качестве оптимального способа строительства железных дорог было признано создание новых линий за счет частных капиталов.

Проблема строительства в России сети железных дорог с привлечением частных инвестиций была окончательно решена указом Александра II от 28 января 1857 г. о создании Главного общества российских железных дорог для строительства первой сети дорог протяженностью 4 тыс. км [2]. Документ содержал конкретную программу, которая юридически закрепляла систему постройки железных дорог частными акционерными обществами при непосредственном содействии властей. Правительство, со своей стороны, предос-

тавляло подобным компаниям гарантию 5 % дохода. Впоследствии устав стал образцом для составления более поздних уставных документов и концессий.

В 1862 г. и.о. главы Управления путей сообщения и публичных зданий генерал-лейтенант П.П. Мельников составил проект создания железнодорожной сети длиной 4,5 тыс. км. Наряду с другими важными направлениями в этом документе предполагалось строительство западной линии железной дороги от Орла через Смоленск и Витебск до Динабурга. При этом Мельников руководствовался экономическими, военными и политическими интересами страны.

В итоге было принято решение продлить уже отстроенную Рижско-Динабургскую дорогу через Витебск до Орла. Эта линия могла также решить проблему прямой доставки хлебных грузов в Рижский порт из губерний русского Черноземья. Для реализации этого проекта была выдана концессия английским банкирам Фрюлингу и Гешену. Согласно принятым на себя обязательствам, они должны были основать в Великобритании АО с ограниченной ответственностью. Правление нового предприятия находилось в Лондоне. Основные условия концессии прослеживаются по данным составленной нами таблицы. 19 марта 1863 г. вышеуказанные положения были утверждены Александром II, который неофициально стал акционером компании.

Следует отметить, что на территории Беларуси за период 60-70-х гг. XIX в. было основано 4 крупных общества с суммарным капиталом в 107 млн. 757 тыс. руб. серебром. Основные параметры концессий этих компаний показаны в таблице [3,4].

Таблица

Динамика изменения условий учреждения акционерных компаний для строительства железных дорог в Беларуси в 60-70-е гг. XIX в.

Название железной дороги	Длина линии, км	Основной капитал, млн. руб.	Стоимость версты, тыс. руб.	Гарантия на капитал, %	Срок владения, лет
Динабургско-Витебская	242	16250	67	5,12	85
Орловско-Витебская	485	37000	77	5,12	85
Смоленско-Брестская	631	26040	42	5,00	81
Ландварово-Роменская	711	28467	40	5,00	81

Строительные работы по сооружению линии Динабургско-Витебской железной дороги начались в июне 1863 г. В целом это был уникальный эпизод в практике железнодорожного строительства в России. Во-первых, АО данной дороги было единственным в стране, которое не подлежало юрисдикции российских законов и функционировало на основе британских. Во-вторых, в предшествующей практике административный аппарат железных дорог России комплектовался российскими кадрами. На Динабургско-Витебской железной дороге управляющим был утвержден руководитель ее постройки английский подданный инженер Вильямс. Начальником службы пути и зданий стал британский инженер Карлейль. Подрядчики и поставщики в большинстве также были англичане. Примечательно, что никто из них не говорил по-русски.

Во второй половине мая 1866 г. специальная комиссия под руководством главного инспектора частных железных дорог в России А.И. Дельвига освидетельствовала участок Динабургско-Витебской железной дороги от Динабурга до Полоцка. Комиссия признала его готовым к эксплуатации. 24 мая 1866 г. состоялось торжественное открытие этого участка дороги протяженностью в

149 км [5]. В том же году были сданы в эксплуатацию станции Витебск и Полоцк, паровозное и вагонное депо, дистанции пути.

После получения извещения об окончании работ на последнем участке Динабурго-Витебской железной дороги от Полоцка до Витебска длиной 93 км была сформирована новая комиссия для его инспекции. Ее члены признали, что работы на участке выполнены качественно. Он был сдан в эксплуатацию 5 октября 1866 г. [5, л.217]. Министр путей сообщения П.П. Мельников, осматривая Динабурго-Витебскую железную дорогу, также остался доволен ее состоянием.

Ближайшей задачей правительства в сфере железнодорожного строительства в северо-западном крае было признано проведение вглубь России Риги-Динабургской железной дороги. Первый шаг на этом пути уже был сделан постройкой Динабурго-Витебской железной дороги. Теперь осталось обеспечить продолжение этой линии от Витебска до Орла.

Предложения на строительство железных дорог в указанном направлении стали поступать с начала 1865 г. После рассмотрения всех ходатайств П.П. Мельников и министр финансов М.Х. Рейтерн остановились на предложении британского подданного баронета М. Пито. 17 декабря 1865 г. была утверждена концессия на Орловско-Витебскую железную дорогу. Однако, несмотря на высокую правительственную гарантию на строительный капитал, Пито не сумел привлечь установленные средства для образования АО, и концессию пришлось аннулировать. Причиной неудачи, по-видимому, было скептическое отношение на западных фондовых рынках к кредитоспособности российского государства.

Подобным обстоятельством воспользовалось орловское земство. Местный губернский предводитель дворянства А.В. Шереметев, используя свои связи, добился, чтобы концессию на Орловско-Витебскую железную дорогу отдали местному земству. Сделано это было отнюдь не из альтруистских побуждений. За такую услугу Шереметев и другие представители земства получили вознаграждение от подрядчиков. Итоговый вариант концессии на Орловско-Витебскую железную дорогу был утвержден 21 марта 1867 г. Строительство должно было осуществиться за 3 года. Принципиальные условия концессии можно проследить по данным таблицы.

В силу своей некомпетентности в финансовых и строительных делах, представители орловского земства передоверили формирование основного капитала банкирскому синдикату. Наиболее активное участие в реализации ценных бумаг Орловско-Витебской железной дороги принимал петербургский банкир Е.Е. Брандт. За рубежом размещение облигаций дороги производилось лондонским банкирским домом Томсон, Бонар и К° (главный владелец К.Ф. Бель). Нередко привлечение инвестиций из-за границы было сопряжено с высокой комиссионной платой за услуги посредников по поиску свободных средств. А это, в свою очередь, вело к значительным потерям в курсовой котировке ценных бумаг, что в конечном итоге значительно повышало стоимость постройки той или иной железной дороги.

В ноябре 1868 г. строительство магистрали Орел-Рига, соединившей внутренние губернии России, а также Витебскую губернию с Балтийским морем, было завершено. Дорога стала важным направлением вывоза российского хлеба за рубеж.

С середины 60-х гг. в высших слоях российского общества неоднократно обсуждался вопрос о строительстве прямой железнодорожной магистрали от Москвы до Варшавы и далее на Запад. Она была необходима для расширения внешней торговли и реализации стратегических интересов государства. 15 декабря 1868 г. была утверждена концессия общества Московско-Смоленской железной дороги. А уже в сентябре 1870 г. состоялось открытие

движения на данном участке (390 км.). Напрашивалось решение о продлении дороги от Смоленска до Бреста через белорусские губернии.

Активным лоббированием этого проекта в правительственных кругах еще в 1866 г. занялся наместник в Царстве Польском граф Берг, и к его мнению прислушались. Новый участок от Смоленска до Бреста представлял среднее звено магистрали Москва-Варшава. Однако в выборе главного направления и будущего назначения дороги возникли серьезные межведомственные разногласия. Спор шел о следующих направлениях: Бобруйск-Пинск или Минск-Слоним. Первый вариант предлагал министр путей сообщения П.П. Мельников. Второй проект поддерживал граф Берг и авторитетные лица в военной области – Н.А. Милютин, а также известный военный инженер Э.И. Тотлебен [4, с.55]. Нельзя не согласиться, что гипотетически возможным театром военных действий скорее могла стать Минская губерния, а не малонаселенный и труднопроходимый район полесских болот. Направление на Минск поддержали председатель Комитета железных дорог граф Строганов и гофмейстер Абаза. Они делали акцент на преимуществах коммерческого характера линии Минск-Слоним. В подобном варианте Смоленско-Брестская линия вошла в сеть железных дорог в 1870 г.

Более десяти соискателей претендовали на концессию по сооружению магистрали Смоленск-Брест. Однако, невзирая на все их ухищрения, 4 марта 1870 г. концессия была выдана товариществу Московско-Смоленской железной дороги. Новый министр путей сообщения В.А. Бобринский мотивировал это решение приемлемостью строительной цены, заявленной обществом, и рациональностью соединения в одних руках двух смежных дорог. Основные положения концессии указаны в таблице.

Акционерное общество наделялось правом законного отчуждения и занятия частных земель и зданий под линию дороги на условиях компенсации. Полоса отчуждения земли по техническим условиям составляла 21,3 м с каждой стороны от оси пути. Например, крестьяне десяти деревень Новогрудского уезда Минской губернии в июне 1871 г. были вынуждены продать обществу Московско-Брестской железной дороги около 85 га земли за 4232 рубля. Эта сумма была перечислена на уплату долга по выкупной ссуде, числящегося на местных «свободных сельских обывателях» [6].

28 ноября 1871 г. постройка магистрали Москва-Брест была завершена, и дорога вступила в число действующих. Соединив позже в узлы другие линии северо-западной России, данная дорога сыграла определяющую роль в формировании железнодорожной сети Беларуси. Именно эта дата принята за начало летоисчисления истории белорусской железной дороги.

В 1870 г. Комитет министров включил в «сеть важнейших железных дорог России» Ландварово-Роменскую железную дорогу. С ее помощью предполагалось связать Украину с Либавским портом и тем самым увеличить доходность убыточной Либавской дороги. Впоследствии правительство инициировало объединение этих двух дорог в единую Либаво-Роменскую магистраль.

Небезынтересны перипетии борьбы, развернувшейся вокруг концессии на сооружение Ландварово-Роменской железной дороги. Практически каждый из претендентов имел небескорыстную протекцию со стороны высокопоставленных лиц [2, с.277]. «Фаворитами» являлись крупные железнодорожные «короли» – И.С. Блюх и К.Ф. фон Мекк. Последний заявил более выгодные условия концессии, чем другие конкуренты (см. таблицу). Кроме того, фон Мекк заручился поддержкой министра путей сообщения А.П. Бобринского, приближенных к императору Е. и М. Долгоруких, оплатив их услуги щедрыми взятками. Например, Долгорукие получили 3 млн. рублей [7]. Догадывавшиеся об этом конкуренты Мекка пытались апеллировать с жалобой к царю, но безрезультатно.

9 мая 1871г. была утверждена концессия частной Ландварово-Роменской железной дороги. В 1873-74 гг. завершилось строительство всех 5 ее участков общей длиной 711,1 км. Под полотно Ландварово-Роменской магистрали отошли значительные земельные угодья, пастбища, леса. Например, в декабре 1871 г. крестьяне 18 деревень Игуменского и Бобруйского уездов Минской губернии уступили 220 га земли за сумму 3518 рублей [8]. Казенные бездоходные земли отдавались под строительство бесплатно.

Период 60-70-х гг. XIX в. на территории Беларуси являлся временем господства концессионной системы сооружения железных дорог. С середины 60-х гг. правительству удалось обеспечить высокие темпы железнодорожного строительства путем привлечения частных предпринимателей. В отличие от практики экономически развитых стран, финансирование железнодорожного строительства в России велось полностью за счет ссудного (облигационного) капитала, а акции оставались за концессионерами бесплатно и не поступали в продажу. В итоге учредитель акционерной компании являлся одновременно хозяином строительства и эксплуатации линии (фон Мекк — владелец Либаво-Роменской магистрали). С целью понижения поперстной стоимости железнодорожных линий власти начали практиковать конкуренцию между предпринимателями. Подобная тенденция весьма рельефно проявилась и на территории Беларуси (см. таблицу). Так, стоимость сооружения одной версты Либаво-Роменской железной дороги обошлась в 1,7 раза дешевле, чем Орловско-Витебской при практически равных условиях рельефа местности. Постепенно с увеличением числа претендентов на постройку железных дорог у правительства появилась возможность уменьшить правительственную гарантию на основной капитал акционерных обществ (см. таблицу). При строительстве Ландварово-Роменской железной дороги акционерный капитал не был гарантирован вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX-XX вв. М., 1950. С. 207.
2. Полное собрание законов Российской империи, 2-е собр. Т. 32. Отд. 1. № 31448. Указ его императорского величества о сооружении первой сети железных дорог в России. СПб., 1858. С. 72-82.
3. Дельвиц А.И. Мои воспоминания. Т.4. М., 1912. С. 186.
4. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т.2. СПб., 1902. С. 57, 88.
5. Российский государственный исторический архив, ф. 219, оп. 1, д. 6564, л. 34.
6. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ), ф. 242, оп. 2, д. 88, лл. 89-97 об.
7. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 109.
8. НИАРБ, ф. 242, оп. 2, д.97, лл. 30-39.

S U M M A R Y

The expansion of the railroad system during 1860-1870 in Belarus is considered in the article. The railroad network in Belarus was to link the agricultural regions of central Russia and Ukraine with the Black Sea in order primarily to facilitate the export of grain as well as supply the military requirements on the Western borders. In railroad construction the government promoted private investment providing concessions and privileges, advancing credits and floated railroad bond issues abroad.

Поступила в редакцию 28.03.2001

Дезинтеграционные и интеграционные процессы в экономике на постсоветском пространстве

Интеграция представляет собой процесс движения и развития определенной системы, в котором число и интенсивность взаимодействий ее элементов растет – усиливается их взаимная связь и уменьшается их относительная самостоятельность по отношению друг к другу. При этом в основе взаимодействия лежит существенная необходимая связь, которая проявляется через новые формы взаимодействия, т.е. формы, которых не было в прежней истории этой системы. Под дезинтеграцией мы соответственно понимаем противоположный интеграции процесс уменьшения числа и интенсивности взаимодействий элементов некоей системы – процесс разложения, распада, разрушения, отделения, изоляции и пр. Этот процесс повышает относительную самостоятельность и «независимость» элементов. Однако нельзя рассматривать каждое разрушение, каждый распад как дезинтеграцию, потому что не всегда процессы такого рода приводят к тому, что элементы распадающейся системы приобретают самостоятельное существование до интеграционного периода.

Интеграционные процессы различным образом связаны с дезинтеграционными процессами, и поэтому всякое ограничение соответствующего исследования анализом только интеграционных процессов недопустимо. Скорость, направление и форма интеграционного процесса зависят не только от силы причин, действующих в направлении интеграции, но и от силы противодействующих дезинтегрирующих причин. Вполне возможно, что при определенных обстоятельствах последние приобретают перевес и прерывают интеграционный процесс, хотя именно он имеет исторически необходимый и прогрессивный характер. Таким образом, если в качестве ведущей силы выступает интеграция, то она всегда связана с различными дезинтеграционными процессами, являющимися либо ее предпосылкой, либо следствием, либо сопутствующими ей.

Если интеграция является ведущим, доминирующим процессом, то помимо изучения конкретной природы этого процесса необходимо знать какие дезинтеграционные процессы содействуют и какие противодействуют интеграции. Анализ дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве помогает лучше понять современные проблемы интеграции.

Одно из направлений дезинтеграции связано с внутренними (объективными и субъективными) противоречиями Содружества. В состав СССР входили республики со значительной дифференциацией масштабов экономики и условий экономического развития, замкнутых в единый воспроизводственный процесс, отличительной чертой которого являлась концентрация факторов производства на крупных специализированных предприятиях. В нем практически отсутствовали малые предприятия, самостоятельные хозяйственные

действия которых формируют объективные предпосылки для образующего важную черту рыночного механизма динамичного саморегулирования экономической системы. Изменить эту ситуацию в короткие сроки нереально из-за отсутствия требующихся для этого значительных ресурсов, причем такова ситуация во всех бывших союзных республиках. Частично эта задача была решена посредством искусственного разукрупнения больших специализированных производственных комплексов. Хотя такой курс неизбежно вызвал падение объемов производства, разрыв хозяйственных связей как внутри республик, так и между ними, снижение эффективности общественного производства, распад отраслевой и региональной структуры хозяйственных комплексов, неминуемое усиление их экономической зависимости от мирового рынка, существенное снижение уровня жизни населения и резкое обострение социальной напряженности.

Необходимо еще учесть и ориентацию республиканского воспроизводственного процесса на общесоюзную социально-экономическую эффективность. Поэтому оказывались не столь уж существенными слабость связей республиканского воспроизводственного процесса с мировым рынком, дефицитный характер экономики каждой союзной республики при глубокой структурной диспропорциональности в сторону тяжелой промышленности и военного производства. Противоречие между самостоятельностью и взаимосогласованностью экономического развития союзных республик обуславливало объективную необходимость достаточно эффективного механизма согласования региональных интересов с потребностями целостного воспроизводственного процесса в масштабе всего Союза ССР. Однако такой механизм отсутствовал.

Таким образом, с теоретической точки зрения, экономическое пространство бывшего СССР представляло собой жесткую, замкнутую, практически лишенную свойств саморегулирования систему, состоявшую из крупных отраслевых и национально-территориальных подсистем. Они экономически дополняли друг друга и с помощью структуры стабильных межотраслевых и межреспубликанских связей, формировавшихся под воздействием команд единого центра, были объединены в целостный народнохозяйственный комплекс. Сложился своего рода «механизм», основные части которого жестко пригнаны друг к другу. Он принципиально отличается от экономических систем с развитыми рыночными отношениями саморегулирования, которые можно свести в единый тип, условно назвав его «организм». Попытка одним «большим скачком» превратить «механизм» в «организм» путем повсеместного использования в экономической системе бывшего СССР классических рыночных отношений сделала объективно неизбежными разрушение целостности единого народнохозяйственного комплекса, распад его отраслевой и республиканской структуры. На деле ориентация на такой «скачок» привела к тому, что реально сложившийся в ходе реформ хозяйственный механизм стал, если не пытаться сглаживать формулировки, механизмом разрушения экономики и общества. С другой стороны, дезинтеграция дала толчок развитию современных интеграционных процессов, созданию объединения бывших республик, но уже на другом качественном уровне.

Следующее направление дезинтеграционных процессов связано с ориентацией постсоветских республик на автономное вхождение в мировой рынок и противодействием интеграции со стороны стран, у которых есть сфера интересов, лежащих вне СНГ. В рамках стратегии автономного вхождения в мировой рынок борьба республик за факторы производства неизбежно усилилась глубоким экономическим спадом и затяжной депрессией. Это неминуемо обострило взаимные претензии. В условиях, когда для двух-трех поколений советских людей межреспубликанские границы были только административным понятием в рамках единого государства, их превращение в охраняемые государственные

границы стало крайне негативным социально-экономическим последствием.

Здесь необходимо также учесть и современный этап интернационализации мирового хозяйства, который качественно отличается от периода 80-х годов. После распада мировой системы социализма все большее число стран включается в систему мирохозяйственных связей. Происходит процесс унификации стандартов на технологию, загрязнение окружающей среды, деятельность финансовых институтов, бухгалтерскую отчетность, национальную статистику, образование, культуру. С помощью международных организаций внедряются общие критерии макроэкономической политики, происходит унификация требований к налоговой политике, к политике в области занятости и т.д. Все это расширяет возможности для автономного вхождения стран в мировой рынок.

Важным дезинтегрирующим фактором является противоречие процесса глобализации. В мировой экономике усиливается позиция США (американоцентризм) и одновременно формируется экономический полицентризм. США с опережением проводят новый этап структурной перестройки, в основе которого лежит переориентация экономики на наукоемкие производства. Большие средства вкладываются в образование, науку, информатику, технологии будущего, в результате чего возрастает зависимость от Америки остальных стран мира. Американцы навязывают свои стандарты во всех областях жизни. При этом США заинтересованы во влиянии на остальной мир, которое легче осуществлять в отдельно взятой стране чем в интегративном сообществе. Другая тенденция глобализации (полицентризм) пока находится на начальной стадии развития и только в отдаленной перспективе сможет играть самостоятельную роль. При этом огромное значение имеет успех интегративных процессов на евразийском пространстве как противовес американоцентризму [1].

Бесспорным преимуществом стратегии автономного вхождения республик в мировой рынок является быстрое достижение локальных положительных результатов в точках экономического роста, обусловленное наличием мирового опыта решения аналогичных или сходных проблем и несомненной готовностью мирового сообщества внедрить этот опыт в бывших союзных республиках. Однако столь же несомненны недостатки этой стратегии, проявляющиеся в возникновении быстрой и глубокой зависимости республик от иностранных капиталов и мирового рынка; использовании для подъема экономики лишь локальных резервов экономического потенциала; резком усилении неравномерности в социально-экономическом развитии каждой республики; появлении и быстрым росте экономического и социального неравенства; возникновении социальной напряженности, особенно опасной в многонациональных республиках; быстрым росте напряженности в отношениях между республиками.

Несомненными преимуществами стратегии согласованного развития общего экономического пространства республик являются сохранение и укрепление социальной стабильности и экономического суверенитета республик, обусловленные преемственностью с тем, как они развивались в течение последних десятилетий; задействование для комплексной модернизации республик всего их экономического потенциала; снижение уровня неравномерности в социально-экономическом развитии каждой республики; развитие и укрепление межреспубликанских и соответственно межнациональных связей; последовательная демократизация общественных отношений в республиках при усилении экономической роли государства. Вместе с тем очевидны и недостатки этой стратегии, проявляющиеся в заведомо эволюционном, постепенном характере модернизации как народного хозяйства каждой из республик, так и их общего экономического пространства; ограниченности отечественного и отсутствии мирового опыта реализации таких изменений.

Поэтому столь важно выработать принципиально новую концепцию инте-

грации отличной и от советской и от европейской, а также синхронизировать модели социально-экономического развития стран [2].

Активное осуществление стратегии согласованной модернизации общего экономического пространства республик включает: поэтапное преодоление спада производства путем устранения породивших его причин; последовательное укрепление хозяйственных контактов между республиками на основе повышения уровня эквивалентности межреспубликанских связей; быстрое создание и задействование хозяйственного механизма государственного регулирования, обеспечивающего целенаправленное использование всего потенциала общего экономического пространства республик.

Объективной основой формирования этой стратегии являются реальные свойства единого народно-хозяйственного комплекса бывшего Союза ССР, сложившаяся за десятилетия теснейшая взаимозависимость экономических систем прежних союзных республик. Переход к рыночным отношениям, с одной стороны, неизбежно усиливает территориальную дифференциацию единого экономического пространства и тем самым объективно способствует его распаду, толкая суверенные республики к автономному вхождению в мировой рынок. Но, с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов экономическую заинтересованность подавляющего большинства предприятий всех республик в работе на объединенный рынок, существующий в рамках общего экономического пространства: такой рынок обладает огромной емкостью и предъявляет традиционные требования к их продукции. Тяготение к такому рынку объективно направлено на устранение всех препятствий в хозяйственной деятельности предприятий, порожденных суверенитетом республик, на формирование вновь унитарной экономической системы. Однако ее возрождение потребует воздействия на социально-экономические процессы внеэкономическими методами. А такой ход событий неминуемо будет способствовать нарастанию социальной напряженности на межрегиональной и соответственно на межнациональной основе.

Поэтому не вызывает сомнений: действенная стратегия выхода из кризиса должна отойти от ортодоксальных принципов рыночного фундаментализма, базироваться на понимании реальной структуры единого воспроизводственного комплекса, предвидеть ее неизбежную реакцию на развитие рыночных отношений. Исходя из этого данная стратегия призвана учитывать преемственность в развитии хозяйственного механизма и так воздействовать на реформирование экономических отношений, чтобы обеспечивать сохранение общего экономического пространства и целостность его отраслевой и региональной структуры при максимальном уважении к суверенитету бывших союзных республик и всемерном расширении экономической самостоятельности предприятий.

Продолжая курс на демократизацию политической и хозяйственной жизни, данная стратегия выхода из кризиса в корне отличается от реализуемых в настоящее время программ принципиально более высокой экономической ролью государства. Концепция межреспубликанского институционализма предполагает, что государственное регулирование общего экономического пространства республик не ограничивается лишь финансово-бюджетными и кредитными аспектами, оно активно использует методы всестороннего планового регулирования. С его помощью осуществляется стратегическая роль суверенных, но взаимозависимых республик в формировании системы основных социально-экономических целей согласованной модернизации их общего экономического пространства и установлении соответствующих этим целям важнейших народнохозяйственных, межотраслевых и межреспубликанских пропорций. В рамках этой стратегии государственные институты всех республик должны совместными усилиями выполнять координирующую

функцию по обеспечению целенаправленной согласованности прямых договорных связей между поставщиками и потребителями продукции, отраслями и регионами. Особое значение приобретает повышение эффективности принятого пакета интеграционных документов, так как часто они носят декларативный характер, отсутствует механизм реализации целей и задач и их финансового обеспечения. Не определены органы управления, ответственные за выполнение этих задач, и не предусмотрен межгосударственный контроль за выполнением взятых обязательств. При принятии новых соглашений не предусматривается отмена принятых соглашений и решений по этому вопросу, потерявших свою актуальность или частично выполненных.

Отсутствие необходимой статистической информации также является тормозом на пути развития интеграции. В этой связи определенным шагом к реальной экономической интеграции могла бы стать совместная разработка государствами – участниками СНГ макроструктурного прогноза социально-экономического развития на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. В рамках его должны быть согласованы цели социально-экономического развития, выявлены возможные масштабы основных народнохозяйственных ресурсов, определены наиболее целесообразные направления их межстранового и межотраслевого распределения с целью достижения максимального интегрального эффекта. Прогноз мог бы служить для каждой из стран индикативной основой для выработки национальной экономической политики, базой для заключения двусторонних и многосторонних экономических соглашений.

Стратегия интернационализации позволит быстрее преодолеть спад в экономике, прежде всего благодаря восстановлению хозяйственных межреспубликанских связей. С помощью сильной экономической роли межреспубликанского институционализма возможно осуществить глубокую социально ориентированную, структурную перестройку общего экономического пространства республик, что создает предпосылки для их интеграции в систему мирохозяйственных связей, активного использования преимуществ международного разделения труда

Стратегия согласованной модернизации предполагает, что уже в ближайшие годы будет обеспечен достаточно высокий уровень инвестиционной активности, обусловленный высокой экономической ролью государства в республиках, образующих общее экономическое пространство. При этом капитальные вложения следует направлять в те или иные отрасли в соответствии с системой приоритетов, определяемых структурной политикой данного варианта стратегии, и с учетом требований сбалансированности всего круга сопряженных отраслей и производств общего экономического пространства республик. Такой подход способствовал бы общему повышению технологического уровня экономических систем всех бывших республик, последовательному росту эффективности их производства и повышению уровня жизни их населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. – 200 с.
2. *Козловский В.В.* Обусловленность и пути выравнивания общей линии экономического и культурного развития Европейских стран. Мн., 1998. – 89 с.

S U M M A R Y

This article includes data of international economic cooperation investigation.

Поступила в редакцию 12.02.2001

В.Н. Бусько

О развитии экономической мысли Витебщины в период НЭПа (20-е годы XX ст.)

Период новой экономической политики (НЭПа), как известно, является своеобразным этапом с точки зрения анализа истории развития экономической мысли. Это своеобразие, в частности, состояло в том, что впервые в истории приходилось решать не только теоретические, но и практические задачи функционирования экономики в условиях сочетания командно-административных и рыночных методов управления при диктатуре пролетариата.

Уникальность же Витебщины, что не могло отразиться на состоянии ее экономической мысли, заключалась в том, что введение НЭПа она встретила в составе РСФСР, а его завершение (конец 20-х годов) – в составе БССР (В 1924 г. большая часть Витебской губернии вошла в состав БССР).

С переходом к НЭПу общие направления, над которыми должны сосредоточить внимание местные экономисты, были даны в публикациях журнала «Экономический вестник», выходившего в Витебске в 1921-1923 гг. В исследовании Н. Семевского [1] автор попытался обосновать неправомерность с экономической точки зрения присоединения Витебщины к Беларуси, о чем развернулась острая дискуссия в начале 20-х годов между представителями России и Беларуси. В доказательство о своей позиции он привел подробный анализ лесных отношений, которые, на его взгляд, показывают их несхожесть между Витебской и Минской губерниями, а близость первой к Прибалтийскому краю. Лишь удобства административного и промышленного управления, по мнению Н. Семевского, могут объяснить возможность включения Витебщины в Петербургский район как наиболее близкий с позиции единства железнодорожных и водных путей сообщения, а также сбыта производимой на территории губернии продукции (к Прибалтийскому краю в тех условиях этого нельзя было сделать, поскольку Прибалтика вышла из состава России после 1917 г.).

Представители Витебской губернии приняли участие и в дискуссиях о кооперации. Здесь привлекает внимание статья о кооперации, выпущенная под псевдонимом «Агроном». Автор исходил из того, что только кооперация сможет вывести местное сельское хозяйство из кризиса, а НЭП создает для этого определенные условия, поскольку «никто другой и никакое вмешательство извне не могут так быстро и правильно наладить хозяйство как сам хозяин» [2]. Главными аргументами в пользу кооперации он выставил возможность с ее помощью осуществления процесса накопления в местном сельском хозяйстве и положительный опыт Дании и Германии. Его анализ показал, что в Дании благодаря сельскохозяйственному непроизводственному кооперированию (к 1907 г. им было уже охвачено 77% всех хозяйств) осуществился перевод аграрного сектора экономики с зернового на интенсивное хозяйство, основанное на переработке и экспорте продуктов животноводства. Поэтому автор сделал вывод, который совпадал с выводом известного русского экономиста А.И. Чупрова, что сельскохозяйственная кооперация наряду с техническим перевооружением является важнейшим фактором подъема сельского хозяйства.

Более подробно проблемы кооперации освещались в журнале «Вестник кооперации», выходившем в Витебске в 1921-1923 гг. и работах С. Чижевского.

С. Чижевский сосредоточил внимание на раскрытии сущности кооперации вообще, ее отличии при капитализме и при социализме, а также классификации. Рассматривая кооперативную форму, он дал ее принципиальное отличие от других форм, видя его в равенстве членов кооператива независимо от вложенного капитала и в целевой установке – защите от частного предпринимательства, эксплуатации и способе замены капиталистической системы хозяйствования социалистической. В этом он видел разницу кооператива и акционерного общества, которое обслуживает интересы капитала, имея целью получение прибыли и дивидендов, объединяя при этом не людей, а капиталы и принимая решения в зависимости от количества принадлежащих акционеру акций. С. Чижевский определил отличия кооперации от рабочих союзов, показав, в частности, что если члены профсоюзов объединяются с целью улучшения условий труда, то члены кооператива – для выполнения совместной хозяйственной деятельности.

Что касается различий кооперации при капитализме и социализме, то их он усмотрел в том, что если в первом случае кооператив в какой-то мере враждебен капитализму, то с приходом к власти трудящихся эта оппозиция к власти исчезает. Здесь же он подчеркнул мысль о важности свободного доступа в кооперацию при социализме и свободном выходе из нее, рассматривая эти принципы одним из условий эффективной деятельности кооперации.

С целью более глубокого понимания кооперации С. Чижевский привел историю ее развития, начиная от Р.Оуэна и Рочдельского периода до современных времен. Касаясь России, им была высказана мысль о привнесении кооперации извне, из Европы, т.е. кооперация, на его взгляд, не являлась результатом внутреннего экономического развития России. В списке обязательной литературы для изучения кооперации у С. Чижевского значились такие теоретики кооперации, как М. Туган-Барановский, В. Пекарский, В. Пажитнов, А. Чаянов, Б. Узбб, В. Тотомианц.

В популярной форме этот автор пропагандировал опыт существующих на Западе двух систем управления потребительными обществами (английской и немецкой) и дал рекомендации по правильному оформлению заявлений, составлению и регистрации уставов, выборам руководящих органов и т.д., ссылаясь при этом на исследования крупного русско-советского деятеля кооперативного движения Н. Мещерякова. Характерно, что С. Чижевский не навязывал местным крестьянам выбор конкретной системы управления, а упор делал на разъяснения их преимуществ и недостатков, описывая процесс создания и формы правления в этих системах. Так, он показал, что при английской системе всеми хозяйственными делами ведает не правление, а одно лицо, с которым общество заключает договор с указанием его прав и обязанностей. Преимущества такой системы им виделись в гибкости аппарата, быстроте принятия управленческих решений и соответственно ускоренном торговом обороте. Однако он считал целесообразным ее применение при существовании определенных условий, а именно нехватке профессиональных управленцев и неготовности населения брать на себя функции управления. Немецкую же систему этот автор оценил как систему, в которой на правление общества возлагаются обязанности исполнительного органа, более демократичную в своей основе и адекватную сущности кооперации. Растолковывая читателям многие важные теоретико-практические вопросы потребкооперации, С. Чижевский тем самым отвечал на те из них, которые ставила экономическая действительность перед белорусским крестьянством.

Как следует из анализа публикаций экономистов Витебщины, они приняли

участие в дискуссии по поводу хозрасчета государственных предприятий в условиях НЭПа. Уже в 1923 г. Ривкин, например, в результате проведенного обследования итогов работы местных предприятий заключил, что с их переводом на хозрасчет возродился у производителей здоровый интерес к повышению эффективности производства и качества продукции [3]. Однако он высказал и ряд критических замечаний, в частности, по поводу того, что тресты остались теми хозяйственными единицами, которые громоздки и не в состоянии наладить работу входящих в их состав предприятий. Им было обращено внимание и на связь работы предприятий с состоянием денежного обращения и кредитными учреждениями. Он обосновал вредность тяжелого налогового бремени на местных производителей, что не позволяет им эффективно функционировать в рыночных условиях, поскольку не создается стимулов к увеличению производства, порождая тем самым тенденцию к уравниловке, «системе принудительной разверстки». В целом его рассуждения свелись к необходимости предоставления большей свободы субъектам хозяйствования, снижению налогов, тесной связи хозрасчета с существующей системой кредитования и состоянием денежного обращения, что должно стимулировать производство.

О позиции руководства Витебской губернии относительно проводимой в БССР экономической политики в 20-е годы можно судить по выступлениям председателя окрисполкома И. Адамайтиса на VII Всебелорусском съезде Советов и на сессии ЦИК БССР VI созыва (1925 г.) [4, 5].

На основе анализа первых лет НЭПа в сельском хозяйстве Витебской губернии И. Адамайтис высказал ряд критических замечаний, особенно относительно совхозов, налоговой и кредитной политики в деревне. Отрицательное отношение местных крестьян к совхозам он объяснил отсутствием практической помощи со стороны совхозов населению, негативной их позицией к индивидуальным крестьянским хозяйствам, неспособностью совхозов обрабатывать своими силами землю, а отсюда ее сдача в аренду на тяжелых для крестьян условиях. Им были сформулированы некоторые предложения по совершенствованию налоговой политики. Среди них необходимость более полного учета доходности по каждому сельсовету и деревне, установление норм обложения в зависимости от качества и плодородия почвы, важность снижения налогового бремени на скотоводство – наиболее перспективную подотрасль местного сельского хозяйства, введение налога на бедноту (по его расчетам, по Витебской губернии от налогов было освобождено 25-30% крестьянских хозяйств). Последнее предложение он аргументировал возможностью вследствие поднятия хозяйств в период НЭПа платить бедняками налоги, а принцип освобождения от налогов бедняков ведет к стремлению части крестьян «подогнать» свои хозяйства к бедняцкому разряду, что не повышает заинтересованность крестьян к росту производства. Как видим, И. Адамайтис рассматривал налог важным рычагом регулирования сельского хозяйства в рыночных условиях, фактором, способствующим накоплению в крестьянских хозяйствах.

С современных позиций следует, на наш взгляд, обратить внимание на публикации, помещаемые в печатном органе Витебской товарной биржи –

* В отличие от экономистов БССР, среди которых в начале 20-х годов преобладал взгляд на необходимость повсеместного трестирования промышленности, для экономистов Витебщины был характерен принцип проведения выборочной политики относительно конкретных предприятий и подотраслей промышленности к трестированию – В.Б.

«Бюллетене Витебской товарной биржи», а также работы М. Лурье и А. Гавака.

М. Лурье [6,7] осуществил анализ развития промышленности и сельского хозяйства Витебщины в период НЭПа в сравнении с дореволюционным периодом и сделал ряд выводов. Так, если до 1914 г промышленность работала на местный рынок, являлась мелкой и базировалась на частной собственности, то за период НЭПа ее темпы роста ускорились, она стала более крупной и на 97,1% государственной (*речь идет о ценовой промышленности - В.Б.*).

Он попытался также сделать наметки на перспективы дальнейшего промышленного развития на Витебщине, обосновывая ускоренное развитие прежде всего таких подотраслей, как льняной и деревообрабатывающей, поскольку в крае имеются богатые сырьевые ресурсы, а Осинская электростанция обеспечит промышленность необходимой энергией.

Что касается сельского хозяйства, то расчеты М. Лурье показали повышение роли промышленно-технических культур при одновременном снижении зерновых, что свидетельствовало, на его взгляд, о росте интенсивности сельского хозяйства и приспособлении его к рыночным условиям. В то же время он не отрицал отставания по урожайности ряда культур по сравнению с 1905-1913 гг.: урожайность картофеля с 1 га в 1927 г. составляла 375 ц против 384,5 ц в 1905 г., льна – соответственно 15 ц и 20,3 ц и т.д. По важному и дискутируемому в тот период в экономической литературе вопросу о дифференциации крестьянских хозяйств в рыночных условиях, он, проведя расчеты по показателям обеспеченности посевной площадью, рабочим скотом и инвентарем, сделал вывод о росте доли середняцких хозяйств за счет сокращения бедняцких (середняки к 1927 г. составляли 73,4%, бедняки – 23,8% и кулаки – 2,8%), т.е., по его мнению, это подтверждает верность ленинского тезиса о центральной фигуре середняка в деревне.

Высокой оценки заслуживает работа А. Гавака [8]. Свое исследование он построил на анализе организационно-технических изменений в крестьянских хозяйствах в период НЭПа, придерживаясь методологии организационной школы в аграрно-экономической науке СССР 20-х годов, лидерами которой являлись А. Чаянов и А. Челинцев. Во-первых, его расчеты показали, что «как только рыночные условия стали улучшаться, ... сельское хозяйство снова начало подниматься». Во-вторых, он попытался на основе определенных эволюционных тенденций разделить округ на ряд сельскохозяйственных районов, что было важно для улучшения планирования на местах. Так, Витебский район им был определен как интенсивно-животноводческий с молочным направлением, который характеризуется наименьшим процентом озимых посевов и наибольшим процентом трав со средней значимостью картофеля.

Не касаясь всех вопросов, поднимаемых на страницах «Бюллетеня Витебской товарной биржи», отметим выводы, сделанные рядом экономистов (М. Лурье, З. Аксельрод, А. Кантер и др.) на основе анализа состояния рынка по итогам заготовительных компаний по кожсырью, хлебу, сахару, льну, пушнине и т.д. [9-11]. Речь идет о результатах политики государственного регулирования цен в форме установления т.н. лимитных цен в 1924-1925 гг. Анализ этих авторов показал, что такая политика ведет не к улучшению состояния рынка и усилению позиций государственной и кооперативной торговли, а к их ослаблению, поскольку лимитные цены стали резко расходиться с рыночными (например, по пушнине разница достигала 28%). Производители перестали быть заинтересованными продавать свой товар государственным и кооперативным заготовительным организациям, способствуя тем самым укреплению на рынке позиций частной торговли и накоплению в ней значительных денежных средств при одновременном усилении финансовой напряженности государственных и кооперативных торговых организаций, что

отрицательно сказалось на возврате кредитов с их стороны банкам с соответствующим усилением проблем в банковской системе. В этой связи приведем высказывание, например, З. Аксельрода о будущей ценовой политике: «В будущем, – писал он, – регулирование рынка должно проводиться исключительно мерами экономического характера».

Таким образом, экономисты Витебщины приняли участие во многих дискуссиях 20-х годов, особенно по проблемам кооперации, хозрасчета, налоговой и ценовой политик, роли рынка в развитии производства. Ряд выводов, сделанных ими в процессе отслеживания результатов внедрения рыночных отношений в экономику края, не потеряли актуальности и сегодня. Речь идет о значении кооперации, специализации экономики края в условиях становления рыночных отношений, разумном сочетании различных форм государственного регулирования цен и проведения налоговой политики и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Семевский Н.** К вопросу о присоединении Витебской губернии к Западной области // Экономический вестник. Витебск, 1922, № 2. С. 17-19.
2. **Сельскохозяйственная кооперация** // Экономический вестник. Витебск, 1922, №2. С.21.
3. **Ривкин.** Организация промышленности // Коммунистический труд. Витебск, 1923. № 4. С. 15-17.
4. **Стенографический отчет IV сессии ЦИК БССР VI созыва.** Мн., 1925. С. 13-27.
5. **Стенографический отчет VII Всебелорусского съезда Советов.** Мн. 1925. С.84-85.
6. **Лур'е М.І.** Цэнзавая прамысловасць Віцебскай акругі // Сб. Віцебшчына. Віцебск, 1928. Т.2. С.11-32.
7. **Лур'е М.** Эканоміка Віцебшчыны // Наш край. Мн., 1928, № 5. С.24-40.
8. **Гавак. А.** Характарыстыка сельскагаспадарчых раёнаў Віцебшчыны // Віцебшчына, 1928. Т. 2. С. 47-52.
9. **Лурье М.** Итоги хлебной компании 1924-1925 г. по Витебскому округу // Бюллетень Витебской товарной биржи, 1925, № 30.
10. **Аксельрод З.** Итоги истекшей льнозаготовительной компании // Бюллетень Витебской товарной биржи, 1925, № 32.
11. **Аксельрод З.** Итоги заготовок кожсырья в 1924-1925 г. // Бюллетень Витебской товарной биржи, 1925, № 39.

S U M M A R Y

The views of Vitebsk region economists on the development of NEP (the twenties of the twentieth century) are considered in this article.

Поступила в редакцию 12.02.2001

Актуальные проблемы правопонимания

С момента возникновения государства и права идут поиски наиболее приемлемых с теоретической и практической точки зрения определений этих понятий.

Существуют десятки и сотни определений права. Выделяют право в объективном смысле – совокупность юридических норм, нормативно-правовых актов (НПА), судебных прецедентов, правовых обычаев и т. д., в субъективном – вид и мера возможного поведения субъекта, совокупность идей, представлений о неотъемлемых правах человека, естественное право. Основатель психологической концепции права в России Л.И. Петражицкий также называет правом правила этикета, область интимных отношений, семейно-домашнее право, детское право, преступное право, обычное, религиозное, «суеверное право» и т. д., которые имеют в большей степени не позитивный, а интуитивный (индивидуальный) характер. Мы же ограничиваемся, как правило, позитивным правом, как совокупностью государственно установленных норм, оставляя за «бортом» перечисленные виды права, «потайные» пружины его возникновения, материальный, идеологический, психологический механизм его реализации. Внешняя форма права чаще всего не ведет к прогрессивным изменениям в обществе. Поэтому, оставаясь лишь принудительным инструментом, не основанном на правовом убеждении народа, право в действительности регулирует небольшую часть «ключевых» с точки зрения государства общественных отношений. Большая же часть остается либо в зоне «теневого, преступного права» – в худшем случае, либо – «интуитивного» – в лучшем.

По мнению известного философа, социолога, правоведа П.А. Сорокина, каждый народ имеет то право, которое заслуживает. Причем оно существует до тех пор, пока основная масса населения считает его справедливым. Применяемое государственное принуждение обратно пропорционально правовому убеждению общества и наоборот.

Мотивировочная сила права, как считал П.А. Сорокин, в его воздействии на психику, она «...превращает ее из «холопской души» в душу свободного гражданина» [1]. Пока по праву не выгодно жить, его будут игнорировать, а среди населения процветать неверие в силу закона и массовый правовой нигилизм.

Не вдаваясь в тонкости различных классификаций правопонимания, остановимся на соотношении позитивного и естественного (нравственного) права, т. к. это имеет не только теоретический, но и практический смысл. Наше нормативистское (позитивистское) право, несмотря на принцип формального равенства («пусть правят законы, а не люди»), превратилось на практике в право сильного, за счет слабого, во «фривольное адвокатское искусство». По-

прежнему государственно-политический интерес, принцип целесообразности, «экономическое» право являются доминирующими перед официальным законом.

Не отвергая регулятивную, охранительную сущность права, создания «замирившей среды» (М.М. Ковалевский), нужно четко представлять, что право в своем историческом развитии закрепляло имущественное и социальное неравенство людей. Право соответствовало только части общества, господствующему классу, группе, элите.

Право существует там, где общество социально неоднородно и чем больше оно социально расколото, тем большую роль призвано играть право и государственное принуждение. В условиях массового обнищания населения и крайней поляризации общества, формальное равенство все больше нивелируется фактическим неравенством.

Если на практике право и закон понимаются как величины однопорядковые, то в теории они трактуются по-разному.

Естественно-правовой, либертарный подход исходит из того, что право предшествует государству и закону. По мнению В.С. Нерсисянца, право – это форма свободы, «математика» свободы. Нормативистский же подход считает, что закон и есть право.

В соответствии с естественно-правовой концепцией возникает проблема правового и неправового закона. Хотя с точки зрения позитивного права, любой закон является правовым, исходя из неотъемлемой связи права и государства. Поэтому теряет смысл понятие «правовое государство». Любое государство является правовым, ибо оно всегда связано с правом, которое носит исторически обусловленный характер.

На сегодняшний день отсутствуют четкие критерии правового закона. Среди таких критериев выделяют соответствие закона:

- интересам и потребностям большинства населения;
- общественному и правовому прогрессу;
- общей воле (народному суверенитету);
- правовому идеалу;
- справедливости, гуманизму, добру, общечеловеческой морали;
- естественным правам и свободам граждан и т.д.

В теории эти критерии неопределенны, а на практике – недостижимы.

Проблема закона, по-прежнему, остается не до конца решенной в философской, политологической и юридической литературе. Она связана с ролью личности и народных масс в истории. Если в «больших линиях» (века, эпохи) история – это закономерность как среднеарифметический результат сложения отдельных, групповых, классовых волей, то в малых (десятилетия, события) – она может выступить и в форме произвола, субъективизма, волюнтаризма, так называемого неправового закона. По мнению С.А. Муромцева, именно интересы и подробности должны лежать в основе права и быть приоритетными, в противном случае, мы получим не действующие, а «мертвые» нормы. Закон в философском смысле выражает необходимые, устойчивые, повторяющиеся объективные связи. Закон в юридическом выражении – это нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений.

Определить, оформить и выразить народную волю в виде закона – чрезвычайно сложная задача. Мечта Ж.-Ж. Руссо о воплощении в законе народной воли остается идеалом и правовым принципом. Ни представительные органы, ни референдум не в состоянии это сделать в полном объеме. Чтобы быть общей, она должна быть единогласной и обеспечивать участие каждого гражданина в народном суверенитете, что пока нереально. Тем более, что

можно говорить о непосредственных, опосредованных интересах, ближайших и перспективных. Возникает вопрос: может ли законодатель правильно понять и сформулировать их за народ? Однозначного ответа на него нет. Однако кроме закона, действуют еще декреты, указы, подзаконные акты, которые являются основными нормативными регуляторами в Республике Беларусь. Так, в соответствии со статьей 10 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом.

Интересной представляется мысль П.И. Новгородцева о том, что в плане отрицания, разрушения, народ может быть единоклубен, но в плане будущего созидания, средств, методов, его воля теряет четкие очертания.

Учитывая зомбирование населения через средства массовой информации (СМИ), «черный пиар», административный ресурс власти, политическое безразличие населения, следует признать, что представительные органы как по процедуре избрания, так и способу волеизъявления не способны пока выражать общенародную волю, в лучшем случае – это воля большинства голосующих, на практике – воля властвующей элиты, прикрывающаяся общенародным и государственным интересом. Не следует забывать предостережение Платона о том, что тирания вырастает именно из демократии, из народного представительства.

Правовой прогресс связан с ростом субъективного, частного права, личной свободы и индивидуальной ответственности граждан, государственных гарантий реализации субъективных прав. Все в большей степени право рассматривается как «консенсус» общественных и индивидуальных интересов.

Серьезной проблемой правового закона является соответствие его справедливости и понимание закона как нормы справедливости и общего блага. Фемида с весами правосудия и повязкой на глазах выражает справедливость права, непредвзятость, воздаяние равным за равное, презумпцию невиновности и равенство всех перед законом.

Понять справедливость как и истину – сложно: Речь может идти о моральной, религиозной, национальной, распределительной, юридической и т.д. справедливости. Согласно Платону, справедливость – это основной принцип идеального государства. Именно она отводит каждому гражданину свое особое положение, сплачивая разнородные части государства в одно. Справедливость – это «делание своего», свое особое дело, т.к. «многоделание» губительно для государства.

Для Аристотеля – общее благо – это и есть справедливость, чему должна служить политика. Частная форма справедливости по Аристотелю делится на распределительную, где решающее значение имеет достоинство лиц (их заслуги, моральные доблести), в соответствии с чем осуществляется пропорциональное распределение, и уравнивающую справедливость, основанную на принципе эквивалентности, посредством меры оценки.

По вопросу справедливости, как считает А.Ф. Черданцев: «Исторически сложились следующие принципы: каждому одно и то же (или каждому поровну); каждому по труду; каждому по заслугам; каждому по его достоинству (или по рангу); каждому в соответствии с оценкой его социально полезных услуг в связи с их редкостью, недостаточностью, исключительностью; каждому в соответствии с его усилиями и жертвами; каждому в соответствии с требованиями общего блага; каждому то, что положено по закону. Евангельское изречение – богу – богово, кесарю – кесарево – тоже формула справедливости» [2].

Нас интересует, прежде всего, юридическая справедливость, совпадающая с легитимностью как в содержательном, так и формальном плане. Она

основана, прежде всего, на конституционности, законности, непредвзятости, на господстве принципа формального равенства, как равного масштаба к неравным людям. Справедливость выступает как всеобщая правомерность, реализующая равенство и свободу в норме права, выступающая равной мерой, эталоном для всех субъектов права, независимо от их материального, политического и социального положения, где свобода служит средством самостоятельного, независимого волеизъявления.

Несовершенство позитивного права позволяет оценивать его в соответствии с естественно-правовой концепцией, которая выступает в качестве идеологического, этико-религиозного идеала, играет роль методологической, мировоззренческой, философской основы.

В качестве источника естественного права рассматривались то универсальные законы природы (Дао – Древний Китай, Логос – Древняя Греция), то божественный разум – средние века, то природа человека – эпоха Возрождения, Новое время.

Естественное право направлено на ограничение государственного произвола, формирование гражданского общества и свободное развитие неотъемлемых прав человека (на жизнь, здоровье, свободу, частную собственность, неприкосновенность личности и т.д.).

По мнению Вл. Соловьева: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [3].

Отсюда право выступает как минимум добра, форма, условие существования нравственного закона, при котором он может реализоваться. Поэтому, право рассматривается как принудительное равновесие личной свободы и общего блага, а государство как воплощенное право.

Говоря о позитивном праве, как внешнем, приобретенном, «узком» праве, И. Кант подчеркивал, что это совокупность государственных норм, опирающихся на государственное принуждение. Естественное же право – это природное, внутреннее право, основанное на свободе, равенстве, априорном принципе категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в тоже время иметь силу принципа всеобщего законодательства».

Для того, чтобы приблизить позитивное право к естественному, нужно подвести под него прочный материальный, социальный, политический, демократический, культурный фундамент и наполнить его мировоззренческим гуманистическим содержанием. При этом возрастает роль философии права.

Если позитивистский подход предлагает изучать право таким, какое оно есть в виде закона (сущее), то естественно-правовая концепция исходит из правового идеала (должного).

В настоящее время можно говорить о тенденции сближения, конвергенции естественного и позитивного права. Нормативным оформлением естественных прав человека являются общепризнанные нормы международного права и Конституция (основной) закон. В преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) подчеркивается ее принадлежность к мировому сообществу и приверженность общечеловеческим ценностям.

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах – записано во «Всеобщей Декларации прав человека». Согласно Конституции, Республика Беларусь – это унитарное, социальное, демократическое, правовое государство. Речь идет о верховенстве права, правовых принципах (законности, справедливости, демократизме, гуманизме, равноправии граждан) и приоритете естественных прав человека.

Спиралевидное развитие права от мононорматики, правового идеала через огосударствление к его этикотизации, эстетизации вновь ведет к интегративной, синтезированной философской концепции права. Эта концепция не заменяет правовые критерии нравственными, религиозными, эстетическими, а свидетельствует о возрастающем духовном значении права как важнейшем социальном регуляторе. Причем, акцент с правового государства должен быть перенесен на правовое гражданское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хропанюк Н.В.* Теория государства и права. Хрестоматия. М., 1998. С. 423.
2. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. Учебник для вузов. М., 1999. С. 335.
3. *Соловьев Вл.* Соч. в 2-х томах. Изд. 2-е. Т.1. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1990. С. 454.

S U M M A R Y

The article provides the analysis of different approaches to the notion of law, the correlation between law and the external form of its manifestation, the criteria of juridical law, the essence of juridical justice.

The author reveals the correlation between positive and natural law, their drawing together and the necessity of developing an integrate concept of law.

Поступила в редакцию 9.03.2001

УДК 341./ . 8

В.А. Барышев

Проблема применения иностранного права в правовой системе Республики Беларусь

Процесс экономического и социально-политического развития современного мира свидетельствует о все большем взаимодействии государств, быстром количественном и качественном увеличении экономических и обычных человеческих контактов. В связи с этим наша правовая система должна включиться во взаимодействие с международным правом и правом других государств, что должно проявляться в применении норм международного и иностранного права в национальном праве. Проблема применения норм международного права обсуждается достаточно активно [1, 2]. Вопрос же о применении норм иностранного права остается несколько в тени.

Нормы иностранного права не могут быть отнесены к нормам международного права, поскольку нормы международного права по своему происхождению имеют, в основном, договорной характер и представляют собой согласованную волю государств, участвующих в международных договорах. В этом плане нормы иностранного права отличаются тем, что они устанавливаются

каждым государством совершенно независимым путем, и отличаются большим разнообразием и несовпадением. Уже в Гражданском кодексе Республики Беларусь 1964 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 3 марта 1994 г.) из одиннадцати статей VIII раздела, регулировавших вопросы применения международного частного права, 9 содержали возможность обращения к иностранному праву и разрешения на его основе правоотношений. В то же время вопрос, каким образом суд или другой орган может применить иностранное право, оставался открытым.

В новом Гражданском кодексе Республики Беларусь появился раздел VII «Международное частное право», состоящий из 42 статей, из которых 38 предполагают возможность применения иностранного права. Раздел состоит из двух глав, первая из которых содержит статьи об общих положениях, где помещена ст. 1095, определяющая содержание норм иностранного права. Пункт первой статьи указывает, что при применении иностранного права суд или иной государственный орган устанавливает содержание его норм в соответствии с их толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. В пункте втором содержатся положения по установлению норм иностранного права, основными из которых могут быть обращения за содействием и разъяснением к Министерству юстиции, другим компетентным органам или привлечение экспертов. Согласно третьему пункту статьи «лица, участвующие в деле, вправе представлять документы, подтверждающие содержание норм иностранного права, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений, и иным образом содействовать суду в установлении содержания этих норм». Таким образом, механизм использования иностранных правовых норм в статье прописан достаточно четко и конкретно. Однако, четвертый пункт этой статьи предполагает применение права Республики Беларусь, «если содержание норм иностранного права, несмотря на предпринятые в соответствии с настоящей статьей меры в разумные сроки, не установлено», что представляется не совсем логичным, поскольку дают возможность суду вместо использования иностранного права обращаться к привычному национальному праву. Это положение весьма сомнительно, поскольку нормы иностранного права объективно существуют, и логичнее выглядел бы в такой ситуации отказ суда в вынесении решения на основании невозможности установления норм иностранного права с дачей рекомендации обращения в судебные инстанции государства, право которого должно быть применено. Такой подход выглядит более правильным и с той позиции, что заинтересованная сторона не согласится с решением, вынесенным по праву страны, нарушающим ее интересы.

Вопрос о взаимности применения иностранного права в новом Гражданском кодексе разрешен достаточно либерально, поскольку представляет возможность суду применять иностранное право независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к аналогичным отношениям право Республики Беларусь, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законодательством Республики Беларусь [3]. Оговорка о публичном порядке запрещает применение иностранного права в случаях, когда его применение противоречило бы основам правопорядка Республики Беларусь, а также в иных случаях, прямо предусмотренных законодательными актами [3, ст. 1099].

Гражданский кодекс позволяет сторонам при заключении договора проявить автономию воли и выбрать право, которое подлежит применению к их правоотношениям по этому договору [3, ст. 1124]. Эта норма предполагает, что определенная часть внешнеэкономических договоров, заключаемых белорусскими юридическими и физическими лицами, будет регулироваться

иностранным правом. В случае, если стороны не укажут по каким-либо причинам применимое право, то оно будет установлено согласно ст. 1125, где правом страны применимом к договору указано личное право продавца, дарителя, арендодателя, ссудодателя, подрядчика, перевозчика и т.д., что опять же предполагает возможность применения иностранного права.

Таким образом, ныне действующий Гражданский кодекс предоставляет широкие возможности применения иностранного права в национальной правовой системе. Необходимо отметить, что вопрос применения иностранного права возник сравнительно недавно. Еще в начале 90-х годов основной спор специалистов в области международного частного права шел вокруг его природы: является ли оно частью международного или национального права [4]. Известный российский юрист М.М. Богуславский, рассматривая проблему экстерриториального применения национального права, отмечает, что «в определенных строго ограниченных случаях с согласия одного государства на его территории могут осуществляться действия органов другого государства, применяться иностранные правовые нормы» [5]. В то же время он разделяет опасения, высказываемые другими юристами, на тот счет, что «отечественное государство может перестать быть хозяином в собственном доме, в то время как иностранное государство прямым или косвенным образом будет направлять внутреннюю хозяйственную политику. В этих случаях возникает вопрос о нарушении принципа государственного суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела других государств» [5]. Очевидно, исходя из таких посылок, нормы иностранного права не включаются большинством юристов в круг источников международного частного права.

Подобный подход представляется рецидивом старых взглядов и представлений советских времен. Одной из основных задач международного частного права – регулирование деловых связей организаций и фирм различных стран. Не меньшее значение имеет регулирование имущественных и личных прав иностранных граждан в области трудовых, семейных отношений и ряде других областей. Оставаясь на старых позициях в правовых вопросах, невозможно решать задачи построения открытого общества интегрированного в мировую экономику.

Констатируя возможность применения иностранного права в нашей правовой системе, необходимо констатировать и факт полного отсутствия применения норм иностранного права в практике судов Республики Беларусь, за исключением выполнения отдельных поручений и решений иностранных судов. Объясняется это тем, что Гражданский кодекс Республики Беларусь как свод материально-правовых норм значительно опередил в развитии отдельные правовые нормы, содержащиеся в Конституции и некоторых других правовых актах.

Конституция Республики Беларусь устанавливает: «Суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов» [6]. В Конституции нигде не содержатся положения о возможности применения норм иностранного права. Закон «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» 1995 г. так же не содержит таких положений. Это становится правовой преградой к применению иностранного права на практике. Другой причиной, носящей субъективный характер, является неподготовленность судей к применению иностранного права по причине его незнания.

Необходимо отметить, что проблема применения норм иностранного права существует наряду с проблемой применения норм международного права, где складывается точно такая же ситуация: во всех кодексах и многих законах

говорится о применении международных норм и в то же время отсутствует юридическая практика их применения.

Таким образом, проблема применения норм иностранного права в нашем законодательстве существует и требует своего разрешения. Для того, чтобы применение иностранного права стало реальностью, должны быть выполнены, по крайней мере, два условия.

Во-первых, должны быть ликвидированы противоречия в законодательных актах, регламентирующих работу судов.

Во-вторых, должна быть проведена специальная подготовительная работа по применению иностранного права. Эту работу необходимо начинать с подготовки студентов-юристов, и она должна включать изучение иностранного права. При этом речи не идет об изучении большого количества правовых систем. В первую очередь необходимо изучение гражданских правовых систем соседних государств: России, Украины, Польши, Латвии, Литвы, обращения к праву которых наиболее вероятно в судебной практике. В реальности это изучение могло бы происходить в курсе сравнительного правоведения. Такой курс был бы полезен и сам по себе, поскольку расширил бы правовой кругозор будущих юристов. И, конечно же, решение проблемы применения норм иностранного права не может произойти раньше, нежели применение норм международного права, что сегодня рассматривается юридической наукой как первоочередная задача. Это объяснимо с точки зрения элементарной логики: международное право – это правовая арифметика, иностранное право – это уже правовая алгебра. Не освоив арифметики, за алгебру браться не стоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Павлова Л.В.** Международное право в правовой системе государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений, 1999. № 3. С. 3-9.
2. **Салвеев И.В.** Соотношение международных договоров и внутреннего законодательства Республики Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений, 2000. № 3. С. 3-7.
3. **Гражданский кодекс Республики Беларусь.** Ст. 1098 // Ведомости национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7-9. – 540 с.
4. **Международное частное право** / Под ред. **Г.К. Дмитриевой.** М., 1993. С. 31-32.
5. **Богуславский М.М.** Международное частное право. М., 1999. С. 18.
6. **Конституция Республики.** Часть 1, статья 112 // Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями). Основной закон Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875 – XII // Звезда. 1996, 27 ноября.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of using norms of international law in the sphere of civil law.

Then are 2 conditions to be followed in using international law, according to the author's meaning:

- *first, the imbalance in law, which can be followed by courts, must be destroyed;*
- *second, there must be lawyers qualified for the international law.*

Поступила в редакцию 15.03.2001

А.Г. Егорова

Иностранный элемент в национальном праве

В юридической науке иностранный элемент не имеет своего доктринального, а уж тем более соответствующего нормативного определения. Чаще всего данный элемент существует в виде трихотомного образования, представляющего собой в каждом конкретном случае либо субъект отношения – иностранный гражданин, иностранное юридическое лицо, иностранное государство, либо объект отношения – имущество, которое находится за границей, либо юридический факт, имевший место за границей, либо наличие всех трех указанных элементов одновременно [1-3]. Данный подход былработан наукой международного частного права, которая чаще и эффективнее всего взаимодействует с иностранными явлениями и другими образованиями социального характера. К сожалению, теоретико-правовая наука не занималась исследованием этого понятия, за исключением, может быть, изучения микрообъектов – иностранных правовых институтов, отраслей права и т.д. [4-5].

В то же время целый ряд юридических наук, в том числе и отраслевых, активно использует такое явление как «иностраный элемент». Например, международное право в вопросах экстрадиции пользуется терминами «иностранное лицо», «иностраный гражданин». Такие относительно новые для нашей правовой системы науки, как гражданское и торговое право зарубежных стран, сравнительное конституционное право и другие, вообще не могут обходиться без использования этого термина. Следовательно, созрела необходимость разработать такое понятие иностранного элемента, которое бы в принципе могло быть использовано как общетеоретическая конструкция всеми отраслевыми юридическими науками, и в особенности сравнительно-правовыми.

В международно-правовой науке термин «иностраный элемент» употребляется в значении социального явления, сложившегося в другом государстве. Более того, наука международного публичного права в аналогичном смысле употребляет термин «иностранное государство», рассматривая, таким образом, другие суверенные образования в качестве инородных ему самому явлений международного характера.

Наука международного частного права большее внимание уделяет понятиям «иностраный объект» и «иностраный юридический факт», подчеркивая значимость правового регулирования имущественных отношений, осложненных данными иностранными элементами. Государство, в том числе и иностранное, рассматривается не в качестве суверена, а как равноправный участник имущественных и личных неимущественных отношений.

На наш взгляд, слабой стороной обозначенных позиций международно-правовой науки является ее отношение к иностранному элементу как к некоей данности иностранного происхождения, и потому являющейся инородной по отношению к собственной национально-правовой среде уже в силу самого факта такого происхождения. Причина данной позиции видится в недооценке роли правоотношения как юридической модели общественного отношения, сложившейся за рубежом и возможно могущей стать основанием для порождения

дения другого правоотношения уже в иной национально-правовой сфере. Такая взаимосвязь порождает целую цепь отношений правового характера между различными правовыми системами, представляющую собой систему международного взаимодействия национальных правовых систем на макроуровне.

В плане оценки иностранного элемента как определенной стороны правоотношения заслуживает внимания позиция профессора Г.К. Дмитриевой, которая ставит деление иностранных элементов на три группы в зависимости от того, «к какому структурному элементу правоотношения они относятся» [6]. Такая позиция дает основание говорить о том, что иностранный элемент не просто социальное явление или образование, возникшие в другом государстве, а сторона или стороны правоотношения, сложившегося в иностранном государстве.

В зависимости от того, на основании какого типа нормы в национальной правовой среде возникло соответствующее правоотношение, можно выделить и соответствующий тип иностранного элемента, являющегося таковым для другой правовой сферы национального характера.

Иностранный элемент романо-германского происхождения относится к открытому типу, поскольку возникшее в континентальной кодифицированной среде правоотношение может восприниматься другими правовыми системами в целом. Например, признавая иностранное предприятие субъектом немецкого права, мы не просто констатируем факт его функционирования на территории Германии, но и определяем объем его имущественных прав, оценивая, таким образом, объект иностранного происхождения, а также выясняем факт государственной регистрации предприятия на территории Германии, что является оценкой юридического факта иностранного происхождения. Таким образом, взаимодействуя с иностранным субъектом, национальное право контактирует с иностранным правоотношением на всех уровнях. Это становится возможным благодаря абстрактному характеру романской нормы, рассчитанной на неограниченное число случаев типичного характера. Абстрактность континентальной нормы позволяет возникнуть вполне определенному правоотношению, сторонами которого всегда являются конкретные субъекты: должник – кредитор; обвиняемый – потерпевший; истец – ответчик и т.д.

Иная ситуация существует в англо-американской правовой сфере, где казуальность прецедентной нормы порождает неопределенность правоотношения именно в нормативном плане. Это означает, что характер прецедентной нормы, создаваемой по судейскому усмотрению, даже более конкретно, чем в романо-германском праве, определяет управомоченных и обязанных субъектов: «Х должен уплатить Y сумму денег в эквиваленте Z». С другой стороны, последующий судья, выносящий решение по аналогичному делу, может и не воспользоваться предшествующим прецедентом, а создать свой, руководствуясь собственным разумом как источником права. Поэтому в нормативном плане ситуация остается неопределенной до самого момента вынесения окончательного решения. Такая ситуация напрямую влияет и на характер иностранного элемента, оцениваемого в качестве такового другими правовыми системами. Тип этого иностранного элемента можно назвать «определенным», что, в принципе, и мешает другим субъектам правоприменения сделать вывод о том, возникло ли в иностранной среде правоотношение в целом, поскольку таковое может быть выведено путем анализа целого ряда судебных или административных прецедентов, и то не всегда. В результате, иностранный элемент англо-американского происхождения в национальных правовых системах оценивается как один из элементов возникшего в иной среде правоотношения в зависимости от конкретных потребностей национального пра-

воприменителя. Законодательные источники хотя и подкорректировали данную ситуацию в плане большей нормативной определенности возникшего правоотношения, но только в рамках собственной правовой среды, поскольку англо-американское законодательство в его романском восприятии становится работающим источником права опять же после того, как по нему состоятся соответствующие судебные решения.

Упрощенным восприятием характеризуется иностранный элемент религиозно-общинного типа, который можно назвать закрытым для восприятия другими цивилизованными правовыми системами. Формируясь в рамках традиционного права, религиозно-общинное правоотношение носит детерминированный религиозно-социальными догмами характер. В результате само такое правоотношение в иных системах может восприниматься как факт наличия или отсутствия определенного явления или состояния. Иностранный правоприменитель, например, может констатировать факт полигамии как основание для возникновения алиментных правоотношений в национальной сфере; оценивать «ди» (уважение к старшим) как обстоятельство, смягчающее вину преступника, превысившего пределы необходимой обороны при защите старейшины и т.д. Сказанное относится к реалиям традиционного права, функционирующего в рамках конкретных правовых систем наряду, как правило, с другими типами права – европеизированного (Япония, Китай), заимствованного из англосаксонской среды (Австралия, часть Северной Африки). В последних случаях оценка иностранного элемента будет осуществляться исходя из соответствующих характеристик романо-германских или англосаксонских традиций, на которые мы указали выше.

Таким образом, для национального права иностранным элементом религиозно-общинного происхождения будет являться лишь факт юридического характера относительно события или действия, существующих в традиционном-правовой сфере. Конкретный же элемент традиционного правоотношения для других национальных систем необходимо определять как инородный элемент, что вполне соответствует традициям взаимодействия территориальных и персональных правовых систем.

Характеризуя иностранный элемент на основе трихотомии указанных семей, необходимо учитывать и тот факт, что национальный правоприменитель, даже имея такую возможность, не всегда задействует все составные элементы правоотношения, возникшего за рубежом. Он, прежде всего, исходит из потребностей практической ситуации, сложившейся в его национальной правовой среде. Анализ такого подхода позволяет сделать вывод о том, что иностранный элемент не представляет собой некий доктринально-нормативный монолит, неделимый ни в идеальном, ни в реальном (с точки зрения юридической практики) виде.

Представляется, что в основе правильной оценки иностранного элемента должны лежать две его составные – объем и основание. Под объемом предполагается понимать правоотношение в целом, вне зависимости от юридического интереса национального правоприменителя. Объем может быть родовым и предполагаемым. Родовой объем подразумевает реальную нормативную видимость элементов правоотношений. Он, как правило, присутствует в обоюдной оценке представителей родственных правовых систем, например, немецкой и французской, итальянской и греческой, шведской и латвийской и т.д.

Предполагаемый объем иностранного элемента можно констатировать при взаимодействии иностранного элемента и национального права, представленных разнородными правовыми системами – английской и немецкой, японской и канадской и т.д. Оценка объема в такой ситуации проводится по

факту наличия требуемого для анализа элемента правоотношения и очень часто на основе правоприменительного фактора, имеющего место за рубежом. Например, констатацию наличия определенного правоотношения в англо-американской правовой среде мы осуществляем, основываясь, как правило, на судебном решении, поскольку прецедентная система не дает возможности качественной оценки представителями других правовых систем всех правовых компонентов, составляющих правоотношение. В таких случаях объем иностранного элемента часто может совпадать с его основанием, под которым предполагается понимать тот элемент иностранного правоотношения, который имеет юридическое значение для национальной правовой сферы (как правило, для правоприменения).

Установление основания через объем является идеальным вариантом правильной оценки взаимодействия национального права с иностранным элементом, поскольку от этого зависит не только качество научной оценки иностранных компонентов, в том числе и правовых, но и эффективность форм взаимодействия национального права и иностранного элемента.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лунц Л.А.** Курс международного частного права: В 3 т. М., 1970. Т. 1. Общая часть. С. 19.
2. **Ануфриева Л.П.** Международное частное право: В 3 т. М., 2000. Т. 1. Общая часть. С. 60.
3. **Pazdan M.** Prawo prywatne międzynarodowe. Warszawa: Wydawnictwa Prawnicze PWN, 2000. S. 69.
4. **Тихомиров Ю.А.** Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 182-230.
5. **Основные институты гражданского права зарубежных стран** / Под ред. **В.В. Залесского.** М., 1999. С. 180.
6. **Международное частное право.** Учебник / Под ред. **Г.К. Дмитриевой.** М., 2000. С. 12-13.

S U M M A R Y

The types of the foreign element regulation in terms of law in Roman-German, English-American and religion-communal law family are defined. The structure of the foreign element relating to the law-capacity (generic and proposed) and foundation is defined. The components of the foreign element are analyzed.

Поступила в редакцию 16.03.2001

В.И.Турковский, Е.В.Терещенко

Научно-педагогические основы разработки модели экологического воспитания учащихся гуманитарной гимназии

В настоящее время кардинально возросла значимость проблем экологии человека и окружающей среды. Поэтому существенно усиливается роль экологического воспитания подрастающих поколений, что обусловлено рядом его следующих функций. Так, при условии системной организации экологического воспитания обеспечивается действенная взаимосвязь человека и природы, социальных и личностных условий, целей и результатов жизнедеятельности. Оно позволяет учащемуся осознать свою самооценку и значимость коллективов гимназии и класса, семьи, всего социума. Все это оказывает существенное влияние на становление целостной личности учащихся.

Незаменимое условие эффективной реализации целей и задач экологического воспитания – выбор определяющего метода изучения и преобразования данного направления воспитательной работы. Таким доминирующим методом (при обязательном использовании в комплексе с другими методами) выступает моделирование.

Применение этого метода создает необходимые предпосылки для определения наиболее существенных взаимосвязей между компонентами экологической сферы и ее взаимодействий с другими сферами жизнедеятельности личности, коллектива и социума. Моделирование реализует единство содержательной и процессуальной сторон экологической деятельности и в то же время выражает определенную логическую завершенность границ изучения и преобразования экологической сферы воспитания [1].

Логически первой стадией разработки модели выступает определение методологических подходов, обеспечивающих эффективность как процессов ее разработки, так и дальнейшего применения.

Выявление эффективных путей и средств экологического воспитания личности возможно при условии оптимального использования итогов исследований по естественным и социально-гуманитарным наукам. Для этого необходимо, чтобы исходные методологические подходы базировались на содержании трех уровней методологического знания: философском, общенаучном и конкретно-научном [2].

Содержание философского уровня раскрывается в исследованиях по социальной философии (С.П. Баньковская, Л.И. Василенко, И.П. Герасимов, Д.Ж. Маркович, Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул). Их изучение показывает, что существует большое разнообразие концепций, отражающих взаимоотношение человека и природы. С позиции структурного анализа можно выделить три

основные группы экологических концепций: натурцентристские, социоцентристские и экоцентристские.

Приоритетную роль приобрели экоцентристские концепции. Их содержательная сущность выражена в признании равноправия человека и природы, ставится задача оптимизации этих отношений. Доминирование этих концепций свидетельствует о становлении новой экологической парадигмы, предшествующая же ей парадигма получила название парадигмы «человеческой исключительности». В качестве главной предпосылки новой экологической концепции выступает концепция ноосферы В.И. Вернадского. Ключевые положения этой концепции состоят в обосновании биосферной функции человека, в признании многообразия путей эволюции, осуществляемых на основе идеи соразвития или коэволюции человека и природы.

На основе концепции ноосферы, а также концепций конвергенции, постиндустриального и информационного общества, глобальных проблем разработан концепция устойчивого развития. Это стратегия экологически приемлемого социально-экономического, производственно-технического и культурного уровня развития цивилизации. При этом процессы природных и социальных систем должны быть согласованы так, чтобы оптимально служить общим целям социоэкосистемного развития.

Философские концепции невозможно непосредственно использовать для реализации их методологических функций (диагностических, регулятивных, нормативных, преобразовательных). В роли звена, обеспечивающего взаимодействие философского знания с конкретно-научным, педагогическим знанием, выступают общенаучные подходы и понятия.

Специфика экологических проблем и экологического воспитания обуславливает значимость системного и синергетического общенаучных подходов. При этом системный подход обеспечивает выявление оптимальных методов и средств познания и преобразования экосоциальной действительности и позволяет выявить системнообразующие (внешние и внутренние) факторы явлений и процессов. Синергетический же подход выступает основой для выявления источников и факторов становления и саморазвития социоприродной действительности.

Функции общенаучной методологии выполняют также следующие понятия: «экосоциальная ценность», «экологическая безопасность», «экологическая ответственность», «экологическая культура».

Разработка модели экологического воспитания осуществляется средствами конкретно-научного уровня методологии, средствами педагогики. Но философский и общенаучный уровни методологического знания включаются в содержание конкретно-научного уровня. Такое взаимодействие должно обеспечивать ориентирующую роль философского и общенаучного уровней и в то же время учитывать специфику научно-педагогического знания. В качестве структурных элементов этого знания, способного реализовать эвристическую роль конкретно-научной методологии, выступают идеи как исходные положения (связующий материал) теории [3].

Ведущими мировоззренческими идеями (в контексте экологического воспитания) являются: идея коэволюции как оптимизация взаимодействия развивающегося общества и изменяемой им природы; идея гуманизма как признание приоритета (в определенных аспектах) природных факторов человеческого бытия перед социальными, при этом природа рассматривается как универсальная ценность, как среда жизни, объект познания, удовлетворения этических, эстетических потребностей; идея ответственности человека за выполнение биосферной функции.

Структурным компонентом теории, конкретизирующим идеи как ее исходные положения, выступают принципы. Они являются ценностными основаниями воспитания и реализуют нормативную функцию педагогики, определяют стратегию, цели, содержание и методы воспитания [4]. При этом методологическую роль (в ходе разработки и использования рассматриваемой модели) выполняют как общепедагогические принципы, так и принципы, определяющие собственно экологическое воспитание. К общепедагогическим принципам, обуславливающим экологическое воспитание, относятся: принцип комплементарности экологического воспитания к другим направлениям воспитания (умственному, нравственному, эстетическому, трудовому, физическому); принцип междисциплинарности (обуславливает необходимость раскрыть связи, зависимости окружающего мира через многоаспектный характер современных экологических проблем и реализовать междисциплинарный подход); принцип личностного подхода (предполагает организацию процесса экологического воспитания на основе интересов, потребностей самих воспитанников); принцип деятельностного подхода (реализуется посредством проведения различных видов деятельности в окружающей среде, так и в организационных рамках урока, во внеклассной и внешкольной работе).

В процессе экологического воспитания реализуются и собственно экологические принципы: принцип целостности направлен на понимание единства окружающего мира, неразрывной связи составляющих его элементов, взаимообусловленности протекающих процессов и явлений, целевой, направленности протекающих процессов и явлений, при этом окружающая среда понимается как целостная, взаимосвязанная, эволюционно сбалансированная система; принцип гармонизации отношений в системе «природа-общество-человек» на различных уровнях – локальном, региональном, глобальном – характеризует соразмерность, согласованность, пропорциональность, равномерность в развитии всех компонентов данной системы, ибо гармония человека, целостность его внутреннего мира (физического, психического, морального, эмоционального состояния) зависит от гармоничности окружающей природной и социальной среды.

Вышеперечисленные идеи и принципы выступают методологическими установками для изучения систем с устойчивой структурой или же систем, находящихся в стадии становления, но исследованные в какой-то ограниченный период времени. Именно целостность и противоречивость изучаемых в экологии сложных систем обуславливает постановку вопроса о движении, внутренней динамике и развитии самих систем. Но подобная противоречивость не относится к предмету конкретно-научных исследований [5].

В философии же под развитием понимается тот путь, который проходит каждая конкретная система с момента её возникновения до преобразования или разрушения. Внутренняя динамика систем проявляется в прохождении ими четырёх этапов развития: возникновения, становления, зрелости, преобразования [6].

При этом сущностными признаками возникновения – как самостоятельного этапа развития систем — выступают: образование устойчивой взаимосвязи между её элементами и реализация двух этапов возникновения (постепенности и скачка).

Этап становления отличается превращением системы в целое, для которого характерно противоречивое единство процессов дифференциации и интеграции. Становлению системы способствуют такие причины как количественный рост и развитие координационно-субординационных связей между элементами, а также обладание ею природным и системным качествами.

Система, вступившая в этап зрелости, характеризуется структурно-организационной тождественностью частей и целого и наличием в её составе доминирующих противоположных систем. Она становится элементом другой высшей системы и наиболее перспективными в развитии оказываются те ее элементы, функции которых соответствуют потребностям высшей системы.

Процесс преобразования системы есть одновременно процесс возникновения новой системы. Выделяют внешние (изменения внешней среды, проникновение в систему чуждых элементов) и внутренние (непрерывный рост количественных элементов, ошибки в воспроизведении себе подобных, прекращение роста и воспроизведения составляющих систему элементов) причины преобразования. Преобразование может означать и реорганизацию системы и превращение её в элемент другой высшей системы или прекращение её существования [6].

Выявленные характеристики развития систем выступают методологическими ориентирами (на философском уровне методологии), способствующими определению особенностей развития системы экологического воспитания. Моделирование развития этой системы (на конкретно научном уровне) означает выявление структурных компонентов процесса экологического воспитания, реализуемого как аспект воспитательной системы гимназии и класса. В качестве этих структурных компонентов выступают: 1) субъект моделирования; 2) объект моделирования; 3) процесс деятельности по формированию модельных представлений о процессе экологического воспитания в гимназии и классе; 4) модель и результаты, достигнутые при её использовании в процессе экологического воспитания и организации жизнедеятельности гимназии и класса [7].

Главный результат деятельности вышеуказанных субъектов – модель экологического воспитания класса, выступающего главным звеном системы экологического воспитания учащихся гимназии. Модель может быть представлена в разных формах. Для установления наиболее оптимальной формы следует исходить из сложности системы экологического воспитания. Важным итогом изучения сложных систем (методом укрупнения) выступает концептуальная модель [5, с. 89]. Концептуальная модель экологического воспитания включает следующие компоненты: краткая психолого-педагогическая характеристика класса; цель и задачи воспитательной системы класса; перспективы и принципы жизнедеятельности классного сообщества; механизм функционирования и построения воспитательной системы класса (системообразующий вид деятельности, годовой круг традиционных дел в классе, самоуправление в классном коллективе, основные внутренние и внешние связи и отношения членов классного сообщества, этапы становления и развития воспитательной системы); критерии и способы изучения эффективности воспитательной системы класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И.* Введение в философию образования. М., 2000. – 224 с.
2. *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов-на-Дону., 1999. – 576 с.
3. *Коротяев Б.И.* Педагогика как совокупность педагогических теорий: Учеб. пособие для слушателей фак. по подгот. и повышению квалификации организаторов народного образования. М., 1986. – 208 с.
4. *Российская педагогическая энциклопедия:* В 2 тт. / Гл. ред. *В.В. Давыдов*. М., 1998. – 672 с., ил. Т.2. М-Я-1999.
5. *Диалектика познания сложных систем* / Под ред. *В.С. Тюхтина*. М., 1998. – 316 с.

6. **Аверьянов А.Н.** Системное познание мира: Методол.проблемы. М., 1985. – 263 с.
7. **Классному руководителю о воспитательной системе класса:** Методическое пособие / Под ред. **Е.Н. Степанова.** М., 2000. – 160 с.

S U M M A R Y

In the article the author present the model of the ecological education. This model has to do with general education in humanity gymnasias. Some aims, principles, conditions, forms and contents, methods of organization, criterions and indices the efficiency of the ecological education are produced in the article.

Поступила в редакцию 10.01.2001

УДК 371.3

Н.И. Бумаженко

Классификация дидактических игр: теоретический аспект

Дидактических игр и особенно различных их модификаций в педагогической литературе описано много. Но выбрать адекватные целям и реальным обстоятельствам учебно-воспитательного процесса позволяет их упорядочение, выраженное в классификации. Классификация дидактических игр – это выстроенная по определенному признаку система игр, которая помогает обнаружить общее и специфическое, существенное и случайное, теоретическое и практическое в них и тем самым способствует их осознанному выбору педагогом и наиболее эффективному применению. При опоре на классификацию, он не только ясно представляет себе систему дидактических игр, но и понимает назначение, видит характерные признаки различных игр и их модификаций.

В современной педагогике известны десятки классификаций дидактических игр, одни из которых больше пригодны для решения практических задач, а другие представляют теоретический интерес. В большинстве своем основания классификации их выражены нечетко. Этим объясняется тот факт, что в практически значимых классификациях за основу берется не одна, а несколько важных и общих сторон игры.

Анализ литературы показал, что дидактические игры рассматриваются как средства:

- активизации учебной деятельности (Иргалиева Д.И., Бабунова Т.М., Макарова Е.Р., Зеленина Е.А., Цицхвая Д.И.);
- интенсификации трудовой деятельности (Жаилканов Б.Б., Степанова Л.В.);
- воспитания (Мунирова Л.Р., Трапезников Л.А.) и др. [1].

Наше исследование этой проблемы показало, что дидактическую игру целесообразно рассматривать как процесс, находящийся в постоянном развитии: от простого к сложному, от индивидуального к коллективному. А поскольку целью дидактических игр является обучение и воспитание детей в увлекательной форме, то, безусловно, содержат в себе познавательное, поисковое, творческое начала и направлены на развитие познавательных интересов детей. В связи с этим, мы рассматриваем дидактическую игру как процесс, раз-

визуализирующий познавательные интересы детей при знакомстве и изучении предметов быта, науки и культуры и способствующий усвоению теоретических знаний и необходимых для их использования практических умений.

В «Педагогической энциклопедии» [1] дается следующий перечень дидактических игр: с игрушками; наборы ребусов, шарад, загадок; с картинками; загадки; настольные; игры-головоломки; занимательные задачи; шахматы, шашки, бумажные, игры-фокусы; игры-труд, связанные с конструированием.

Сорокина А.И. [2] делает акцент на дидактических играх как:

- игры-путешествия, которые призваны усилить впечатление, обратить внимание учащихся на окружающий мир;

- игры-поручения. В их основе лежат действия с предметами, игрушками, словесные поручения;

- игры-предположения, в которых перед учащимися ставится проблема и создается ситуация, требующая осмысления либо выполнения последующего действия;

- игры-загадки, направленные на проверку имеющихся знаний, находчивости;

- игры-беседы базирующиеся на общении, основным является непосредственность переживаний, доброжелательность. Такие игры способствуют активизации эмоциональных и мыслительных процессов.

Аванесова В.Н. [3, 4] классифицирует дидактические игры несколько по-иному:

- игры-поручения, направленные на действия учащихся с предметами;

- игры с прятаньем и поиском, ставящие учащихся в ситуации неожиданного появления и исчезновения;

- игры с загадыванием и отгадыванием, интригующими детей вопросами;

- сюжетно-ролевые дидактические игры, в которых налицо сюжет игры (выполнение роли людей различных профессий);

- игры-соревнования (на скорость выполнения задания);

- игры в фанты или запретный предмет.

Дьячкова О.А. [3] считает, что к дидактическим следует отнести и игры-головоломки, основная цель которых – выявление скрытого пути их решения. В таких играх решение умственной задачи становится преобладающим по сравнению с другими мотивами игры. Игры такого типа называются некоторыми авторами, в частности Никитиным Б.Л. [5], развивающими. Они позволяют формировать творческое и логическое мышление, умение рассуждать, наблюдать и анализировать.

Однако имеющиеся в литературе классификации не отображают всего многообразия дидактических игр и не характеризуют их как деятельность.

В основе разработанной нами классификации лежит положение о дидактической игре как деятельности, направленной на развитие познавательных интересов учащихся. Познавательный интерес – важнейшее образование личности, которое возникает и развивается в процессе жизнедеятельности человека, формируется в социальных условиях его существования и не является данным человеку от рождения. Он имеет сложную структуру, которую составляют как отдельные психические процессы: интеллектуальные, эмоциональные, регулятивные, мнемические, так и объективные и субъективные связи человека с миром, выраженные в отношениях (Щукина Г.И. [6]). Любую деятельность человек, одухотворенный познавательным интересом, совершает с большим пристрастием, желанием и более эффективно.

В связи с этим известные виды дидактических игр классифицируются нами на основе их воздействия на отдельные психические процессы как:

- интеллектуальные – порождающие состояние раздумья, размышления, рассуждения;

– эмоциональные – возбуждающие сенсорные процессы и эмоциональные состояния (переживание успеха, радости познания, гордости за свои достижения и достижения товарищей, удовлетворения учебной деятельностью);

– регулятивные – формирующие волевые устремления, установку на целенаправленность, принятие решений, настойчивость, решительность, внимание;

– творческие – активизирующие воображение, фантазию, предвосхищение, озарение, создание новых образцов, моделей и др.;

– социальные – способствующие развитию личности, осознанию места и значимости в обществе, отношения к окружающему миру.

Классификация игр отражена в таблице.

Таблица

Классификация дидактических игр

Интеллектуальные	Эмоциональные	Регулятивные	Творческие	Социальные
Игры-головоломки; словесные игры; игры-предположения; игры-загадки; ребусы, шарады; шашки, шахматы; логические игры	Игры с народной дидактической игрушкой; игры-развлечения; сюжетные игры обучающего содержания; словесно-подвижные; игры-беседы	Игры с прятанием и поиском; настольно-печатные; игры-поручения; игры-соревнования; игры по корректировке речи	Игры-фокусы; буриме; музыкально-хоровые; игры-труд; театрализованные; игры в фанты	Игры с предметами; сюжетно-ролевые обучающего содержания; игры-экскурсии; игры-путешествия

Следует подчеркнуть, что названные дидактические игры взаимосвязаны между собой и несут воспитательный потенциал. Главное заключается в том, чтобы игра органически сочеталась с серьезным, напряженным трудом и не отвлекала от учения, а активизировала умственную деятельность. Важно помнить и о том, что дидактическая игра – это игра только для ребенка, а для педагога – творческая деятельность, требующая определенных усилий для организации и проведения.

Использование дидактических игр для работы с учащимися младшего школьного возраста, в особенности в подготовительном классе, обусловлено тем, что:

– при поступлении ребенка в школу имеют место значительные трудности в адаптации (освоение им нового статуса – роли ученика, установление взаимоотношений со сверстниками и учителями и др.). Дидактические игры социального типа во многом сглаживают и активизируют этот процесс;

– игровая деятельность в младшем школьном возрасте еще не теряет своего значения, остается нужной и должна быть востребована, так как до прихода детей в школу являлась ведущей. Поэтому опора на эмоциональные и творческие дидактические игры – это важный и наиболее эффективный путь включения детей в учебную деятельность;

– возрастные особенности детей этого возраста проявляются в недостаточной устойчивости и произвольности внимания, развитии преимущественно непроизвольной памяти, преобладании наглядно-образного типа мышления. Интеллектуальные и регулятивные дидактические игры могут способствовать развитию у детей этих важных психических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Педагогическая энциклопедия* / Гл. ред. И.А. Колеров, Ф.Н. Петров. Москва, 1965. С.158.
2. *Сорокина А.И.* Дидактические игры в детском саду. М., 1982. – 96 с.
3. *Бумаженко Н.И.* Дидактические игры как основа формирования учебной деятельности детей шестилетнего возраста: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. Витебск, 1998. –17 с.
4. *Карпова Е.В.* Дидактические игры в начальный период обучения. Популярное пособие для родителей и педагогов. Ярославль, 1997. – 240 с.
5. *Никитин Б.Л.* Ступеньки творчества или развивающие игры. М., 1990. – 160 с.
6. *Щукина Г.И.* Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. М., 1979. – 160 с.

S U M M A R Y

The main classifications of didactic games are analysed in the paper and the author's personal approach to this problem is shown.

Поступила в редакцию 7.03.2001

УДК 882-1(07)

Л.И. Шевцова

Особенности восприятия русской поэзии начала XX века учащимися 11-х общеобразовательных и гуманитарных классов

В современной методике проблема восприятия лирики изучена в различных аспектах: особенности и этапы восприятия лирических произведений, возрастные особенности восприятия читателя-школьника, уровни читательского восприятия (П.М. Якобсон, А.А. Леонтьев, З.Я. Рез, Н.Д. Молдавская, Маранцман, Л.Г. Жабицкая, Е.В. Карсалова и др.). В рамках нашего исследования важно подчеркнуть, что восприятие учащимися лирических произведений сопровождается рядом трудностей, связанных прежде всего со спецификой лирики как литературного рода. В основе лирического произведения лежат не повествование о событиях и героях, как в эпосе, не динамика сценического конфликта, как в драме, – а сам субъект лирического переживания, автор и способы выражения его сознания. Следовательно, одна из трудностей восприятия лирики – это ее лишенность, в понимании учащихся, сюжета, они не видят динамики образа-переживания, развития поэтических мыслей и чувств. Поэтический язык, насыщенный переносными значениями, где понятие и образ часто не совпадают, также затрудняет восприятие.

Как показали наши исследования, даже на заключительном этапе литературного образования (прежде всего в 11-ом классе), когда можно говорить о сформированности в той или иной степени основных читательских умений, уровень восприятия лирических произведений (эмоциональная отзывчивость, активность и объективность читательского воображения, образная конкрети-

зация и обобщение) остается невысоким. Учащиеся по-прежнему испытывают значительные трудности в осмыслении лирики.

Говоря о понятии «уровень восприятия», большинство методистов выделяет три уровня читательского восприятия: низкий, средний и высокий. Исследователи по-разному называют эти уровни, но сущность этого деления состоит в следующем. Первый уровень – *констатирующий* – характеризуется крайне низкой взаимосвязью отдельных элементов произведения, восприятие носит фрагментарный характер, события понимаются как отражение конкретных жизненных фактов, идея – упрощенно. Второй уровень – *аналитический*. На этом уровне школьники пытаются анализировать отдельные элементы произведения с точки зрения их субъективного мироощущения и жизненного опыта. Однако анализ на этом уровне еще не подчинен объективным законам художественного построения произведения. Третий уровень – *синтетический*, или идейно-эстетический. Он характеризуется целостным, полным, эстетически адекватным пониманием произведения, непосредственностью переживаний и интеллектуальным осмыслением прочитанного.

По мнению Н.Д. Молдавской, столь невысокий уровень восприятия лирики, незначительность сдвигов в литературном развитии к заключительному этапу литературного образования в общеобразовательных классах связаны и с определенными недостатками в школьной практике преподавания: в отсутствии необходимого условия, при котором происходят качественные изменения в восприятии. Переход юных читателей к сознательному эстетическому восприятию поэзии возможен «только в том случае, когда в классе ведется планомерная работа по воспитанию самостоятельности учащихся в чтении и интерпретации художественного текста, по развитию их воображения и речи» [1]. К сожалению, именно такой планомерной работы не хватает современному преподаванию, отсутствие которой можно объяснить, наверное, и объективными причинами, прежде всего нехваткой учебного времени.

В поле нашего исследования находились классы гуманитарной направленности, существующие в школьной практике уже достаточно давно (около десяти лет), в которых литература является профилирующим предметом и изучается углубленно. Нас интересовал 11-й класс, уровень сформированности умений, связанных с анализом и обобщением при осмыслении лирической поэзии. Самой большой поэтической темой в 11-ом классе является «Серебряный век» русской поэзии, изучение которой требует наличия определенного читательского опыта, приобретаемого при изучении русской классической поэзии XIX века.

Задача нашего исследования заключалась в выявлении отношения к лирической поэзии, поэтических предпочтений и уровня восприятия русской поэзии начала XX века учащимися общеобразовательных и гуманитарных классов. В соответствии с обозначенной задачей было проведено анкетирование и даны проверочные срезовые работы. Всего в срезе приняли участие 61 учащийся общеобразовательных классов и 77 учащихся классов гуманитарного профиля.

Анкетирование показало имеющиеся отличия в отношении к поэзии учащихся общеобразовательных и гуманитарных классов. На вопрос «Любите ли Вы поэзию?» положительные ответы дали 72% учащихся общеобразовательных и 90,3% учащихся гуманитарных классов. Причем из учеников гуманитарных классов 80,6% дали положительный ответ на данный вопрос без всяких оговорок, тогда как в общеобразовательных классах 18% учащихся, отвечая на вопрос, отмечали, что любят не всю поэзию, а лишь отдельных поэтов. Вопрос анкеты «Стихотворения каких поэтов чаще всего читаете?» выявил отсутствие личностной потребности в чтении лирической поэзии у 19% уча-

щихся общеобразовательных классов, они написали, что читают только то, что предлагает программа по литературе. Абсолютное же большинство учащихся-гуманитариев обнаружило достаточно широкий спектр поэтических предпочтений: были названы имена русских и зарубежных поэтов – от древнейших до современных.

Учащимся предлагалось подчеркнуть в данном перечне русских поэтов Серебряного века, стихотворения которых им особенно нравятся. Следует констатировать некоторые различия в рейтинге поэтов среди учащихся исследуемых классов. Данные, которые были получены в результате анализа ответов, наглядно представлены в виде таблицы.

Таблица

**Поэтические предпочтения учащихся 11-х
общеобразовательных и гуманитарных классов**

№	Русские поэты начала XX века	Поэтические предпочтения учащихся общеобразова- тельных классов, %	Поэтические предпоч- тения учащихся гумани- тарных классов, %
1.	С. Есенин	88,5	37,5
2.	А. Блок	57,3	37,4
3.	А. Ахматова	42,6	62,5
4.	М. Цветаева	37,7	75,0
5.	И. Бунин	16,3	43,4
6.	Б. Пастернак	11,4	8,7
7.	Н. Гумилев	11,4	13,0
8.	В. Маяковский	9,8	25,0
9.	К. Бальмонт	8,1	4,3
10.	О. Мандельштам	6,5	5,5
11.	В. Брюсов	6,5	4,3
12.	И. Северянин	6,5	26,0
13.	И. Анненский	4,9	21,7
14.	А. Белый	3,3	3,7
15.	М. Волошин	3,3	8,7
16.	В. Хлебников	1,6	4,3
17.	Н. Клюев	1,6	4,3

Особое внимание в процессе анализа ответов учащихся различных классов мы уделили их мотивационной сфере. Был задан вопрос, почему они любят поэзию вообще и каких поэтов в частности? Учащиеся выдвигали различные критерии оценки лирики, среди которых:

– простота, понятность языка, внешняя «красивость» отмечены в общеобразовательных классах 37,2%, а в гуманитарных 13% учащихся;

– сила эмоционального воздействия, жизненность темы, правдивость, соответствие личному опыту – в этом учащиеся общеобразовательных и гуманитарных классов почти единодушны: соответственно 60% и 64,5% опрошенных;

– художественная выразительность, психологическая достоверность образов, особенности стиля и языка отмечены только 12% учащихся общеобразовательных и 16% гуманитарных классов.

Основным мотивом чтения лирической поэзии во всех исследуемых классах выступает личностная значимость для учащихся читаемого, что вполне объяснимо возрастными особенностями психического развития и спецификой художественного восприятия. По мнению Б.С. Мейлаха, «художественное восприятие – это ведь не только общение с автором произведения, мыслен-

ный спор или несогласие с ним; это и открытие нового в жизни, и познание самого себя, это и наслаждение, и самовоспитание» [2].

Обращает на себя внимание гораздо меньший по сравнению с общеобразовательными классами процент учащихся-гуманитариев, склонных видеть в поэзии лишь внешнюю «красивость» и простоту языка. Однако данная срезовая работа показывает также, что учащиеся общеобразовательных и гуманитарных классов не склонны или не умеют оценить идейно-эстетические достоинства лирических произведений. Особенно привлек внимание невысокий процент таковых среди учащихся-гуманитариев.

С целью выявления уровней восприятия поэзии начала XX века учащимся гуманитарных и общеобразовательных классов был предложен письменный анализ стихотворения И. Бунина «Щеглы, их звон стеклянный, неживой...», М. Цветаевой «Роландов рог», С. Есенина «Осень».

Учащиеся, находящиеся на низком, констатирующем уровне восприятия выразили свое непонимание прочитанных стихотворений. Когда они все же пытались анализировать предложенный поэтический текст, то по аналогии с эпическими произведениями стремились найти и пересказать сюжет, но, не обнаружив такового, ограничивались простым перечислением деталей, описаний, иногда называли некоторые художественные особенности произведения. Например, стихотворение М. Цветаевой Галина М. восприняла так: «Стихотворение написано в 1921г. Лирический герой страдает от одиночества: «Я повествую о своем сиротстве». Я считаю, что это одиночество утомляет героя: «Так, наконец, усталая держаться сознанием: перст и назначеньем: драться...». Однако лирический герой, в данном случае сама М. Цветаева, еще не потеряла надежду и все еще верит: «Стою и шлю, закаменев от взлету, сей громкий зов в небесные пустоты...». В стихотворении упоминается Карл и Роланд, и Марина Цветаева надеется, что, как вернулся Карл, так и к ней вернется любовь...». В данной работе можно найти элементы анализа, однако ни идея стихотворения, ни его образный мир, ни трагизм мироощущения поэта не поняты ученицей.

Все предложенные стихотворения восприняты как отражение конкретных жизненных фактов, идея понята упрощенно, особенностей формы, приемов выражения авторской позиции ученики не заметили.

Большинство учащихся показали средний уровень восприятия – аналитический. Этот уровень – более высокая степень постижения произведения. Очень часто в нем ярко выражено эмоциональное отношение к прочитанному, хотя в большинстве своем основанное на субъективных ассоциациях. Ученики пытаются передать состояние, пережитое поэтом, сопереживать ему. При этом очень активна работа воссоздающего и творческого воображения, однако лирический характер нередко понимается произвольно, ему приписывают то, о чем поэт даже и не помышлял сказать. Нередко отмечают различные изобразительно-выразительные средства, но они только перечисляются, их художественная функция непонятна читателю. Вот высказывание Сергея М.: «Бродя... по саду пустому», поэт восхищается красотой природы и песнями щеглов, он восхищается осенью. Поэт хочет разгадать загадку природы, его мысли выливаются в стихотворение. Гадая, думая, он испытывает муки радости. И Бунин негодует, почему его мысли превращаются в стихотворение, которое он должен отдать всем, ведь в нем его мысли, его несбывшиеся надежды. Он думает о том, почему кто-то будет ему сострадать, читать его стихотворение, ведь муки тоски приносят ему радость. Поэт любит осень, но она быстротечна, он хочет, чтобы в его памяти осталось это восхищение и восторг, но как он может запечатлеть эту красоту, кроме как не в стихах, ведь он поэт! Бунин считает, что если он напишет стихотворение, то

люди не поймут того, что он хочет сказать. Сад напоминает ему о его одиночестве или далекой любви. Оживляя свое стихотворение, поэт использует художественные приемы: эпитеты («стеклянный звон»), метафоры («трава, хрустящая белым серебром»), оксюморон («радость муки»).

Только немногие учащиеся смогли подняться до идейно-эстетического уровня, который характеризуется целостным, полным эстетически адекватным пониманием поэтического текста, высокой эмоциональностью, непосредственностью переживаний, высказывания учащихся строятся на образном восприятии основной темы стихотворения, на выявлении существенных закономерностей, внутренних связях, в них есть гармония образного обобщения и образной конкретизации.

Вот как написала о стихотворении С.Есенина «Осень» Анна Д.: «Это стихотворение, написанное в период с 1914 по 1916 год, представляет собой художественный опыт поиска выразительности в области поэзии.

Перед нами картина осени, созданная короткими поэтическими мазками-строфами. Для создания зримых образов поэтом используется богатый «набор» образных средств.

Центром двух первых строф является изображение осени, которая автором передается через метафорический образ рыжей кобылы, которая – не что иное, как деревья, покрытые желтой листвой. На метафору осени-кобылицы накладывается другая – «кобыла чешет гриву». Эта вторая метафора рисует картину деревьев именно в период листопада, самый яркий и вдохновляющий.

Во второй строфе к зримой образности прибавляется и звучность. Сквозь тишину тумана (развернутая метафора «речной покров берегов») слышится (передача через аллитерацию, созданную сочетанием шумных глухих согласных), «лязг» (сочетание «ск», «тк»).

А «лязг подков» в свою очередь – плеск воды. Этот плеск чуть уловим и мерцает сквозь эпитет «синий», характеризующий этот звук.

В третьей и четвертой строфах властвует ветер. Он – схимник, аскет, чем вполне объясняется его осторожная поступь. В ней скрыта антитеза, ибо, несмотря на осторожность, листва все же мнется под его шагом (шаг ветра – тоже говорящая метафора). Но ветер не может быть абсолютно бесшумным, даже едва уловимый. В подтверждение этому – аллитеративный ряд («сх» – порыв, «жн», «мн» – ослабевание, «ст» – преодоление преграды, «жн» – шелест).

Момент соприкосновения гроздей рябины и потока ветра – метафорический поцелуй, нежное лобзание. Но настоящий эмоциональный пик стихотворения – развернутая метафора, сравнивающая ярко-красные рябиновые ягоды с язвами незримого Христа. Кроме эмоциональности, это еще и максимально живописный и образный момент.

Необычайно содержателен и образ Христа. Он незрим и есть во всем; он вечен. Он, Христос, умер, чтобы подарить жизнь. Так и осень, сейчас красочная и жизнеутверждающая, несет на себе печать смерти природы, которая, воскреснув весной, принесет новую жизнь».

Анализ письменных работ показал, что на самом низком, констатирующем уровне находятся работы 44,6% учеников общеобразовательных и 10,2% гуманитарных классов. На среднем уровне восприятия находятся 51,8% работ учащихся общеобразовательных и 72,2% гуманитарных классов. И на третьем – высшем, синтетическом уровне восприятия – всего 3,6 учащихся общеобразовательных и 17,1% гуманитарных классов.

Таким образом, сложившаяся в настоящее время система преподавания литературы дает возможность преодолеть самый низкий барьер – барьер

констатирующего уровня восприятия лирики (особенно существенны отличия между общеобразовательными и гуманитарными классами), но не способна вывести большинство школьников на высший, синтетический уровень.

Полученный результат также хорошо соотносится с результатами рассмотренного нами анкетирования. Синтетический уровень предполагает органическое единство эмоционального и рационального в восприятии оценки идейно-эстетической стороны лирического произведения, а так как большинство респондентов не указало на это при определении мотивов любви к поэзии и к конкретным поэтам, то можно прийти к выводу, что многие из них не умеют увидеть это единство в конкретном лирическом стихотворении.

Довести читателя общеобразовательной школы в его развитии от низкого, констатирующего уровня восприятия, до идейно-эстетического (тем более, когда речь идет о таком специфическом роде литературы, как лирика) – задача сложная, требующая кропотливой систематической работы в процессе всего литературного образования, начиная с начальных классов и заканчивая 11-м. На практике система нашего школьного образования построена таким образом, что поставленная задача оказывается в большинстве случаев неразрешимой. Не будем углубляться в причины, но зададим закономерный вопрос: «А могут ли школьники общеобразовательных классов выйти на такой уровень восприятия литературы, и лирики в частности, когда общение с ней становится не только важнейшим средством, но и мотивом познания ими людей и мира, когда поэтическое слово выступает в единстве образной конкретизации и обобщения и пробуждает эмоциональные и эстетические чувства?». На наш взгляд, ответ на данный вопрос очевиден: большинство школьников общеобразовательных классов этого сделать не смогут. Дело в том, что высший уровень восприятия – это уже по существу уровень профессионального взгляда на литературу. На заключительном этапе литературного образования (10-11-е кл.), когда возможно в силу возрастных психических особенностей школьников восхождение к высшему уровню восприятия литературы, сознание ученика оказывается уже профессионально ориентированным. Ученику, выбравшему для себя профессию инженера-технолога, математика, врача, просто не хватает сил и времени заниматься литературой на таком уровне. Вот почему совершенно оправдан путь внешней дифференциации, который определен новой концепцией литературного образования и по которому пошла современная школа: создание школ нового типа и отдельных классов, специализирующихся по одному или нескольким предметам.

Результаты нашего эксперимента показали, что практически все учащиеся гуманитарных классов любят, ценят и читают лирическую поэзию, в том числе русскую поэзию начала XX века, то есть в процессе учения присутствует очень важный фактор – положительная мотивация, их желание воспринимать и понимать поэзию. Однако письменные работы свидетельствуют о том, что аналитико-синтетические умения в осмыслении поэтических произведений начала XX века на уровне литературного образования классов гуманитарного профиля развиты не в достаточной степени. Приходится констатировать, что аналитические умения поэтических произведений: умение видеть движение мыслей и чувств, композицию, образные средства и т.д. – развиты также в недостаточной степени. Учащиеся часто говорили о том, что впервые сталкиваются с таким видом работы, как письменный анализ стихотворения, да и на уроках он редко им предлагается в устной форме. Незрелые синтетические умения, такие важные для формирующегося гуманитарного стиля мышления, не позволяют им связать произведение с общекультурным контекстом, с жизненным путем автора, его личностью, с теми литературными направлениями

и окружением, в условиях которых было создано стихотворение, с историческими событиями, происходившими в этот момент.

Таким образом, возникает необходимость в иной системе преподавания поэзии начала XX века, адекватной соответствующей самой специфике гуманитарных классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Молдавская Н.Д.** Литературное развитие школьников в процессе обучения. М., 1976. С. 140.
2. **Худоожественное восприятие** / Под ред. **Б.С.Мейлаха**. Л., 1971. С. 10.

S U M M A R Y

On the basis of the experiment the author investigates perception of the early XX century poetry by the pupils of the 11th general educational and humanitarian classes.

Поступила в редакцию 1.11.2000

УДК 54(07)

С.И. Кулиев, Н.А. Степанова

Региональная программа «Одаренные дети. Химия» (проблемы и перспективы)

Достижения современной цивилизации немыслимы без химической науки. Очевидно, что и в XXI веке будет наблюдаться дальнейшее развитие химии, привлечение ее для решения прикладных задач не только в химических отраслях, но и в интересах нехимических наук и самых разнообразных областей техники. Естественно, что химическая наука республики будет нуждаться в способных, творческих исследователях с гуманитарно-экологическим мышлением, владеющих математическим аппаратом и умением работать на компьютере, знающих иностранные языки и способных находить и принимать решения в динамично меняющемся окружающем мире.

Результативность подготовки кадров зависит от эффективности химического образования и, в особенности, от компетентной организации поиска, выявления способных к химии, одаренных детей, создания условий для оптимального развития их способностей.

В советской педагогике проблема одаренности не исследовалась в достаточной степени, несмотря на существование математических спецшкол для одаренных при университетах Москвы и Ленинграда или музыкальных школ при консерваториях. В 90-е годы XX столетия сформировался социальный заказ на неординарную творческую личность; психолого-педагогические исследования активизировались в направлении изучения проблем одаренности, в том числе с опорой на зарубежные исследования. Четко обозначились две точки зрения на одаренность. Первая, традиционная для советской педагогики и психологии: *сущность способностей – качества психических про-*

цессов, которые лежат в основе овладения знаниями и умениями, определяют успешность выполнения деятельности. Эти качества характеризуют уровень развития психических свойств, опосредованных природными предпосылками (задатками) и социальным опытом. Формирование способностей – одна из задач школы (А.И. Абраменко, А.А. Алексеев, В.В. Богословский, А.И. Щербаков). Вторая точка зрения обобщена и отражена в Конвенции о правах ребенка, где провозглашается право на детство, на образование «на основе способностей каждого» (часть 1; статья 28, пункт «е»). «Способности ребенка не формируются и не развиваются мифическим «развивающим обучением», а пробиваются к свету как все живое, т.е. проявляются, прорастают, реализуются» (В. Кумарин). Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что цель нашей статьи – выход на организационно-педагогический уровень решения проблемы работы с одаренными детьми.

Исследования по проблеме одаренности ведутся в аспектах диагностики, разработки теоретико-методических основ системы воспитания и обучения талантливых детей, разработки классификации одаренных детей, создания концептуальных моделей одаренности [1, 2], разрабатываются концепции работы в школах и других образовательных учреждениях с одаренными детьми [3, 4], создаются программы «Одаренные дети» и в нашей республике [5, 6]. Современное состояние проблемы одаренности как сформированного и динамично развивающегося интегрального свойства личности характеризуется тремя параметрами. *Первый* измеряется тестами «IQ» и выявляет, в основном, уровень конвергентного мышления; *второй* определяет уровень креативности в структуру которой входит дивергентное мышление; *третий* определяет уровень мотивации. В корреляции с этими параметрами находится классификация Савенкова А.И. [6], где выделяется четыре группы одаренных детей:

- дети с высокими показателями по специальным тестам интеллекта;
- дети с высоким уровнем творческих способностей;
- дети достигшие успехов в каких-либо областях деятельности (музыканты, художники, математики, шахматисты и др.);
- дети, хорошо обучающиеся в школе (академическая одаренность) [2].

Сложилось так, что педагоги в основном работают с третьей и четвертой группой детей. Действительно, результаты республиканских и международных химических олимпиад говорят о высоком уровне интеллектуальной одаренности наших школьников. Однако сдвиг научных знаний в сферу «производства решений» [7] требует использовать резервы второй группы одаренных детей, а также создания условий для раскрытия творческого потенциала всех других групп. Мы констатируем противоречие между социальным заказом на творческую личность и более высокой оценкой интеллектуальных достижений на практике. Поэтому смещение паритета между развитием интеллектуальной и творческой одаренности в сторону последней позволит во всей полноте использовать потенциальные резервы одаренной личности.

Одаренность проявляется в самых различных областях человеческой деятельности. Психология изучает структуру и динамику развития способностей. Так, например, хорошо изучена структура математических способностей [См. Крутецкий В.А. Психология математических способностей школьников. М.: Просвещение, 1968. – С. 385-386.]. Доктор психологических и медицинских наук Платонов К.К. создал научно-обоснованную систему профессионального отбора лётчиков и др. [8]

Различают общие и специальные способности. Общие позволяют овладеть широким спектром различных видов деятельности. Специальные спо-

способности определяются возможностями успешного овладения определенными видами деятельности. Среди них нас интересует проблема химических способностей и «химической одарённости». Она может проявиться очень рано. Известно, что величайший химик современности Роберт Бернс Вудворд уже в 11 лет использовал научные журналы, а в 16 лет становится студентом, он знал к тому времени в совершенстве органическую химию, выучив ее оригинальным способом – используя синтез веществ [9].

Одним из первых на эту проблему обратил внимание Эпштейн Д.А., который считал, что способность к химии существует *объективно* как определённое сочетание свойств человека: *«химическая голова»* плюс *«химические руки»*. [10].

При моделировании конструкта химических способностей мы исходим из классического определения химии как науки о *веществах* и их *превращениях*. Какие особенности мышления способствуют успешной деятельности на химическом поприще? Это прежде всего высокий уровень логического мышления, способность к абстрагированию и обобщению, терминологическая память, ассоциативное и образное мышление. Очевидно, что всё это необходимо и биологу, и математику. В чём же тогда химическая специфика? В *особом отношении человека к веществам и их превращениям*. Химиков отличает *«чувство вещества»*, стремление работать с ним.

Особенность химического мышления заключается в образных и модельных представлениях о веществе и его превращениях на уровне микромира. Такое мышление плюс аккуратные, тонко чувствующие руки и, можно сказать, перед нами образ химика-синтетика или химика-аналитика. Выдающимся же химиком всё-таки надо родиться, и талант проявится, т.к. он «вожделеет» из-за высокой мотивации, требует реализации в творчестве.

Химическая одарённость проявляется на генотипическом уровне (рис. 1), который определяется биологическими структурами человека, его генетической программой, неповторимой у каждого человека. Сюда включается:

Рис. 1. Базовая модель химической одаренности

а) *особенность органов чувств и моторики*: точность восприятия внешних свойств веществ и изменений, происходящих в процессе химических превращений, хорошая координация движений и глазомер, развитое ощущение времени и пространства, быстрота реакции; б) *особенности психических процессов*: аналитико-синтетическое качество ума, развитое ассоциативное мышление, способность к абстрагированию, оперирование символами, числами, развитое образное мышление, большой объем внимания, наблюдательность развитая терминологическая, логическая механическая память; в) *креативность* определяется триадой Торренса П.: творческими способностями, творческими умениями, творческой мотивацией.

Многие компоненты химических способностей (как правило, общие) можно развить в процессе обучения или компенсировать усиленным развитием других за счет компонентов фенотипического уровня (например, недостаточный объем памяти – воспитанием привычки к тщательным систематическим записям), но такой компонент, как способность к абстрагированию, оперированию символами не компенсируется в процессе обучения и воспитания.

Подчеркнем, что выявление и реализация специфических компонентов химических способностей: пространственное воображение, развитая сенсорика, умение наблюдать химические явления, соотносить химический эксперимент с теоретическим объяснением, «чувство вещества», умение оперировать моделями и конструкторские умения, невозможно без опыта творческой деятельности в области химического эксперимента. Имея длительный опыт работы (1989-2001 гг.) с одаренными и способными детьми при подготовке к олимпиадам различного уровня, мы отмечали и результаты показывали у них высоко сформированный уровень теоретических знаний и, в то же время, беспомощность при выполнении простейших операций в химическом эксперименте. Итоги экспериментальных туров Республиканских олимпиад 1999 и 2001 годов и областных 1998-2001 годов (Витебская область) показали большой разрыв – до 40% – между максимально возможным балом и реально набранным, что не наблюдалось в теоретическом туре [11].

Такой разрыв показывает слабую подготовку участников олимпиады химическому эксперименту. Как авторы заданий для экспериментального тура, мы ставили цель предоставить возможность участникам проявить химические способности и в области интеллекта, и в области творчества. Для стимуляции воображения и создания положительного эмоционального фона в предъявлении задания был использован гуманитарно-культурологический подход. Участники должны были то разгадывать «Удивительные тайны медной горы» и «загадки простой реакции», то столкнуться с «коварством и сюрпризами Cr^{+6} », синтезировать «знакомую незнакомку» и присутствовать на «поединке ионов». Вместе с техническими и логическими операциями участникам было предложено увидеть новое в хорошо известном, смоделировать механизм реакции, включив образное мышление, воспринять и объяснить цветовые переходы, расшифровать названия заданий. Результаты Республиканской олимпиады в 2001 г., как и в 1999 г., показали, что образное и пространственное мышление как компоненты творческой одаренности не являются для учащихся привычным инструментом познания химических явлений; из-за отсутствия соответствующего опыта работы с реактивами не четко замечались цветовые переходы, участники «боялись» довериться эксперименту, опираясь на устоявшийся теоретический багаж знаний. Весьма важно обращение к образно-эмоциональной сфере в качестве стимуляции для проявления способностей. Не случайно в 2000 году абсолютным победителем Республиканской олимпиады в 10-м классе стал ученик 8-го класса Республиканского колледжа искусств (г. Минск) Александр Жданко, другой победитель в 9-м классе

Алексей Путов – ученик седьмого класса Витебской гимназии №1, где также весом компонент гуманитарных знаний и образного мышления.

Эти два «открытия» нынешней олимпиады ставят проблемы раннего выявления химических способностей, сохранения устойчивого интереса к химии и создания условий для проявления интеллектуальных и творческих сил. Существующие организационные и экономические трудности должны быть преодолены для создания равных возможностей одаренных детей образовательных центров и периферии, для привлечения к обучению и развитию квалифицированных специалистов: предметников, педагогов, психологов. На данном этапе ребята самостоятельно выстраивают образовательную траекторию, с помощью школьного учителя стихийно выбирая специалистов вуза для «прорыва» в более высокий уровень знаний, однако достаточно компетентно и методически грамотно, по нашему мнению, это должен делать персонально назначенный педагог-тренер (или наставник, как угодно).

К примеру, в США в некоторых штатах есть законы, регулирующие образование одаренных детей. В соответствии с нормами законов программы образования должны создаваться непосредственно для каждого одаренного ученика и предоставлять те возможности, при помощи которых ученик сможет достигнуть наилучших результатов. Есть законы, регулирующие оценку таких программ и систему отчетности по ним. Все это контролируется раз в 4-5 лет, чтобы убедиться, что дети действительно получают индивидуализированное обучение соответственно их талантам. Ответственность за обучение несут именно школьные округа [12].

Одним из возможных путей компенсации огромных интеллектуальных, физических и психологических затрат участников могло быть установление стипендий призерам хотя бы областных олимпиад, а также дополнительное материальное стимулирование государственными, общественными и частными структурами на разных этапах. Необходимо также кардинально улучшить состояние химического эксперимента в школе как важнейшего метода и средства стимулирования проявления химических способностей.

Подготовка школьников к олимпиадам, а также многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются заинтересованные стороны, наша озабоченность и ответственность за судьбу каждой одаренной личности привели нас к необходимости разработки оптимальной модели, обеспечивающей вывод проблемы в процедурную область реализации региональных программ «Одаренные дети» (рисунок 2).

Финансирование программы может быть достигнуто за счет государственных и местных дотаций, спонсирования и меценатства. Важно создать региональный реестр одаренных детей по результатам конкурсов, турниров, олимпиад различного уровня. К мероприятиям (по презентации знаний и способностей) должны иметь широкий доступ учащиеся сельской местности через заочные конкурсы, компьютерные олимпиады, а в идеале должен быть сайт в Интернете «Интеллект и творчество», где будет собран банк заданий, индивидуальных и групповых, по химии, экологии (и другим предметам). Талантливые ребята смогут получать консультации и поддержку личного преподавателя. На первых этапах выявления одаренных детей большую роль должен играть учитель, его необходимо обеспечить соответствующим диагностическим инструментарием, разработанным психологами вузов, тем более, что такие программы уже есть [13]. В дальнейшем за одаренным учеником официально закрепляется педагог-тренер (или педагог-наставник). Последний обеспечивает разработку индивидуальной траектории образования и развития, привлекает нужных специалистов по химии, информатике, языкам и психологии, организуя индивидуальные и групповые образовательные площадки.

Мониторинг обучения фиксирует достигнутый уровень мотивации, интеллекта и креативности, здоровья. Анализ проводится на педагогических консилиумах с участием всех заинтересованных лиц, выявляются условия для дальнейшего развития способностей одаренных детей.

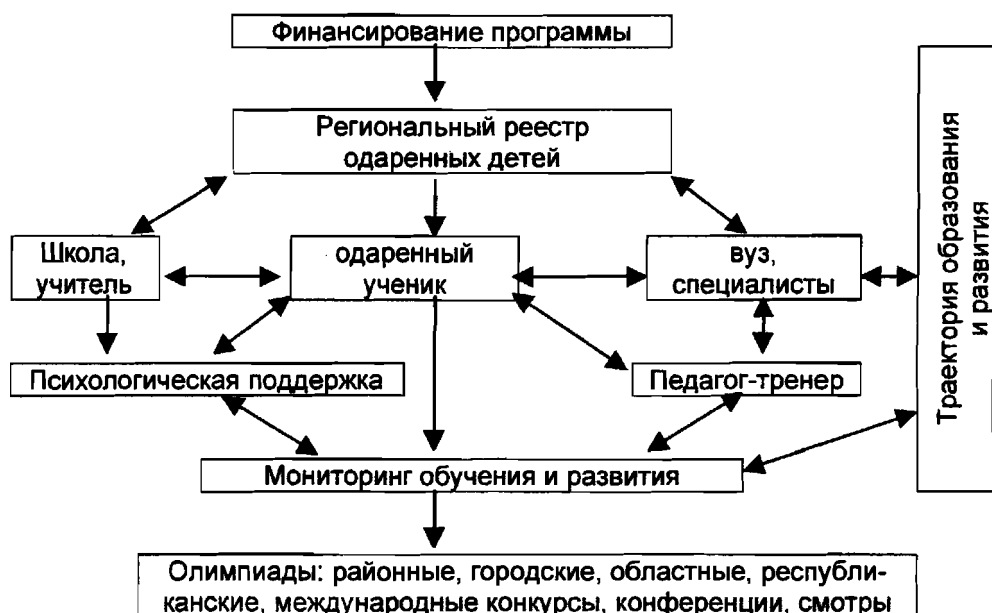

Рис. 2. Модель реализации программы «Одаренные дети. Химия»

Элементы данной модели апробировались нами при работе с одаренными детьми в таких связях как школа-вуз, ученик-тренер, тренер-вуз. Оправдали себя формы и методы работы, в основу которых были положены навыки мышления первого порядка – познание, решение проблемы, но в большей степени навыки второго порядка – креативность и способность давать оценку: лекции-беседы, разнообразные эксперименты, индивидуальные теоретические и поисково-исследовательские экспериментальные задания, семинары, работа с научной и справочной литературой. В процессе данной деятельности актуализировались методы познания химических явлений, развивались химические способности, рефлексия, совершенствовались устная и письменная речь, умения оппонирования и защиты.

Эффективность модели подтверждают результаты областных и республиканской олимпиады текущего года, где Путов Алексей (ученик 8-го класса) превзошел по общему баллу участников всех классов на областной олимпиаде и стал победителем Республиканской в 10-м классе. Из других участников олимпиады, проходивших подготовку по нашей системе, ученик 11-го класса Агабалаев Александр, десятиклассник Лужеснянской гимназии Кручик Владимир получили дипломы первой степени. К сожалению, очень способные и перспективные учащиеся из периферии не смогли в полной мере реализовать свои способности. Результаты могли быть намного выше, если бы реализовались все связи модели «Одаренные дети».

Талантливые и одаренные дети – главное богатство любой страны. Человек рождается и растет в определенной местности, формируется в определенной культурно-образовательной среде. Поэтому задача поддержки спо-

собных и одаренных детей должна стать актуальной для всех государственных и общественных институтов региона, республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Савенков А.И.** Идентификация одарённых детей как педагогическая проблема // Школьные технологии, 2000, № 1. С. 236-245.
2. **Савенков А.И.** Детская одарённость как теоретическая проблема // Начальная школа, 2000, №1. С. 94-100.
3. **Завельский Ю.К.** Концепция работы гимназии № 1543 с одарёнными детьми // Завуч, 2000, №1.
4. **Коваленко Г.П.** Вундеркинды; национальный ресурс и приоритет // Адукацыя і выхаванне, 1999, № 10. С. 39- 42.
5. **Малкина М.М.** Мэтавыя программа «Адоранныя дзеці». Мн., 1998, № 9. С. 17-24.
6. **Иванов Ю.А.** Содержание региональной программы «Одарённые дети» // Кіраванне ў адукацыі, 1997, № 7. С. 59-71.
7. **Мычко Д.И.** Обучающе-познавательский принцип и его значение для средней школы // Хімія: праблемы выкладання, 2000, № 4. С. 37.
8. **Платонов К.К.** Проблемы способностей. М., 1972.
9. **Кузнецов М.А. и др.** Облик молекулы. Очерк современной стререохимии. Л., 1989. С. 99.
10. **Эпштейн Д.А.** Вопросы психологии, 1963, № 6. С. 15.
11. **Кулиев С.И., Степанова Н.А.** Эксперимент на уроках химии через призму Республиканской олимпиады // Веснік ВДУ, 2000, №1(15). С. 33-40.
12. **Климанович О.В.** Система работы с одарёнными детьми (американский опыт) // Адукацыя і выхаванне, 1996, №8. С.93-98.
13. **Бахвалова Л.У.** Псіхалагічная праграма «Адораны вучань і школа» // Народная асвета, 1999, № 11. С. 21-29.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of discovering children gifted in chemistry and conditions for realization of their abilities.

The long work experience in preparing secondary school students for competitions in chemistry allowed the authors to create a model for carrying out the regional programs "Gifted Children. Chemistry", which leads to an organizational and pedagogical level.

Поступила в редакцию 26.4.2001

В.І. Несцяровіч

Кітаб 1832 года: палеаграфія, змест, графіка, арфаграфія

Пад кітабамі ў навуковай літаратуры [1-3] разумеюць рэлігійна-фальклорныя кнігі беларускіх (а таксама літоўскіх і польскіх) татар. Мова кітабаў беларуская [4], графіка – арабская, дастасаваная да беларускай фанетыкі.

Кітаб 1832 года быў адшуканы І.Б. Канапацкім, адным з кіраўнікоў грамадскага аб'яднання беларускіх татар «Аль-Кітаб» (г. Мінск), параўнальна нядаўна ў блізкіх сваякоў са Смілавічаў. Аўтар публікацыі мае ксеракопію гэтага рукапіса. У хуткім часе таксама ксеракопію будзе мець аддзел рэдкай кнігі бібліятэкі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Кітаб, пра які пойдзе тут размова, у беларускай навуковай літаратуры яшчэ не атрымаў навуковага асэнсавання і апісання. Вядома, што рукапіс дэманстраваўся ў музеі Беларускага ўніверсітэта культуры на выставе, прымеркаванай да Трэцяй міжнароднай канферэнцыі «Праблемы вывучэння і захавання культурнай спадчыны татарскага народа на Беларусі» (г. Мінск, 27-28 сакавіка 1997 г.). У каталогу выставы [5] кітаб адзначаецца пад нумарам 4, тут жа даецца лаканічнае апісанне яго. У канцы каталога ўкладальнікі падаюць фотаздымак апошняй старонкі і відарысы вадзяных знакаў, вырабленых на паперы рукапіса.

Палеаграфічная характарыстыка. Рукапіс уяўляе сабою кітаб вялікага фармату, памер старонкі – 34 x 22 см. У канцы кнігі ёсць запіс пра перапісчыка, дату і тэрмін стварэння, прычым запіс зроблены тройчы на перадапошняй і столькі сама на апошняй старонцы арабскім, кірылічным і лацінскім пісьмом. У транслітарацыі¹ з арабскага пісьма адзін з запісаў сведчыць: «напісэл тэн кітэп Абрагім Хасеневіч² в року 1832 рэмазана дн(я) 30-го і поўпісэл своей власней рэнкай Абрагім Хасеневіч». Даты абазначаны арыгінальнымі арабскімі лічбамі, адрознымі ад тых «арабскіх» лічбаў, якімі карыстаемся мы.

У запісах на апошняй старонцы, зробленых па-руску кірылічным алфавітам у тагачаснай арфаграфіі і па-польску, указваецца 1832 год, а дата называецца «феврале 20-го Дня». На перадапошняй старонцы ў рускаалфавітным аўтарскім запісе згадваецца: «Писаль Сію Книгу Абрагимъ Хасеневич въ, 1832; ¹⁰ Года, Генвара; 20 ¹⁰ Дня...». Трэба думаць, што 20 студзеня 1832 года А. Хасяневіч пачаў, а 20 лютага закончыў перапісванне кітаба, прычым супала гэта з найбольш паважаным мусульманскім святам – месяцам рамазанам.

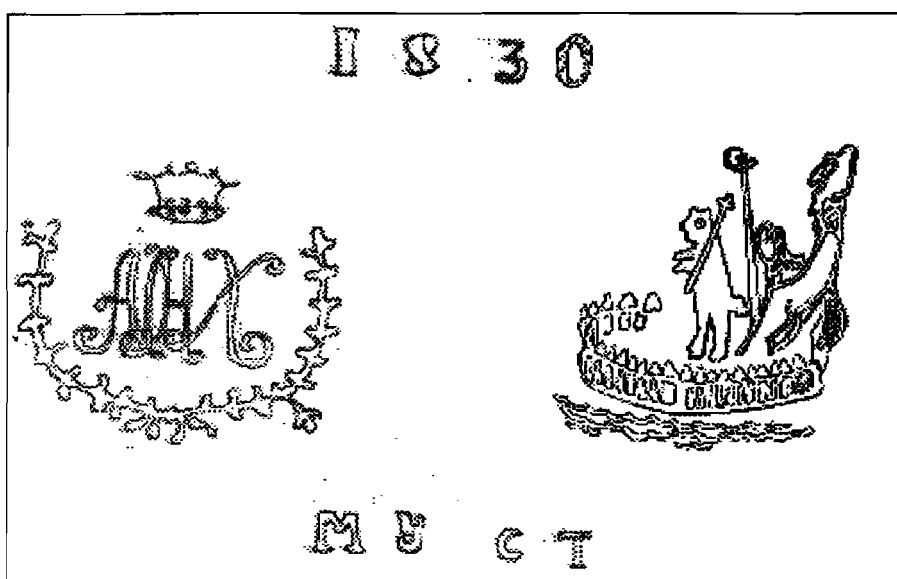
¹ Для транслітарацыі, якая спалучае элементы фанетычнай транскрыпцыі, прымяняецца сучасны беларускі алфавіт.

² Перапісчык адзінаццаць разоў упамінае сваё імя: дзесяць разоў Абрагім і адзін раз Ібрагім. Відаць, гэта варыянтныя найменні.

Аўтар пакідае звесткі і пра месца стварэння кнігі. Гэта – мястэчка Смілавічы. Запіс пра гэта знаходзіцца на апошнім аркушы ў польскамоўным запісе: Datty Roku 1832 ^{го} fewralia 20 ^{го} Dnia Pisek Ten Kitep Abraham Hasieniewicz W Mesteczku Smilowiczach.

Такім чынам, рукапіс быў створаны за адзін месяц, тытанічную працу перапісчыка трэба ацаніць як подзвіг. Магчыма, А. Хасяневіч хацеў завяршыць працу да моманту заканчэння мусульманскага посту ў месяцы рамазан, а магчыма, перапісчык выконваў чыйсьці заказ і быў абмежаваны часам.

Кітаб Хасяневіча (далей – КХ) мае 158 аркушаў, што складае 316 старонак. Нумарацыя зроблена кімсьці ў яўна пазнейшы час, прычым нумаруюцца аркушы, а не старонкі. Каб мець нумарацыю ўсіх старонак, аўтарам публікацыі прапануецца дадатковае выкарыстанне літар *а* (пярэдняй старонка), *б* (адваротнай старонка): 1а, 1б, 2а, 2б і г.д. Два аркушы маюць нумар 72, рукапіс таму заканчваецца лічбай 157. У пачатку і ў канцы кнігі ёсць па аднаму чыстаму аркушы. Папера выраблена фабрычным спосабам. На кожным другім аркушы ёсць вадзяныя знакі, праўда, малавыразныя. Такія вадзяныя знакі знаходзім ў кнізе Клепікава С.А. [6] пад нумарам 68. Ніжэй прыводзяцца гэтыя вадзяныя знакі:

На кожнай старонцы, як правіла, 24 радкі, на с. 8б – 30 радкоў, на асобных – менш чым 24 радкі. У тых выпадках, калі ў гарызантальным радку падаецца цытата або тэкст на мове арыгінала (напр., на арабскай ці старатурэцкай), то знізу пад нахілам запісаны пераклад ці каментарый па-беларуску. Колькасць такіх, двоеных, радкоў на старонцы – 10 (напр., с. 93б-118б). Пісьмо выканана адным почырмам, чарніла карычневага колеру. Часам з мэтай выдзялення назваў раздзелаў ці аддзялення аднаго тэксту ад другога перапісчык выкарыстоўвае і чырвонае чарніла – інкаўст, г.зн. чарніла, настоенае на шафране. Чырвоным запісаны асобныя сказы, словы, чырвоным абводзіцца слова *баб* (арабскае апавяданне, раздзел), якое пішацца заўсёды ў пачатку новага тэксту. З гэтай мэтай выкарыстоўваецца і слова *хікайет* (ар. аповесць). Ёсць і іншы, распаўсюджаны спосаб падказкі пра новы раздзел ці новую тэму: збоку на палях выпісваюцца першыя словы, якімі гэтыя тэксты пачынаюцца. Некалькі разоў новы змест аддзяляецца словам *прыповесьць* (с. 48). Усе аркушы добра зберагліся, толькі на асобных трох-чатырох аркушах

выцерлася чарніла, і таму тэкст чытаецца цяжэй. Вокладка кнігі кардонавая, абцягнутая чорна-карычневай скурай. Як зазначаюць укладальнікі Каталога [5, с. 9], «аправа парэпаная, не хапае фрагментаў скуры на ніжнім краі верхняга вечка, вуглы абтрапаныя». Увогуле кніга збераглася добра. Тэкст чытаецца лёгка. Ніжэй падаецца фрагмент старонак КХ і транслітарацыя тэксту:

حَطَفَ عُرْوَةَ خِيَامِ شَمْسٍ حَبِ ظِلْفِهِمْ
 مَابَ شَقَادِ بَعْدَ مَا مَيَّ مَجِبَ بِرُشَيْبِ ثَرِيٍّ طَيِّفٍ جَوْدَ سَبِ بَقِ بِرُشَيْبِ ثَرِيٍّ
 يَهْفُ دَائِلًا بِهَاسِغٍ دَاحِزٌ دُنَا مَجِبَ مَجِبَ مَجِبَ دُجَطَّاشِ عَفَّ شَاخٍ يَ
 ضَا شَيْبِ عَفَّ جَا حَ شَوْ دُ قَنَ صَكِّ نَاهِغٍ بِرُشَيْبِ دُ مَجِبَ إِصْفٍ دُعْدَا ص
 مَجِبَ دُ

Фрагмент старонак 74a24-74b4 кітаба Хасяневіча.

(74a24) хто ужывае х(а)рам | сем рэчэй злогу (74b1) сабе шкадлівага майе мец(ь) | першэй | жылот (2) яго чорны будзе | і прозьба яго да пана бога не будзе даходна | і моцы мец(ь) не будзе | чутасьці у вушах | йа(3)снасьці у вачах не будзе | краскі на твары не будзе мец(ь) і спору у даму (4) не будзе |

Змест КХ надзвычай разнастайны. На першых 15 старонках (с. 1а-8а) даецца генеалагічная табліца прарокаў, біблейскіх персанажаў, халіфаў, імамаў. Тут знаходзяцца імёны Адама, Ібрагіма, Мухамеда і інш. Табліца складаецца з 270 няправільных кругоў рознай велічыні, у якіх і запісаны імёны. Кругі злучаюцца паміж сабой лініямі.

Тэксты пачынаюцца са старонкі 8а цытатай з Карана на арабскай мове (гарызантальны радок) і каментарыем па-беларуску (запісана пад нахілам) з моцным польскім моўным уплывам. Усяго такіх радкоў – шэсць. Першыя старонкі напісаны па-беларуску з польскамоўнымі элементамі (г - выбухны, няпоўнагалосныя формы слоў з - ло - , насавыя галосныя: *г'лова, сонды* і п.). Паступова польскамоўных элементаў становіцца менш, са с. 9б пачынаюцца тэксты на тагачаснай народна-дыялектнай беларускай мове.

Са старонкі 9б і да с. 91б даецца выклад асноўных мусульманскіх догмаў, апісанне мусульманскіх рытуалаў, маральна-этычных нормаў мусульман аб шанаванні бацькоў, старэйшых, суседзяў, «наўчонах», г.зн. кіраўнікоў мусульманскіх прыходаў, імамаў. Некалькі тыповых назваў: «А божых ім(ё)нах» (10б) «Весна падобна Суднаму дн(ю), дзесец(ь) подобенств» (16б), «Судны дзен(ь) зненацка прыйдзе» (21б), «А раскашах (г. зн. раскошах – В.Н.) райскіх» (26б), «А сіроцкіх скарбах» (43б), «А шанаван(ю) суседзяў» (43а), «Старога кожнага шануй» (44б). На сс. 71б- 72г знаходзіцца папулярны дыялог прарока Мухамеда з шайтанам («Прарок пытаў у шэйтана»). Гэты дыялог сустракаецца ў многіх вядомых кітабах, у т.л. і ў кітабах ЛАН-F21-814 (XVIII ст.), ВУ-391 (XIX ст.), а таксама ў кітабах пад сінатурай КУ-1446 (XVII ст.), ВЭМ-35 (XVIII ст.), ВЭМ-28 (XIX ст.)³. Ніжэй прыводзіцца ўрывак з гэтага дыялога з кітаба ЛАН F21-814(I) і з КХ (II):

(I) прар(о)к (15) рэк да шэйтана | шэйтане| дзеці твайе хто ёст | шэйтан (16) рэк | дзеці майе то ёст | хто блуд чініц(ь) | грэшн(ы)х (17) рэчэй не съцерэзгуча | прарок м(о)віл | шэйтане | войска твайе (59б) (1)

³ Сінатура кітабаў, даследаваных А.К. Антановічам.

хт(о) йест | шэйтан рэк | в(о)йска майо тыйе | хто | пашн(ю) купіўшы | даражыні чэкайе | а потым прадайе |

(II) (71 б) прарок рэк | шэйтане | дзеці твайе хто йест | шэйтан рэк | (21) дзеці майе то йест | хто блуд чыніц(ь) | грэшн(ы)х рэчэй не съцеражэцца | пра (22) рок муві | шэйтане | войска твайо хто йест | шэйтан рэк | войска (23) майо тыйе | кэторыйе | пашн(ю) купіўшы | даражыні чэкайе | потым прадайе |

На сс. 936–1186 знаходзіцца самая вядомая мусульманская легенда Мерадж. А.К. Антановіч гаворыць пра пяць спіскаў гэтай легенды і выказвае думку, што ўсе яны спісваліся з аднаго арыгінала. «В рукописи ЛАН-F21-814 на лицевой стороне 117 листа татарский текст 3-ей строки на белорусский язык, по неизвестной нам причине, не переведен. Эта строка белорусского текста отсутствует и во всех остальных списках легенды...» [1, с. 37]. Адсутнічае гэты радок і ў КХ (с. 1116). Значыць, легенда Мерадж у КХ таго ж паходжання. Знешняе афармленне яе такое самае: гарызантальны радок запісаны мовай арыгінала, а падрадковы (міжлінейны) – па-беларуску.

Ніжэй падаецца ўрывак з Мерадж-легенды, у якой апавядаецца пра падарожжа прарока Мухамеда на неба на крылатым кані па імені Бурак і наведванне раю і пекла. На небе Мухамед бачыў «аблічча» Бога і гаварыў з ім. Пра ўбачанае і пачутае прарок апавядае мусульманам. Легенда характарызуецца выкарыстаннем вобразных сродкаў жывой тагачаснай беларускай мовы:

(10) пашоў адтул(ь) | аднаго відзеў энгела дзіўнага | ўак гл(я)не гэты сьвет пусты учыніц(ь) | (105а) (I) ўак гл(я)не на мора | суха стане | ліджб(ы) немаш | без ліджб(ы) ачэй майе | (2) гл(я)нуў на мене | ўа велмі зл(я)ксе (...) | (3) адно крэсла паставілі пад ўего із агн(ю) | і седзіц(ь) той энгел на н(ё)м | (4) ўак семдзсят сьветоў | так велікай той энгел | на ўом адпачывае | (5) сам так страшна седзіц(ь) | без ліджб(ы) прэд ўім мукароў стайац(ь) | (6) скоро (а)бачыў страшн(ы)м ўего | велмі дрыжаў | спалохаўсе ўего | (7) дрыжалі косьці майе | ўак ліст на дзерэве | на твары ад мене стала | ўак песок | (8) і розум з галав(ы) в(ы)шоў (...) | (9) ўа муві | і | Джэбраіл | хто то йест | Джэбраіл мувіл | пекөл(ь)н(ы) вейавода то йест | ўа мувіл | нехай страшна не гледзіц(ь) | ні страх(а)м нутр мой нехай не паліц(ь) | (105б) (1) Джэбраіл мувіл | браце | саромейсе | страшна не гледзі на прарока ты |

У КХ шмат хадзісаў – выказванняў прарока Мухамеда, пацверджаных іншымі асобамі (гл., напр., сс. 336, 866–87а). Змест наступных старонак – рэлігійныя легенды аб Мерыяме (Марыі – маці Ісуса Хрыста) (с. 91а), аб смерці Мухамеда-прарока (с. 123б), аб стварэнні свету (с. 119а), аб размове Мусі-прарока (Майсея) з Богам (130б–131а), аб Сюлеймане. Усё гэта вядомыя тэксты, яны ўваходзяць у многія кітабы, апісаныя А.К. Антановічам.

У рукапісе нямала тэкстаў фальклорнага характару. На с. 133а падаецца тэкст «Калі мусюл(ь)манін сон відзіц(ь) ўакога дн(я)», на сс. 137б–140б – астралагічны зборнік «А шчасьлівых дн(я)х».

Рукапіс заканчваецца прыгодніцай гісторыяй аб рыцару Грыгорыю, напісанай па-польску або з моцным польскамоўным уплывам. Гэтая гісторыя ёсць і ў тэксце 1868 года пад сінатурай ВЭМ-13 [1, с.86–88].

На апошняй старонцы, акрамя звестак пра аўтара, знаходзіцца пячатка прарока Мухамеда з напісанымі ў цэнтры і па акружнасці галоўнымі мусульманскімі запаведзямі на арабскай мове.

Такім чынам, паводле зместу кітаб Хасяневіча з’яўляецца традыцыйным для такога роду пісьменнасці. У першай палове запісаны тэксты на мусульманскую тэматыку, у другой – тэксты фальклорна-мусульманскага характару. Тэматыкай і кампануюкай КХ падобны да кітаба XVIII ст. ЛАН-F21-

814 (другая назва – кітаб Луцкевіча⁴), які знаходзіцца ў бібліятэцы Літоўскай Акадэміі навук. У сваю чаргу да КХ падобны кітаб сярэдзіны XIX ст. (г.зн. пазнейшы па часе ўзнікнення) ВУ-391 (кітаб Карыцкага⁵), які знаходзіцца ў бібліятэцы Вільнюскага ўніверсітэта. Так, КХ і кітаб Карыцкага пачынаюцца генеалагічнай табліцай, ва ўсіх трох рукапісах супадаюць тэматычна і размяшчэннем шматлікіх тэксты, прытчы, аповесці, у тым ліку і Мерадж. Як і ў кітабах Луцкевіча і Карыцкага, у КХ таксама ёсць запіс аб чытанні малітваў па-беларуску: *калі учыш | ўак майё абрэкацё | калі па татарську не умеё | нехай абрэкайціцз па руску |* (с. 87а). Ці быў рукапіс Луцкевіча, як больш ранні, асновай для непасрэднага спісвання з яго тэкстаў А. Хасяневічам, можна сказаць толькі пасля больш дэтальнага тэксталагічнага аналізу. Ва ўсякім разе, гэтыя тры кітабы блізкія не толькі тэматычна, але і аб'ёмам. Так, кітаб Луцкевіча складаецца са 138 аркушаў (276 стар.), але ў ім, як пераканаўча паказаў А.К. Антановіч, было страчана 92 аркушы (184 старонкі), г.зн. першапачаткова кітаб складаўся з 230 аркушаў (460 старонак). Кітаб Карыцкага складаецца з 360 старонак, а кітаб Хасяневіча – з 316 старонак. Аднак трэба ўлічыць, што колькасць радкоў на старонках кожнага рукапіса розная: у кітабе Луцкевіча, як правіла, 17 радкоў, у кітабе Карыцкага – ад 17 да 22, у КХ, як правіла, 24 радкі.

Кітабы Луцкевіча і Карыцкага, як высветліў А.К. Антановіч, маюць адну моўную аснову і характарызуюцца а) недысімілятыўным аканнем; б) адсутнасцю падоўжаных зычных; в) перавагай формы 3-й асобы адзіночнага ліку дзеясловаў і спражэння без зычнага гука ў канчатку (*пішэ, чытайё*); г) наяўнасцю канчаткаў -аю і -ую ў Він. скл., адз. л. у прыметніках жан. роду (*у чыстайу землу і адзёжу чыстуйу*⁶); д) аднаскладовым канчаткам у прыметніках жан. роду ў Р. скл., адз.л. (*ад хвали божей*) [1, с. 55]. На думку А.К. Антановіча, месца напісання кітаба Луцкевіча, паводле адзначаных моўных асаблівасцей, «...можно определить юго-западной окраиной среднебелорусских говоров, непосредственно примыкающих к литовской языковой территории» [1, с. 55].

Пра моўныя асаблівасці КХ (больш падрабязна яны будуць разгледжаны ніжэй) можна сказаць, што ўсе пяць моўных адзнак, уласцівых кітабу Луцкевіча, у поўнай меры ўласцівы і КХ, хаця апошні характарызуецца шматлікімі іншымі і нават узаемавыключальнымі рысамі з пункту погляду сучасных дыялектных групавак. Напр., КХ у аднолькавай меры адлюстроўвае і словы, у якіх адсутнічае падаўжэнне зычных, і словы з падоўжанымі зычнымі (пра што ніжэй). Можна меркаваць, што перапісчык быў адначасова пад уплывам і арфаграфіі арыгінала, і свайго ўласнага моўнага густу. Прычым крыніц, на аснове якіх ствараўся новы кітаб, магло быць і некалькі, што залежала, напрыклад, ад заказчыка. Не выпадкова ў КХ некалькі разоў падкрэсліваецца, што тэкст спісаны з таго ці іншага кітаба. Напрыклад: *то йест с турэцкага кітабу... выложона* (с. 137б); *у кітабе шуруту сзеват пішэ...* (с. 131а) і інш. Некаторыя тэксты запісаны двойчы ў розных месцах кітаба (адзін з іх у выглядзе фрагмента падаецца ў пачатку публікацыі).

Перад кароткай характарыстыкай *графічных* асаблівасцей КХ да месца будзе наступная даведка. На с. 141б ёсць раздзел, прысвечаны арабскаму пісьму, якое ў рукапісе называецца «аліфам» (па назве першай літары арабскага алфавіта). Хутчэй за ўсё так называўся арабскі алфавіт у асяроддзі кніжнікаў. Але вось што цікава. Аліфам называецца ўласна арабская графіка,

⁴ І. Луцкевіч знайшоў і перадаў гэты рукапіс у бібліятэку.

⁵ Назва па імені перапісчыка Абрагама Карыцкага.

⁶ Запісана ў транслітарацыі А.К. Антановіча.

бо тут жа і падаюцца 29 яе знакаў – хурфаў⁷. Як вядома, у арабскім алфавіце 28 літар, і алфавіт застаецца нязменным на працягу многіх стагоддзяў, як, дарэчы, і арабская літаратурная мова. 29-ым хурфам названа лігатура ла (спалучэнне літары лям і аліфа).

Арабскаму алфавіту, або аліфу, надаецца ў рукапісе сакральнае значэнне ў цэлым і кожнаму хурфу – у прыватнасці. Напрыклад: у аліфе ёсць *двадзесьце хурфаў | кажны хурф чэлавёка напамінае і учыць з волі божай | ал[і]ф мувіць: ай чэлавечэ ўспомні сам на сябе [...] знай пана бога [...] [тэ] мувіць | чэлавечэ | кайсе | прасі пана бога | [...] пан бог мілосьцівы | грэхі твайе адпусьціць | бо грэх – атрута | а лекаства на то пакутэ |*.

У гэтым раздзеле пра аліф не ўпамінаюцца літары, што былі створаны дадаткова для перадачы спецыфічных беларускіх гукаў, якіх няма ў арабскай мове. Гэта літары для абазначэння гукаў [дз'], [ц' – ц], [ж], [ч], [п].

Тым не менш у КХ выкарыстоўваюцца, акрамя ўласна арабскіх, літары

د [дз'], ص [ц' – ц], ذ [ж], چ [ч], ب [п].

Разгледзім характэрныя графіка-арфаграфічныя асаблівасці КХ. Можна сцвярджаць, што традыцыйна для кітабаў XIX стагоддзя перадаюцца на пісьме галосныя гукі.

1. Вядома, што ўжо ў XIX ст. галосны [о] паслядоўна перадаваўся арабскай літарай ваў і значком фатха над ёй. У рукапісах XVII–XVIII ст. [о] абазна-

чаўся аднолькава з [у] – праз (ваў і дамма) і зрэдку – праз (ваў і фатха). У кітабе Хасяневіча [о] перадаецца двума спосабамі: праз (ваў і фатха), – як правіла, у сярэдзіне і ў канцы слова і праз (айн з вавам і

фатхай) – у пачатку слова. Прыклады першага абазначэння: *прарокі 8161, чаго 8165, такоё 8169*; прыклады другога: *олроч 864, оўца 38а4, он 862*. Акрамя таго, нярэдка ў пачатку слова гук [о] абазначаецца праз (аліф ў спалучэнні з вавам і фатхай), але гэта адносіцца да тэкстаў, якія змешчаны, як правіла, у канцы рукапіса і якія характарызуюцца адлюстраваннем польскамоўнага ўплыву. Гэта можа сведчыць толькі пра тое, што А. Хасяневіч у дадзеным выпадку пераносіць арфаграфічную традыцыю першакрыніцы. Напр.: *од крул(я) 148а13, ойцэм 145а2*.

2. Амаль усімі вядомымі спосабамі перадаецца гук [у]⁸: а) праз дамму: *хвалу 82а3, ризьку 82а22*; б) праз ваў і дамму *суднаго 81621, учонаму 36619*; в) айнам і даммай над ім: *учыніў 8167, убогіх 37611*; г) айнам у спалучэнні з вавам і даммай: *усё 51623, у веку 5461*; д) аліфам з даммай : *умметем 81618, у намазе 83620*; е) аліфам у спалучэнні з вавам і даммай : *наука 148а15, у седмі г'ловах 147613*. Першыя два спосабы выкарыстоўваюцца перапісчыкам часцей. Прычым выбар спосабу абазначэння [у] хутчэй не залежаў ад правілаў правапісу, калі такія існавалі. Такую агаворку

⁷ Хурф, або харф – арабскае «гук, літара». Гэтым тэрмінам у арабскай граматыцы называецца гук і літара. І гэта лагічна: кожнай асобнай арабскай літары адпавядае адзін і толькі адзін гук.

⁸ Як правіла, кожны перапісчык прытрымліваецца сваіх, любімых, графіка-арфаграфічных правілаў, выпрацаваных, магчыма, у рамках традыцый сваёй школы. Але кітабу Хасяневіча гэта не ўласціва, што ўскосна пацвярджае меркаванне аб некалькіх першакрыніцах, з якіх і быў складзены і спісаны КХ.

можна было б зрабіць толькі да асобных слоў, напрыклад, аліфам з даммай абазначаецца [y] у слове *уммет*. Перапісчык хутчэй за ўсё не прыдаваў значэння нейкаму адзінаму выкарыстанню графічных нормаў, але, магчыма, імкнуўся дакладна спісваць тэкст.

3. Рознымі спосабамі перадаецца на пісьме [i] ў пачатку, сярэдзіне і канцы слова. У пачатку слова выкарыстоўваецца аліф і кесра **إ** : *Ібрагім* 8162, *іншых* 54a4, а таксама – айн і кесра **ع** : *уцекайце* 38a13, *і ангёлы* 38a24. У сярэдзіне і ў канцы слова [i] абазначаецца: а) **ي** кесрай і б) літарай **ی** з кесрай, г. зн. **یي**.

Прыклады першага абазначэння: *напітку* 37618, *чыніць* 38616, *зямлі* 34a17, *вёл(ь)мі* 82a2; прыклады другога: *Ібрагім* 8162, *другі* 51624, *да ласкі* 5462.

Зрэдку галосны [i] абазначаецца аліфам і кесрай перад літарай **ي** : **ایي**. Напр.: *без іману* 3668.

Гук [ы] у пазіцыі пасля цвёрдых і зацвярдзелых зычных перадаецца наступным чынам: а) значком кесра **ي** і б) спалучэннем літары **ي** з кесрай, г.зн. **يي**. Напрыклад: а) *выгнаны* 82a2, *сьцерэжы* 33a3, *божы* 39a16, *згрэшыў* 82a1 і б) *вы* 82611, *гэты* 32617, *хворы* 32617, *скажы* 3263.

Спалучэнне літары **ي** і кесры **ي** перадае спалучэнне гукаў [йі] у айменніках формах *йіх*, *йім* 55a6; а таксама ў пазіцыі пасля галоснага: *у райі* 5466 і п.

4. Гук [а] у пачатку слова часцей перадаецца аймам з аліфам і значком фатха **ع**, што з'яўляецца, можна сказаць, любімым і паслядоўным графічным праёмам перапісчыка: *абы* 8167, *ангел* 37621, *аднаму* 37621, *алё* 82a14, *адно* 2165. Цікавае ў гэтым сэнсе назіранне А.К. Антановіча і яго вывад пра тое, што некаторыя асаблівасці пісьма беларускіх тэкстаў звязаны з месцам іх узнікнення. «Замечено, – піша даследчык, – что в белорусских текстах с языковыми особенностями, свойственными... северо-западной окраине среднебелорусских говоров, для обозначения начальных гласных в большинстве случаев употребляется буква айн **ع** » [1, с. 189]. Акрамя таго, гук [а] перадаецца а) аліфам з фатхай **أ** і радзей б) аліфам з мадай **آ** : а) *прарокі* 8161, *ад* 81624, *кланелісе* 8161, б) *Адам* 131a12, *ан(ё)лы* 150a18.

Сярод іншых асаблівасцей абазначэння галосных гукаў можна адзначыць частае ўжыванне вертыкальнай (ці блізкай да вертыкальнай) фатхі над літарамі **ي** *йа*, **ب** *ба*, **ت** *нун*, **ث** *са*. Аднак сказаць пэўна, што такім чынам абазначаецца толькі гук [‘а] або [а], не даводзіцца. Можна дапусціць, што ў слове *усел(я)кайа* (*наука*) 33613 вертыкальная фатха абазначае пасля **ي** [‘а], гэта падтрымліваецца граматычнай сувяззю слоў. У слове *сабе* 32a13 вертыкальная фатха абазначае [е]. Значыць, чытанне вертыкальнай фатхі магчымае і як [‘а], і як [е], відаць, у залежнасці ад кантэксту.

Перадача зычных гукаў больш паслядоўная, хаця і тут назіраецца папераменнае выкарыстанне літар-дублёраў. Так, мяккі зычны [с’] увогуле можа перадавацца трыма арабскімі літарамі. У тэксце выкарыстаны дзве, літара **س** *сін* перадае [с’] у словах *месец* 52a6; *на сём* 82a22, *тісечей* 38a23, *райскіё* 36620, а літара **ش** *са* – у словах *на сьвеце* 82a22, *дасьць* 82a23, *сеў* 35a9, *сьветласьці* 8261. Перапісчык свабодна карыстаецца імі нават у адным радку, на адной старонцы, хаця і заўважаецца пэўная арыентацыя на арфаграфічную норму: першая літара пішацца, як правіла, толькі ў такіх

словах, як *тысяча, мусюл(ь)манські, Іся* (Ісус) *Муся* (Майсей), а другая – у словах *сьвет, сьветласьць, шэсьцьдзесят*, у зваротнай часціцы –ся (-се).

Для абазначэння цвёрдага [с] паслядоўна выкарыстоўваецца асобная літара *сад: сон* 133аб, *спаліць* 82а9.

Увогуле, абазначэнне цвёрдасці-мяккасці зычных традыцыйнае. Так, для перадачы мяккага [к'] паслядоўна выкарыстоўваюцца літара *кяф* ك, для цвёрдага [к], як правіла, – літара *каф* ق. Толькі ў адзінкавых выпадках знаходзім апошнюю на месцы мяккага [к']: *пулмяркі* 47618, *мукі* 50а3.

Як літары-дублёры выкарыстоўваюцца ب і ت. Апошняя ў кітабах XVII ст. абазначаўся мяккі [т'(ц')]. У КХ яны абедзве абазначаюць цвёрды [т]. Гэта пацвярджаецца абазначэннем літарай ت этамалагічна цвёрдага [т]: *студню* 32616, *на паветру* 92а12, *то* 92а16, *тайа* 11769, *шытыйе* 66а8, *дастаніш* 7961, *датыкаўсе* 80а15, *брату* 8364, *барадатых* 44616, *устыдайусе* 44617, *тры* 47а14 і некат. інш. Слова *тысяча*, як правіла, пішацца з ت, толькі ў адзінкавых выпадках – з літарай ب : *тысечэ* 61а5, 61а6. З'ява гэтая не новая, у большай ці меншай ступені яна ўласціва некаторым арабскаалфавітным беларускім рукапісам XVII- XVIII стст. [1, с. 253-257]. Цікава, аднак, тое, што найбольш ярка яна адлюстравалася ў кітабе Луцкевіча. Можна сказаць, што КХ і кітаб Луцкевіча збліжаюцца не толькі зместам і кампанойкай тэкстаў, але і графіка-арфаграфічнымі асаблівасцямі, і ў прыватнасці выкарыстаннем літары ت у нехарактэрнай ролі – для абазначэння цвёрдага [т]. Можна меркаваць, што у КХ гэта з'явілася вынікам арфаграфічнага ўплыву нейкай першакрыніцы, якая была створана ў значна ранейшы час і якой потым карыстаўся А. Хасяневіч.

Што да выкарыстання іншых арабскіх літар для абазначэння зычных гукаў, то можна адзначыць 1) пераважнае напісанне літары *дад* ض для абазначэння цвёрдага [з] у параўнанні з літарай *за* ظ ; 2) спецыфічныя абрысы літары для зычнага [ш], што, відаць, тлумачыцца індывідуальнасцю самога перапісчыка. Параўн. алфавітную літару *шын* ش і аўтарскую ث. Аўтарская нагадвае літару *са* ث [с'], але адрозніваецца тым, што замест дзвюх кропчак ставілася рыска; 3) алфавітнае і індывідуальнае напісанне літары *ра* для абазначэння [р]: ر і ر ; 4) ужыванне літары ذ, контуры якой не выходзяць за ніжні край радка, для абазначэння гук [ж] ва ўсіх пазіцыях. У арабскаалфавітных тэкстах, даследаваных А.К. Антановічам, гэтая літара ў такім графічным выкананні сустракаецца рэдка, напр., у «Турэцка-беларускім размоўніку 1836 года» гэтая літара ўжываецца ў дзвюх рэдакцыях: ذ і ذ [7].

Часцей літара ذ у кітабах XVII–XIX стст. выходзіла за ніжні край радка.

Астатнія літары для абазначэння зычных выкарыстоўваюцца традыцыйна для кітабаў XIX ст.

У кітабе Хасяневіча, калі не лічыць рэдкіх урыўкаў, напісаных з моцным польскамоўным уплывам, знаходзім тагачасную жывую беларускую мову. Іншая справа, што КХ не мае адзінай дыялектнай асновы. Нягледзячы на тое, што рукапіс ствараўся на тэрыторыі цэнтральнай часткі Беларусі, у ім

адлюстраваліся фанетычныя і граматыныя рысы тагачасных гаворак не толькі адзначанага арэала, але і рысы гаворак, якія знаходзяцца на памежжы сярэднебеларускіх гаворак і паўночна-ўсходніх з аднаго боку і паўднёва-заходніх – з другога. Можна меркаваць, што асновай для стварэння КХ было некалькі першакрыніц, адрозных па сваёй дыялектнай аснове, або адна крыніца, якая шмат разоў перапісвалася на розных тэрыторыях або носьбітамі розных гаворак. Як бы там ні было, у КХ зафіксаваліся моўныя рысы, якія ў асобных выпадках носяць узаемавыключальны характар з пункту погляду сучаснага падзелу на дыялектныя групы. Разгледзім найбольш характэрныя фанетычныя і марфалагічныя асаблівасці, адлюстраваныя ў *арфаграфіі* КХ. Гэта:

- частая перадача поўнага недысімілятыўнага акання ў пераднаціскным і паслянаціскным становішчы: *дачасным 2068, многа 37620, гаспадарства 3166, паламайце 38а1, скоры 34а12, дарогу 41613, свайім 42а8, суднага 49а10, добрага 36622, старога 44614, нікога 23618, волас, танчэйшы 23619, гара 1764, бліска 28а19*. А.К. Антановіч піша пра тое, што аканне ўвогуле добра адлюстравана ў кітабах, а вось яканне – «вельмі рэдкая з'ява» [1, с. 280]. У КХ яканне знайшло сваё адлюстраванне, хаця адметнасцю, характэрнай асаблівасцю не стала: *цябе 15а8, в(я)домасьц(ь), у йаго 71611, сьл(я)пыё 1263, сьв(я)тых 74а11*;

- ужыванне слоў займеннікавага тыпу з канчаткамі *-ага (-ога)* і *-аго ў Р. скл.*, адз. л.: *суднага 49а10, добрага 36622, старога 44614, нікога 23618 і хмелнага 37618, суднаго 3761, кураннаго 37а9, кажнаго 44614, шостаго 129а6, осьмага 129а9*;

- адлюстраванне няпоўнага недысімілятыўнага акання ў перад- і паслянаціскным становішчы: *почне 3661, добротлівы 27а10, нічога 13а8, стало 12619, далёка 12619, добросьць 25а20*;

- поўнае недысімілятыўнае яканне ў паслянаціскным становішчы: *мацяры 24623, добрасьцьцяй 36а20, бярыця 13а3, зчарнейа 1666, уставайця 22а2*;

- непаслядоўнае адлюстраванне падвойжаных зычных: *лічбыздаванне 27а10, расказанне 22а6, стайанне 23а6, збавеннем 7067, адпосьнікаванне 9166 і йедзене 34а6, адзене 28а7, у стайані 23а7, напамінане 15а23*. Нярэдка старажытнае спалучэнне «мяккі зычны + ь» перадаецца спалучэннем «зычны + йе»: *прыказаньё 95а2, брацьё 71в15, каменьё 9462, адзеньём 37а22, голё 6961 і спалучэннямі «зычны + йа», «зычны + йо»: брацьё 71в22, піцьё 34а6, пецьё 37а2*;

- нярэдкае адлюстраванне дысімілятыўнага якання (акання) у асабовых формах дзеяслова ў паслянаціскным становішчы: *будзіш 38а7, майіш 44а16, выпійіш 130а8, абрадуіцца 133а7, пытайіш 130616*. Тут варта адзначыць таксама і перадачу дысімілятыўнага якання ў часціцы *не ў пераднаціскным становішчы: ні кажы 127а24, ні йэст роўны 126а2, ні ударыў 128622, ні учыніш 130а9, ні забьёш 130а11, ні муў нічога 77619, ні радзіўсе 8061*. Разам з тым паралельна выкарыстоўваецца і часціца *не: не учыніш 130а12, не выпійіш 130а8, не знайё 63617 і інш.*;

- адсутнасць, як правіла, прыстаўнога [в] перад націскнымі [о], [у]: *осім 62а14, очы 12а7, науку 1268, ушы 21а23, учыце 43а8*. Радзей сустракаецца прыстаўны [в] перад націскным [у]: *вушы 51620, вузел 32615*, а таксама і перад ненаціскнымі [а], [у]: *у вушах 7462, у вачах 7463*;

- пераважнае выкарыстанне дзеясловаў цяп. ч. у 3-й ас., адз. л. без зычнага гукі ў канчатку: *дачэкайё 17615, зьгіне 5866, ужывайё 74а24, ведайё 36617, прыйдзе 20а8, майё 7461*. Радзей сустракаюцца формы з канчаткам *-ець (-эць): прыйдзец(ь) 21620, пішэц(ь) 29а17, будзець 2363*;

– наяўнасць канчаткаў - аю і - ую ў назоўніках жан. роду ў Він. склоне, адз. ліку: *добрайу вол(ю) учыніў 30а9, у лэвайу руку 23а17, велікайу бол(ь) меў 124517 і на добруйу раду не радзіў 72а9*;

– наяўнасць слоў займеннікавага тыпу з канчаткамі -ім (-ым), -ом, -ам (-ем) у М. скл., адз. ліку: *у йаўным 20623, у тым, дачасным (сьвеце) 2068, у йаўным 20623, у свайім 21а22, на трэцім 24а10, у каторым 33а14, у адном 21а7, у кожным 23а6, у другом 23623, у йом 5864, у шостам 23а10, у трэцём 23623, у кожным 24а1*;

– наяўнасць канчаткаў -і, -ы ў прыметніках і займенніках муж. р. у Н. скл.: *прароцкі 9369, ласкавы 49610, добры 5865, мілосьців(ы) 124617, гэт(ы) 18а6, судн(ы) 19610, пусты 21617*. Зрэдку фіксуюцца прыметнікі і займеннікі з канчаткам -ый: *гэтый 54а4, мілосьцівый 4364*;

– ужыванне дзеясловаў у форме прошлага часу у муж. родзе з суфіксам -ў: *стварыў 30622, меў 123616, лежаў 123615, дыжаў 123616, плакаў 123617*. Зрэдку сустракаюцца і формы з суфіксам -л, але іх выкарыстанне трэба разглядаць як уплыў польскамоўных тэкстаў: *мувіл 99а6, карал 121а24*;

– інфінітыўныя формы на -ць і -ці: *бегць 22а5, йесьць 36а5, 4665, гнісьці 56623*;

– формы загаднага ладу дзеясловаў на -іце, -ыце: *ідзіце 54а1, паберыце 65612, прыйдзіце 65612, азьміце 65614, пачніце 65614, чыніце 4967*;

– будучы складаны час з дзеясловам буду і зрэдку – са старажытным дзеясловам *иму*: *пытаць будуць 23623, радавацісе будуць 25а19, сёдзець будуць 25611 і судзіцьмець 36623, верыцьмець 63а23*.

Кітаб Хасяневіча мае бясспрэчную каштоўнасць у вывучэнні беларускай мовы XIX ст. Прадметам навуковага асэнсавання можа стаць, напрыклад, усебаковае даследаванне лексікі. Але гэта – асобная тэма.

ЛІТАРАТУРА

1. **Антонович А.К.** Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968. С. 8-23.
2. **Несцяровіч В.І.** Кітабы // Беларуская мова. Энцыклапедыя. Мінск, 1994. С. 261-262.
3. **Канапцкі І.Б., Смолік А.І.** Гісторыя і культура беларускіх татар. Мінск, 2000. С. 204-217.
4. Ёсць і кітабы, напісаныя польскай мовай. Гл., напр., *Łapicz Cz. Kitab tatarow litewsko-polskich* (paleografia, grafia, język). Toruń, 1986.
5. **Рукапісныя і друкаваныя кнігі беларускіх татароў** // Каталог выставы: Да 600-годдзя татарскага асідніцтва на Беларусі. Укладальнікі: **Л. Доўнар, Т. Самайлюк, Т. Дзем'яновіч**. Мінск, 1997. С. 8-9.
6. **Клепиков С.А.** Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. М., 1959.
7. **Турэцка-беларускі размоўнік 1836 году** / Прадмова, падрыхт. і публ. **Г. Аляксандравіч-Мішкінене і С. Шупы**. NEW YORK, 1995. С. 8.

S U M M A R Y

The essay contains a scientific description of the Belarusian text lettered in Arabic in 1832 by Alexander Khasyanevich. The contents, paleography, graphics and orthography of the manuscript are characterised in detail.

Поступила в редакцию 30.04.2001

Г.К. Тычка

Польскі рэгіяналізм і яго ўплыў на беларускую літаратуру XIX – пачатку XX стагоддзяў

Тэрмін рэгіяналізм распаўсюдзіўся ў Польшчы ў перыяд паміж першай і другой сусветнымі войнамі. У гэты час слова рэгіяналізм пачынае функцыянаваць як прыклад тыпалагічнага паняцця. Аднак пэўная колькасць рыс, якія ахоплівае гэты тэрмін, выявілася значна раней. Перш за ўсё ў светапоглядзе польскіх рамантыкаў, які быў сфармаваны і залежаў на працягу ўсяго іх творчасці ад культу роднай зямлі. «А можа, хочаце ведаць, панове, які мой ідэал? – звяртаўся напрыканцы свайго жыцця недзе ў верасні 1855 года Адам Міцкевіч да польскіх эмігрантаў у Парыжы. – Хочаце ведаць, чаго я сам сабе жадаў бы? То я вам скажу! Я хацеў бы трапіць да маіх літоўскіх бароў, там хацеў бы застацца адзін, нікога не бачыць, барані Бога, не чытаць ніякай газеты і толькі размаўляць з Богам, птушкамі і дрэвамі! А вы едзеце ў Парыж! Вы хочаце ўбачыць Парыж! На гэтым трымаецца свет! Кожны павінен да нечага імкнуцца! Вы ў Парыж, я да маіх літоўскіх бароў» [1].

Гэты культ роднай старонкі, гістарычнай тэрыторыі Літвы робіцца візітнай карткай творчасці, бадай, усіх сучаснікаў, паслядоўнікаў і нашчадкаў Адама Міцкевіча, нараджэннем і лёсам звязаных з гэтай зямлёй. Ад рамантычна настроеных філаматаў і філарэтаў да пазітывісткі Элізы Ажэшкі.

Прадстаўнікі «вялікай эміграцыі» (палітычныя дзеячы, пісьменнікі і вучоныя, якія пакінулі радзіму пасля паражэння паўстання 1830-1831 гг. і ў наступныя дзесяцігоддзі: А. Міцкевіч, А. Гарэцкі, Ю.-У. Нямцэвіч, М. Махнацкі, Ю. Клячко, І. Лявель і інш.), а таксама М. Здзяхоўскі і Э. Ажэшка, пад тэрмінам Літва разумелі канкрэтныя тэрыторыі, што ляжалі ў той час на ўсход ад межаў так званага Кангрэсавага Каралеўства Польскага і былі Заходнімі губернямі Расійскай імперыі, а гэта значыць, тэрыторыяй сучаснай Рэспублікі Беларусь.

Нацыянальная самаідэнтыфікацыя насельнікаў беларускіх зямель была спалучана з шэрагам этнагістарычных і палітычных праблем не толькі на працягу ўсяго XIX, але і на пачатку XX стагоддзя. «Чым быў наш край, – успамінае Марыя Чапска, – родная Беларусь, як не часткай Вялікага княства Літоўскага, на працягу чатырох стагоддзяў спалучаны з Польшчай і захоплены Расіяй? Пра нацыянальную свядомасць беларусаў, якая толькі абуджалася, мы нічога тады не ведалі, трэба было выбіраць паміж Польшчай і Расіяй, а мы не сумняваліся, што наш край павінен вярнуцца ў Польшчу, у незалежную Польшчу ў ранейшых межах да яе падзелаў» [2].

Палітычная праграма польскіх патрыётаў тэрытарыяльна прэтэндавала на ўсе так званыя «крэсавыя» лакальныя айчыны палякаў, пад якімі разумелася найперш тэрыторыя былога ВКЛ. Праграма гэтая распаўсюджвалася самымі рознымі сродкамі – ад афіцыйных палітычных дэкларацый да твораў паэзіі ўключна. Змест Маніфеста Дэмакратычнага польскага таварыства, які быў прыняты 8 траўня 1832 года, амаль даслоўна паўтарала «Песня Януша» вядомага паэта Вінцэнта Поля (1807–1872), выкладчыка Віленскага універсітэта, актыўнага ўдзельніка паўстання 1831 года, пазней палітычнага выгнанца.

Byłem w Litwie i w Koronie,
Byłem w tej i w owej stronie,
Byłem tu i tam,
Od Beskildów do Pomorza,
Z Litwy aż do Zaporozża

Całą Polskę znam
Znam to całe szczere plemię,
Polskie morza, polskie ziemie,
I tę polską sól:
I o wszystkim marze roję,
I to wszystko niby moje,
Nibym polski król. ¹[3]

Нягледзячы на шматэтнічнасць насельніцтва, культуралагічныя і моўныя адрозненні розных рэгіёнаў, большасць тагачаснага адукаванага польскага грамадства выяўляла стан свядомасці ў нацыянальным пытанні, падобны да таго, што адлюстравалася ў адным з фрагментаў «Песні пра зямлю» ужо згаданага В. Поля:

A czy znasz ty, bracie młody,
Te pokrewne twoje rody,
Tych Górali i Litwinów,
I Zmudź święta i Rusinów?²[3, c. 122]

«Не было дзяржавы, але заставалася Польшча, і не было сумненняў у разуменні ўжывання гэтага паняцця. Сувязь з зямлёй, дворам, засценкам, суседзямі ці парафіяй, але таксама і з абшарам, які калісьці насіў назву Рэчы Паспалітай абодвух народаў, кшталтавала тагачасны патрыятызм. Тэрытарыяльныя павязі ляжалі ў аснове сістэмы вартасцяў, уключаных у слова Польшча ці Айчына, – піша даследчыца таго перыяду І. Лескевічова. – Шматнацыянальнасць папуляцыі, шырока расселенай паміж Карпатамі, Дняпром і Балтыкай, якую мы сёння добра ўсведамляем, у тыя часы было паняццем, што абмалёўвалася невыразна альбо ўвогуле было чужым, як тым, што свядома фармавалі мэты канспіратыўнага ці адкрытага дзеяння, так і народным масам з нявыкрышталізаванай яшчэ нацыянальнай свядомасцю» [4].

¹ Быў у Літве і ў Кароне, Быў у той і ў гэтай старане,
Быў тут і там.
Ад Бяскідаў да Памор'я,
З Літвы і ажно да Запарожжа
Усю Польшчу ведаю.
Ведаю ўсё гэтае шчырае племя,
Польскае мора, польскую зямлю,
І гэтую польскую соль.
І пра ўсё гэта мару, мрою,
І ўсё гэта нібы маё,
Як быццам я польскі кароль.
(Падрадкавы пераклад)

² А ці ведаеш ты, малады брат,
Тыя кроўныя твае роды,
Тых гуралей і ліцвінаў,
І святую жмудзь і русінаў? (Падрадкавы пераклад)

Гэтым істотным момантам і тлумачыцца складанасць і неадназначнасць беларуска-польскіх літаратурных і культурных ўзаемасувязяў, якія маюць багатую і старажытную гісторыю. Пачатак свой яны бяруць яшчэ з сярэднявечча, калі беларускія землі былі ўключаны ў склад адзінай Польшка-Літоўскай дзяржавы. Тэрытарыяльнае эканамічнае і палітычнае адзінства знайшло свой адбітак як у лёсах і творчасці вядомых беларускіх пісьменнікаў, так і ў нацыянальнай польскай культуры і літаратуры, якія многія накірункі свайго развіцця прайшлі, дзякуючы менавіта рэгіянальным, этнічна чужым прадстаўнікам і школам.

У сучасным беларускім літаратуразнаўстве гісторыя беларуска-польскіх літаратурных узаемасувязяў даследавана досыць грунтоўна. Да найбольш значных прац у гэтым накірунку належаць даследаванне Адама Мальдзіса «Творчае пабрацімства. Беларуская-польская літаратурная ўзаемасувязь ў XIX ст.», Мінск, 1966; кніга Алега Лойкі «Адам Міцкевіч і беларуская літаратура», Мінск, 1959; даклад на V Міжнародным з'ездзе славістаў А. Лойкі і Н. Перкіна «Беларуска-польская літаратурная ўзаемасувязь ў XIX ст.», Мінск, 1963; а таксама даклад А. Мальдзіса на VII Міжнародным з'ездзе славістаў «Традыцыі польскага асветніцтва ў беларускай літаратуры XIX ст.», Мінск, 1972.

Літаратурныя ўзаемасувязі з польскай культурай у набліжэнні да нашага часу даследуюцца ў працы У. Казберука «Ступені росту. Беларуская літаратура пачатку XX стагоддзя і традыцыі польскіх пісьменнікаў», Мінск, 1974.

У польскім літаратуразнаўстве варта адзначыць наступныя працы: S. Stankiewicz «Pierwiastki białoruskie w polskiej poezji romantycznej». Wilno, 1936; T. S. Grabowski. «Z pogranicza polsko-białoruskiego» w: Księga pamiątkowa ku czci S. Pigonia, Kraków. 1961; W. Stochel. «Powstanie styczniowe w literaturze białoruskiej». Przegląd Hum. 1972, № 1; M. Janion. «Szkola białoruska w poezji polskiej» // Przegląd Wschodni. 1991, № 1 і інне.

З гэтых даследаванняў вынікаюць наступныя істотныя для нашай працы моманты. Першае, што ўжо ў 30-я гады XIX стагоддзя ў філамацкім асяроддзі нараджаецца і творча развіваецца беларускі рэгіяналізм. Гэты рэгіяналізм, які з'яўляўся натуральным складнікам усяго еўрапейскага рамантызму, на Беларусі найбольш яркава выявіўся ў творчасці А. Міцкевіча. Праявы яго заўважны як у творчым выкарыстанні тэмаў і матываў беларускага фальклору, так і ў агульнай скіраванасці найбольш значных, эпахальных для літаратуры твораў пісьменніка – «Пане Тадэвушы», «Дзядах», «Конрадце Валенродзе», «Кнігах польскага народу і польскага пілігрымства», дзе выказваюцца думкі, што Польшча без Літвы не Польшча, а толькі частка яе – Карона.

Яшчэ пры жыцці А. Міцкевіча ў тагачаснай польскай літаратуры з'явілася паняцце рэгіянальнай школы, высунутае А. Тышыньскім і падтрыманае пазней М. Грабоўскім і Е. Дэмбоўскім. У канцэпцыі рэгіянальных школ галоўным крытэрыем з'яўлялася адметнасць духу і стылю, пазначаная пэўным рэгіянальным адзінствам. З чатырох прапанаваных А. Тышыньскім мастацкіх школ (літоўскай, украінскай, пулаўскай і кракаўскай), да якіх творцы залічваліся не паводле біяграфічных дадзеных, а паводле стылёва-мастацкіх асаблівасцей творчасці, найбольш прынятай у гісторыі літаратуры лічыцца школа ўкраінская, у якую ўключаюць Б. Залескага, А. Мальчэўскага, М. Чайкоўскага, А. Грозу і нават Ю. Славацкага [5].

Вядомая сучасная польская даследчыца эпохі рамантызму Мар'я Яніон сфармулявала паняцце беларускай школы, якая, паводле яе меркавання, узнікае ў літаратуры ў 40-ыя гады XIX ст. і звязана найперш з імёнамі Яна Баршчэўскага і Тадэвуша Лады-Заблоцкага [6].

Нягледзячы на спрэчнасць часавых рамак і персаналій (на што звярталася ўвага ў сучасным польскім літаратуразнаўстве), для нас надзвычай істотным застаецца факт прызнання існавання беларускай рэгіянальнай школы ў польскай літаратуры XIX ст., засведчаны аўтарытэтнымі польскімі даследчыкамі. Паняцце беларускай рэгіянальнай школы ўвогуле вельмі складанае, і павінна стаць аб'ектам асобнага даследавання найперш з-за нявызначанасці этнічнага наймення беларускай народнасці ў XIX ст.: літвіны, тутэйшыя, беларусы. Так званая літоўская школа, вылучаная А. Тышыньскім, да якой адносіў сябе і сам А. Міцкевіч, можа лічыцца не столькі літоўскай, колькі беларускай з-за пашыранасці тапанімічнай назвы Літва на беларускія землі [7].

На пачатку XIX стагоддзя пачынаецца новы этап у працэсе станаўлення беларускай народнасці і нацыянальнай беларускай культуры. У гэты час найбольш значным цэнтрам інтэлектуальнага жыцця на этнічна беларускіх землях з'яўляецца Віленскі універсітэт. Зрэшты, уплыў і значэнне яго выходзяць далёка за межы былога Вялікага княства Літоўскага. Гэтая вышэйшая навучальная ўстанова задавала тон духоўнаму жыццю на ўсёй тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай. Так адбывалася, дзякуючы працы і дзейнасці знакамітых вучоных: гісторыка Іяхіма Лялевеля, філолага Леона Бароўскага, братоў Снядэцкіх: Яна – матэматыка і астранома і Енджэя – хіміка і біёлага, якія абодва не цураліся літаратуры, выступаючы з літаратурна-крытычнымі творамі. Маладыя гарачыя галовы, як называлі тады прыхільнікаў новага рамантычнага кірунку ў літаратуры на чале з Адамам Міцкевічам, зрабілі Вільню своеасаблівай сталіцай беларуска-літоўскага краю, якая не толькі ў палітыцы супрацьстаяла канфармізму і згодніцтву Варшаўскіх салонаў, але і ў паэзіі адмежавалася ад варшаўска-кракаўскіх паслядоўнікаў класіцызму.

Рэгіянальная адасобленасць гэтых зямель ад іншых тэрыторый Рэчы Паспалітай садзейнічала не толькі этнічна-культурніцкай адметнасць, але і палітычная атмасфера на Беларусі і ў Літве, якая характарызаваўся больш жорсткай палітыкай царскіх улад у дачыненні да насельніцтва гэтага краю. Такое становішча выклікала актыўнае супраціўленне, што вылілася ў арганізацыю патаемных гурткоў пераважна студэнцкай моладзі (філаматы і філарэты, гурток Францішка Савіча), а таксама ў дзейнасці славутага таварыства шубраўцаў і яго выдання «Wiadomości brukowe».

Геапалітычная сітуацыя змушала этнічна іншародную моладзь у сваёй асветніцка-патрыятычнай дзейнасці вызнаваць, тым не менш, найперш польскую агульнанацыянальную ідэю.

Менавіта патрыятычныя памкненні вызначалі духоўнае жыццё тагачаснай Беларусі, якое праходзіла пад знакам ідэй асветніцтва і рамантызму.

А паколькі бацькаўшчына была этнічна неаднароднай, і гэтую неаднароднасць рамантызм з яго скіраванасцю да фальклорна-этнаграфічнай адметнасці яшчэ больш падкрэсліў і выпукліў, у XIX ст. у апалячанай беларускай шляхты, з якой і паходзіла большасць студэнтаў Віленскага універсітэта, не толькі з'яўляецца, але і свядома культывуецца пачуццё мясцовага патрыятызму. «Узнікае імкненне, часам неасэнсаванае, падкрэсліць сваю адметнасць ад «кароннай Польшчы». У найбольш радыкальнай і свядомай часткі засцянкавай шляхты «мясцовы патрыятызм» паволі перарастае ў беларускі», – адзначае А. Мальдзіс [8].

Менавіта патрыятычная скіраванасць спрыяе пільнай зацікаўленасці сацыяльна-эканамічнымі праблемамі і побытам народа, што спараджае сацыяльна-завостраныя творы, а таксама тэндэнцыйна-скіраваную публіцыстычную паэзію. Пра грамадска-палітычнае значэнне літаратуры ў тыя часы

сведчаць наступныя факты. Першае, што пасля паўстання 1830 г. на Беларусі былі забаронены практычна ўсе творы А. Міцкевіча. І забарона гэтая, якая трошкі паслабла ў канцы XIX ст., праіснавала ажно да 1905 года. А другое, што творы А. Міцкевіча, У. Сыракомлі, К. Уейскага шырока распаўсюджваліся на Беларусі падчас паўстання 1863 года.

Культываванне пачуцця рэгіянальнай адасобленасці спрыяе ўзнікненню твораў на беларускай мове, якія, пачынаючы з адзіночных спроб А. Міцкевіча, займаюць усё больш істотнае месца ў творчасці польскамоўных паэтаў XIX ст.: Я. Чачота, Я. Баршчэўскага, У. Сыракомлі. Гэтая тэндэнцыя з часам прыводзіць да ўзнікнення вызначальнай для гісторыі беларускай літаратуры XIX ст. з'явы – наяўнасці пісьменнікаў двухмоўнай арыентацыі. У большай ці меншай ступені двухмоўнымі беларуска-польскімі (ці наадварот) літаратарамі робяцца фактычна ўсе прадстаўнікі тагачаснага беларускага пісьменства: В. Дунін-Марцінкевіч, Янка Лучына, А. Гурыновіч, А. Вяртыга-Дарэўскі, В. Каратынскі і нават найбольш нацыянальна зарыентаваны Ф. Багушэвіч.

Важным фактарам станаўлення новай беларускай літаратуры стала тое, што яна фармавалася ва ўмовах частковай перарванасці ўласных традыцый развіцця – ад старажытнасці да сучаснасці.

Новая беларуская літаратура ўступала ў новае XX стагоддзе ўзбагачаная ўласным (хай сабе і сціплым і не такім ярка праяўленым, як у суседніх польскай і рускай літаратурах) вопытам засваення і пераапрацоўкі ўсіх вызначальных на той час элементаў еўрапейскага мастацтва.

Нацыянальна-беларускі рух у гэты час, інтэнсіўна актывізуючыся і пашыраючы свой абсяг, вылучыў магутныя постаці нацыянал-адраджэнцаў. У беларусаў, як і ў большасці паняволеных славянскіх народаў (тых жа палякаў, напрыклад), працэс кшталтавання нацыі, нацыянальна-вызваленчая барацьба былі звязаны з развіццём нацыянальнай літаратуры, са светапоглядным станаўленнем творчых індывідуальнасцей, цэнтральнае месца сярод якіх належыць Янку Купалу.

Адметнай асаблівасцю ўсіх маладых нацыянальных літаратур XIX – пачатку XX стагоддзяў была іхняя непасрэдная повязь з працэсам кшталтавання нацыянальнай ідэі і тым гісторыка-палітычным грунтам, з якога гэтая ідэя ўзрастала. Для беларускай нацыянальнай ідэі, а значыць і для новай беларускай літаратуры, якая не толькі дэкляравала гэтую ідэю, але і жылася ёй, такім грунтам сталася тэза вяртання страчанай нацыянальнай дзяржаўнасці і палітычнай незалежнасці роднага краю, традыцыі якіх бачыліся ў старажытнай беларускай гісторыі – найперш у гістарычнай спадчыне Вялікага княства Літоўскага. У выніку геапалітычнага становішча тэрыторыі ВКЛ на працягу стагоддзяў эканамічна, сацыяльна і культуралагічна былі з'яднаны з тэрыторыяй Польшчы. Польскі нацыянальна-вызваленчы рух у значнай ступені ўплываў і фармаваў беларускае нацыянальнае адраджэнне. Сучасныя даследчыкі аднадушна падкрэслваюць этнічную неаднароднасць ВКЛ і – як вынік – адсутнасць дакладна вызначанай нацыянальнай самаідэнтыфікацыі яго насельнікаў не толькі ў XIX, але і на пачатку XX стагоддзяў, калі Рэч Паспалітая (Польшча) успрымалася большасцю з іх як агульная радзіма, а найменне паляк асацыявалася з усімі этнасамі, што насялялі тэрыторыю былой вялікай, «ад мора да мора», дзяржавы, было агульнай родавай назвай, якая тым не менш не адмаўляла спецыфічных рэгіянальных (нацыянальных) адметнасцей вяхароў Беларусі, Літвы, Украіны, этнічнай Польшчы. Менавіта на аснове польскамоўнай (рэгіянальна-беларускай) культуры, народжанай на тэрыторыі Беларусі ў XIX стагоддзі, узнік і расцвіў польскі рамантызм у асобе А. Міцкевіча і яго шматлікіх паслядоўнікаў: А. Ходзькі, А. Гарэцкага, Э. Адынца, Ю-У. Нямцэвіча, У. Сыра-

комлі. Гэтая рэгіянальная польскамоўная культуралагічная школа сталася тым рэальным падмуркам, на якім стаў узводзіцца яшчэ ў XIX ст. гмах так званай новай беларускай літаратуры.

Знітаванасць нацыянальна-вызначанай беларускай культуры з гістарычнай польскамоўна-рэгіянальнай культурнай школай арганічна выявілася ў творчасці Янкі Купалы. Тут у сімвалічна-скандэнсаванай форме знайшоў адбітак складаны шлях кшталтавання нацыянальна-беларускага самавызначання. На пачатку сваёй творчай дзейнасці паэт яшчэ цалкам знаходзіцца ў палоне польскамоўнай рэгіянальнай культурна-эстэтычнай традыцыі, што засведчылі яго польскамоўныя творы. Яго нацыянальна-беларуская самаідэнтыфікацыя прайшла складаныя этапы ад творчага засваення мастацка-ідэйнага вопыту польскамоўных папярэднікаў і сучаснікаў да стварэння сваёй арыгінальнай канцэпцыі нацыянальнага шляху і адпаведнай прарочай місіі мастацтва, якія найбольш выразна выявіліся ў драматычных паэмах «Адвечная песня» і «Сон на кургане».

Такім чынам, у выніку згаданых вышэй аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў польская культурная традыцыя, якая найчарэй выяўлялася на беларускіх землях у літаратуры «вялікай эміграцыі» і ў творчасці пісьменнікаў свядомага рэгіянальнага накірунку, стала для Янкі Купалы тым арганічным і натуральным падмуркам, на якім ён узводзіў сваю канцэпцыю нацыянальнай беларускай духоўнасці ва ўмовах новага часу.

ЛІТАРАТУРА

1. **Kostenicz K.** Ostatnie lata Mickiewicza. Styczeń 1850–26 listopada 1855. Warszawa, 1987. – 430 s.
2. **Czapska M.** Europa w rodzinie .Wstęp Philippe Aries. Posłowie Konstanty F. Jeleński. Warszawa, 1989. – 251 s.
3. **Wiek XIX.** Sto lat myśli polskiej Zyciorysy, streszczenia, wyjątki. Pod red. Bronisława Chlebowskiego, Ignacego Chrzanowskiego, Henryka Gałęgo, Gabriela Korbuta, Stanisława Krzemieńskiego. T.VI. Warszawa, 1911. – 293 s.
4. **Leskiewiczowa J.** Społeczeństwo polskie przed powstaniem styczniowym. Powstanie styczniowe 1863-1864. Widzenie, bój, Europa, wizyje. Pod red. Sławomira Kałembki. Warszawa, 1990. – 340 s.
5. **Literatura Polska.** Przewodnik encyklopedyczny. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. T. 2. – 831 s.
6. **Janion M.** «Szkoła białoruska» w poezji polskiej // Przegląd Wschodni, 1991. T. 1, z. 1. S. 35-48.
7. **Лойка А., Перкін Н.** Беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі ў XIX ст. / Даклад на V Міжнародным з'ездзе славістаў. Мінскі, 1963. – 44 с.
8. **Мальдзіс А.** Творчае пабрацімства. Беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі ў XIX ст. Мінск, 1966. – 158 с.

S U M M A R Y

The way the term regionalism was understood, depends on a period in history. The territorial, economic and political unity of Belarus and Poland in the XVI-XVIII-th centuries explained the complexity of Byelorussian-Polish literary connections. They were based on the idea of a regional school. The Lithuanian (Byelorussian) regional school became the foundation of the new Byelorussian literature.

Поступила в редакцию 5.04.2001

А.С. Емяльянаў

Выклічнікі ў эмацыянальна-вобразнай мове радзінных песень

Наяўнасць выклічнікаў у радзінных песнях у значнай ступені садзейнічае экспрэсіўна-драматычнаму выказванню розных эмоцый і валявых імпульсаў мастацкіх вобразаў і персанажаў. Гэта найбольш кандэнсаваны, лапідарны паэтычны прыём перадачы эмацыянальна-экспрэсіўных ацэнак, рэакцый галоўных вобразаў, а таксама і выканаўцаў песень, стварэння гукавога вобраза і адпаведнага настрою, акцэнтацыі быстрыні, жывой размоўнасці мовы, даўно апрабаваны ў народнай паэтычнай творчасці.

Не выпадкова з эмацыянальных выклічнікаў нярэдка і будуюцца песня: «Ой, Мікіта, Мікіта, ці е ролля пад жыта?» [1], «Ай, кум куме рад, павёў куму ў сад» [2], «Ох, вы, столікі ж да мае, вы цісовенькія» [3], «Эй, у полі буён вецер веець» [3, с. 530], «Ух, ух, ух, на балоце радзілася» [4], «У-ха-ха, ха-ху, хахоначкі, дрэнна жыць без жоначкі» [4, с. 1030].

Напоўненыя змястоўнай і разнастайнай зматыўнай семантыкай, гэтыя службовыя словы адыгрываюць прыкметную ролю ў радзіннай песні, адразу ўводзячы слухача ў свет пачуццяў і перажыванняў спевакоў і мастацкіх герояў народна-паэтычнага твора. Гэта ў значнай ступені абумоўлена тым, што своеасаблівая інтанацыя выклічнікаў-воклічаў настройвае слухача на пэўную эмацыянальную ноту, надаючы ўсяму далейшаму тэксту павышанае экспрэсіўна-эўфанічнае гучанне.

За рэдкім выключеннем двух-трох радкоў, кожны радок многіх песень наогул пачынаецца з аднаго і таго ж выклічніка (праўда, іншы раз, ці з яго разнавіднасці, ці блізкага па гукавой і эмацыянальнай афарбоўцы другога выклічніка):

Ай, зелена, зелена на лузе трава,
Затым яна зелена, што блізка вада.
Ай, молада, молада ў мужа жана,
Ой, затым яна молада, што доля хараша,
Ой, затым яна молада, што блізка карчма.
Ой, пойдзе яна ў карчомачку, нап'ецца віна,
Ой, спіць яна ў пярынушкі да белага дня.
Для яе малютачкі мамкі ды нянькі,
А як пойдзе мілы яе пабуджаці:
– Ой, устань, устань, мілая, годзе табе спаці,
Ой, ужо нашу малютачку па саду носяць,
А ўжо нашы жнейкі ў полі нажаліся,
Ой, цябе, міленькая, яны праждаліся.
Ой, пойдзем, мілая, у поле прагуляемся. [3, с. 598].

Ой, расцвіцела ў полі макоўка,
Ой, забалела Танюшцы галоўка.
Ой, зажадала вішнёвага соку,
Ой, прывядзіце мне Колечку з току. [4, с. 16].

У выніку тэкст падкрэслена кампазіцыйна арганізаваны, інтанацыйна-музычна выразны, не гаворачы ўжо пра яго вялікую эмацыянальную напоўненасць.

Некалькі радзей у адным і тым жа тэксце ў пачатку песенных радкоў чаргуюцца разнастайныя па сваёй фаніцы і эмацыянальнай накіраванасці выклічнікі, што таксама апраўдана яго ідэйна-мастацкім зместам:

Ой, у кума п'юць, ядзяць,
На Мікіту не глядзяць,
Гэй, на Мікіту не глядзяць.
– Ой, мы, жонка, не паны,
Йдзем дадому мы адны,
Гэй, йдзем дадому мы адны. [3, с. 508].

Песенныя радкі, у якіх заўсёды да месца ў адпаведным пазычным кантэксце ўжыты розныя выклічнікі-воклічы («о», «ох», «эх», «ух», «ах», «ой», «ай», «гэй»), з асобай выразнай сілай і імператыўнасцю перадаюць адчуванне радасці, весялосці, расчаравання і іншых пачуццяў.

Кампазіцыйна выклічнікі ў тэксце размяшчаюцца не толькі па вертыкалі (безупынныя, сумежныя, перакрываваныя), але і па гарызанталі: «Ой, чарачкі-бачарачкі, / за сталом я не была, / ой, бабулька, ой, бабулька, / я гарэлачкі не піла» [5], «Ой, саўём, зязюлька, ой, саўём, рабая, па гняздзечачку. / Ой, знясем, зязюлька, ой, знясем, рабая, па яечачку» [3, с. 109].

Звяртае на сябе ўвагу і той факт, што выклічнікі даволі часта ўжываюцца ў спалучэнні з рознымі займеннікамі, найбольш глыбока выяўляючы пры гэтым свае інтанацыйна-гукавыя і эмацыянальна-экспрэсіўныя магчымасці: «Ай ты, кладачка, ай ты, гібкая, / ой не гніся пада мной. / Ой ты, Ганначка, ой, душа мая, / ой не старайся за мной» [3, с. 100], «Ой ты, дубе, / я – бяроза, / ой ты, п'яны, / я – цвяроза» [3, с. 531], «Ах ты, міленькі, дарагенькі» [3, с. 528], «Ох ты, Лёсачка, / ты малодая» [3, с. 97–98], «Ах, вы, госцейкі мае, / ах, вы, любыя мае» [2, с. 354], «Ой, вы мае слёзы, / не ўпадзіце нікуды» [5, с. 590], «Эх, я буду мыцца з вечара да ранку, / не вымыю лічка, яке было змалку» [3, с. 577], «Ой, хто, хто з паўночы ходзіць, / ой, хто, хто бабулькі просіць?» [3, с. 172], «Ой, там каля рэчкі, ой, там каля броду / заве казак дзеуку з сабою ў камору» [3, с. 577]. Найвышэйшая ступень праяўлення чалавечых пачуццяў, такім чынам, выяўляецца эканомна, канцэнтравана.

Не апошняя роля ў стварэнні спецыфічнага інтанацыйна-музычнага ладу беларускай радзіннай лірыкі належыць і выклічнікам, таленавіта ўведзеным у сярэдзіну песеннага радка: «Кубачкі, ай, віном налівала / любых гасцей, бабулечкі сваей» [3, с. 203], «Пеша прыйшоў, ай і пеша прыйшоў, / да не пеша пойдзець» [3, с. 271]. Такое размяшчэнне выклічнікаў у тэксце стварае своеасаблівую паўзу, надаючы радку жывое, свабоднае размоўнае гучанне. Аналагічную функцыю выконваюць і выклічнікі, якія натуральна ўкліняюцца ў акраманграму (песенны стык): «У таго салаўя песенька адна, / а ў мяне, маладой, сястрыца адна. / Ой, адна, адна ў гасцях не была» [2, с. 347], «Перад ёю Ляксея без *шапкі стаіць*, / ой, без *шапкі стаіць* і бабульку просіць» [3, с. 222]. Запісаная ж намі ў вёсцы Стары Двор Пастаўскага раёна Віцебскай вобласці песня «Папрасілі мяне ды ў хрэсьбіны» наогул уся вытрымана ў гэтым кампазіцыйным ключы:

Папрасілі мяне *ды ў хрэсьбіны*,
Уханькі, хаханькі, *ды ў хрэсьбіны*.
А мне, маладой, *нет у што прыбрацца*,
Уханькі, хаханькі, *нет у што прыбрацца*.

Як пайду жа я да суседачкі,
Уханькі, хаханькі, да суседачкі.
 Яна не дала, а толькі лаяла,
Уханькі, хаханькі, а толькі лаяла. [4, с. 853].

Заслугоўваюць пільнай увагі і вобразна матываваныя выклічнікі, якія завяршаюць песенны радок: «Вып'ем мы па румачцы, / вып'ем па другой, гэй! / А за трэццяй румачкай / песню запяем. // Ай, ляцела ластаўка, з-пад цёмнай зары, гэй! / – Прыедзь, прыедзь, мамачка, з роднай стараны» і г.д. [3, с. 462]. Гэтая ўстаўка выклічніка-вокліча «гэй!» – вельмі каларытны і ў інтанацыйна-гукавых, і ў эмацыянальна-экспрэсіўных адносінах элемент народнай лірыкі. Да таго ж, яна вымаўляецца з дадатковай працяглай мадуляцыяй, на што ўказвае пастаноўка пасля «гэй» выклічніка.

Яшчэ намнога багацейшая ідэйна-эстэтычная выразнасць радзінных песень, калі ў іх па-майстэрску выкарыстоўваюцца розныя выклічнікі ў канцы кожнага двухрадкоўя: «– Прап'ём, прап'ём, братулінька, / мы свёкра ліхога, ай! // – Не будзем мы, сяструлінька, / свёкра прапіваці, ай! // А хто ж будзецц, сяструлінька, / дома даглядаці, ай?» і г.д. [3, с. 455] ці ў канцы кожнага яго першага радка: «У полі ветрык буйны, эй, / калінку калышыць. // Калінку калышыць, эй, / дачка бацьку клічыць: // – А татачка-сонца, эй, / скажу табе слоўца» і г.д. [3, с. 513], «І па вуліцы, вуліцы, эй, / дзевіца пагуліць. // Дзевіца пагуліць, эй, / песенькі паухаіць. // Песенькі паухаіць, эй, / молайца пагукаіць» і г.д. [3, с. 538]. У мастацкім тэксце такія выклічнікі з'яўляюцца своеасаблівымі эпіграфамі.

Ужыванне выклічнікаў звычайна вобразна матывіравана і выклікана не толькі гукавай, але і інтанацыйна-сэнсавай, эмацыянальнай неабходнасцю. Яны арганічна ўваходзяць у песенны тэкст і надаюць народна-песеннаму твору звонкасць, жывасць, непасрэднасць выражэння думак і пачуццяў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Беларускі фальклор у сучасных запісах* / Складальнік В.А. Захарава. Мн., 1973. С. 175.
2. *Песні народных свят і абрадаў* / Укладанне і рэдакцыя Н.С. Гілевіча. Мн., 1974. С. 345.
3. *Радзінная паззія* / Укладанне, сістэматызацыя, уступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынблата. Мн., 1971. С. 438.
4. *Асабісты фальклорны архіў, у якім змешчаны сабраныя намі радзінныя песні на Віцебшчыне.*
5. *Песні сямі вёсак* / Укладанне і рэдакцыя Ніла Гілевіча. Мн., 1973. С. 370.

S U M M A R Y

A great deal of facts have been employed to consider the interjections in the emotional and imaginal language at the beginning, in the middle and at the end of the lines in the Belorussian ceremonial birth songs.

Поступила в редакцию 30.03.2001

К определению класса $\mathfrak{X}^*(n)$

Согласно теореме Поста о смежных классах [1], всякой n -арной группе $\langle A, [] \rangle$ можно поставить в соответствие две группы: универсальную обёртывающую группу A^* и соответствующую группу A_0 . Фиксируя класс групп $\mathfrak{X}$ и рассматривая только те n -арные группы, у которых соответствующая группа принадлежит этому классу, мы приходим к определению класса n -арных групп

$$\mathfrak{X}(n) = \{ \langle A, [] \rangle \mid A_0 \in \mathfrak{X} \}.$$

Изучению классов $\mathfrak{X}(n)$ посвящены работы автора [2, 3].

Если в определении класса $\mathfrak{X}(n)$ группу A_0 заменить на группу A^* , то получим определение ещё одного класса n -арных групп, для обозначения которого будем использовать символ $\mathfrak{X}^*(n)$. Значение классов $\mathfrak{X}(n)$ и $\mathfrak{X}^*(n)$ в теории n -арных групп определяется тем, что многие известные классы n -арных групп совпадают либо с классом $\mathfrak{X}(n)$, либо с классом $\mathfrak{X}^*(n)$ для некоторого класса групп $\mathfrak{X}$, а также тем, что многие свойства, общие для групп и n -арных групп ($n \geq 3$), переносятся с классов $\mathfrak{X}$ на классы $\mathfrak{X}(n)$ и $\mathfrak{X}^*(n)$.

В данной работе под классом n -арных групп ($n \geq 2$) всегда понимается абстрактный класс n -арных групп.

1. Определение. Если $\mathfrak{X}$ – класс групп, то для любого $n \geq 3$ обозначим через $\mathfrak{X}^*(n)$ совокупность всех n -арных групп $\langle A, [] \rangle$ таких, что универсальная обёртывающая группа Поста A^* принадлежит $\mathfrak{X}$, т.е.

$$\mathfrak{X}^*(n) = \{ \langle A, [] \rangle \mid A^* \in \mathfrak{X} \}.$$

Легко проверяется, что совокупность $\mathfrak{X}^*(n)$ вместе со всякой n -арной группой содержит и все её изоморфные копии, т.е. является классом.

2. Пример. Пост установил [1], что n -арная группа $\langle A, [] \rangle$ является абелевой тогда и только тогда, когда её универсальная обёртывающая группа A^* абелева. Поэтому класс всех абелевых n -арных групп совпадает с классом $\mathfrak{A}^*(n)$, где $\mathfrak{A}$ – класс всех абелевых групп.

3. Пример. Пусть (Z_{n-1}) – класс групп, содержащий все изоморфные копии циклической группы порядка $n - 1$, $\mathfrak{C}_n$ – класс всех одноэлементных n -арных групп.

Так как $A^* \cong Z_{n-1}$ для любой n -арной группы $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{C}_n$, то $\mathfrak{C}_n \subseteq (Z_{n-1})^*(n)$.

Если теперь $\langle A, [] \rangle \in (Z_{n-1})^*(n)$, то $A^* \in (Z_{n-1})$, т.е. $|A^*| = n - 1$. Так как $|A^*| = (n - 1)|A|$, то $|A| = 1$, откуда $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{C}_n$, и значит $(Z_{n-1})^*(n) \subseteq \mathfrak{C}_n$. Таким образом, доказано равенство $(Z_{n-1})^*(n) = \mathfrak{C}_n$.

4. Предложение. Пусть π – подмножество множества всех простых чисел, $\mathfrak{S}_\pi$ – множество всех конечных π -групп. Тогда справедливы следующие утверждения:

1) класс всех конечных n -арных π -групп совпадает с $\mathfrak{S}_\pi(n)$;

$$2) \mathfrak{G}_\pi^*(n) \subseteq \mathfrak{G}_\pi(n);$$

$$3) \text{ если } n-1 - \pi\text{-число, то } \mathfrak{G}_\pi^*(n) = \mathfrak{G}_\pi(n);$$

$$4) \text{ если } n-1 \text{ не является } \pi\text{-числом, то } \mathfrak{G}_\pi^*(n) = \emptyset;$$

$$5) \text{ если } n-1 = p \in \pi, \text{ то } \mathfrak{G}_\pi^*(p+1) = \mathfrak{G}_\pi(p+1);$$

$$6) \text{ если } n-1 = p \notin \pi, \text{ то } \mathfrak{G}_\pi^*(p+1) = \emptyset.$$

Доказательство. 1) Пример 9 [3].

2) Предположим, что существует n -арная группа $\langle B, [] \rangle \in \mathfrak{G}_\pi^*(n)$, порядок которой не является π -числом, т.е. $\langle B, [] \rangle \notin \mathfrak{G}_\pi(n)$. Так как

$$|B^*| = (n-1)|B_0| = (n-1)|B|,$$

то π -числом не является и порядок группы B^* , что невозможно, ввиду предположения $\langle B, [] \rangle \in \mathfrak{G}_\pi^*(n)$. Следовательно, $\langle B, [] \rangle \in \mathfrak{G}_\pi(n)$, и значит $\mathfrak{G}_\pi^*(n) \subseteq \mathfrak{G}_\pi(n)$.

3) Если $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{G}_\pi(n)$, т.е. порядок A является π -числом, то π -числом является и порядок группы A^* :

$$|A^*| = (n-1)|A_0| = (n-1)|A|.$$

Следовательно, $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{G}_\pi^*(n)$, и доказано включение $\mathfrak{G}_\pi(n) \subseteq \mathfrak{G}_\pi^*(n)$, а значит и равенство $\mathfrak{G}_\pi(n) = \mathfrak{G}_\pi^*(n)$.

4) Если $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{G}_\pi^*(n)$, то $A^* \in \mathfrak{G}_\pi$, а так как

$$|A^*| = (n-1)|A|,$$

то $n-1 - \pi$ -число, что невозможно. Следовательно, $\mathfrak{G}_\pi^*(n) = \emptyset$.

5) Следует из 3).

6) Следует из 4). Предложение доказано.

Справедливость следующего предложения устанавливается непосредственной проверкой.

5. Предложение. Справедливы следующие утверждения:

$$1) \mathfrak{X}_1^*(n) \cup \mathfrak{X}_2^*(n) = (\mathfrak{X}_1 \cup \mathfrak{X}_2)^*(n);$$

$$2) \mathfrak{X}_1^*(n) \cap \mathfrak{X}_2^*(n) = (\mathfrak{X}_1 \cap \mathfrak{X}_2)^*(n);$$

$$3) \text{ если } \mathfrak{X}_1 \subseteq \mathfrak{X}_2, \text{ то } \mathfrak{X}_1^*(n) \subseteq \mathfrak{X}_2^*(n).$$

Обратное утверждение к утверждению 3) предыдущего предложения в общем случае неверно. Это следует, например, из утверждения 6) предложения 4, согласно которому $\mathfrak{G}_\pi^*(p+1) = \emptyset$ для фиксированного простого p и любого множества π простых чисел такого, что $p \notin \pi$. Ясно, что таких множеств бесконечно много, в том числе, и не имеющих общих элементов.

6. Следствие. Пусть $\mathfrak{X} = + \bigcup_{p \in \pi} (Z_p)$, где π – конечное подмножество множе-

ства всех простых чисел. Тогда $\mathfrak{X}^*(p+1) = \mathfrak{G}_{p+1}$ для любого $p \in \pi$.

Доказательство. Согласно 1) предложения 1.5,

$$\begin{aligned} \mathfrak{X}^*(p+1) &= \left(\bigcup_{r \in \pi} (Z_r) \right)^*(p+1) = (Z_p \cup \left(\bigcup_{q \in \pi \setminus \{p\}} Z_q \right))^*(p+1) = \\ &= Z_p^*(p+1) \cup \left(\bigcup_{q \in \pi \setminus \{p\}} Z_q^*(p+1) \right), \end{aligned}$$

т.е.

$$\mathbb{X}^*(p+1) = Z_p^*(p+1) \cup \left(\bigcup_{q \in \pi \setminus \{p\}} Z_q^*(p+1) \right) \quad (*)$$

Если $\langle A, [] \rangle \in Z_q^*(p+1)$, то $A^* \simeq Z_q$, откуда и из $|A^*| = p|A|$ следует $p|A| = q$. Последнее равенство возможно только при $p = q$, $|A| = 1$, что противоречит условию $p \neq q$. Следовательно, $Z_q^*(p+1) = \emptyset$ для $p \neq q$, откуда и из (*), учитывая $Z_p^*(p+1) = \mathbb{E}_{p+1}$ (пример 3), получаем $\mathbb{X}^*(p+1) = \mathbb{E}_{p+1}$. Следствие доказано.

7. Пример. Пусть $\pi_1, \dots, \pi_k$ – различные конечные множества простых чисел, каждое из которых содержит фиксированное простое число p . Положим

также $\mathbb{X}_i = \bigcup_{p \in \pi_i} (Z_p)$. Тогда, согласно предыдущему следствию, $\mathbb{X}_i^*(p+1) = \mathbb{E}_{p+1}$

для любого $i = 1, \dots, k$. Это означает, что различные классы групп $\mathbb{X}_1, \dots, \mathbb{X}_k$ определяют один и тот же класс n -арных групп $\mathbb{X}_1^*(n) = \dots = \mathbb{X}_k^*(n)$.

8. Определение. Для всякой совокупности групп $\mathbb{X}$ обозначим через $\mathbb{Z}_k(\mathbb{X})$ совокупность всех групп из $\mathbb{X}$, каждая из которых является расширением некоторой группы с помощью циклической группы порядка k . Положим также

$$\overline{\mathbb{Z}_k(\mathbb{X})} = \mathbb{X} \setminus \mathbb{Z}_k(\mathbb{X}),$$

т.е. $\overline{\mathbb{Z}_k(\mathbb{X})}$ – совокупность всех групп из $\mathbb{X}$, каждая из которых не является расширением некоторой группы с помощью циклической группы порядка k .

В частности, $\mathbb{Z}_k(\mathbb{G})$ (соответственно $\overline{\mathbb{Z}_k(\mathbb{G})}$) – совокупность всех групп, каждая из которых является (соответственно не является) расширением некоторой группы с помощью циклической группы порядка k .

Ясно, что если $\mathbb{X}$ – класс групп, то $\mathbb{Z}_k(\mathbb{X})$ и $\overline{\mathbb{Z}_k(\mathbb{X})}$ – классы n -арных групп.

Ясно также, что $\mathbb{Z}_k(\mathbb{X}) = \mathbb{X} \cap \mathbb{Z}_k(\mathbb{G})$, $\overline{\mathbb{Z}_k(\mathbb{X})} = \mathbb{X} \cap \overline{\mathbb{Z}_k(\mathbb{G})}$.

9. Теорема. Пусть $\mathbb{X}$ и $\mathbb{Y}$ классы групп. Тогда справедливы следующие утверждения:

1) если $\mathbb{Y} \subseteq \overline{\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{G})}$, то $\mathbb{Y}^*(n) = \emptyset$ и $\mathbb{X}^*(n) = (\mathbb{X} \cup \mathbb{Y})^*(n)$;

2) если $\mathbb{Y} \subseteq \overline{\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{X})}$, то $\mathbb{X}^*(n) = (\mathbb{X} \setminus \mathbb{Y})^*(n)$;

3) $\mathbb{X}^*(n) = (\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{X}))^*(n)$, причём $\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{X})$ – минимальный класс с таким свойством, т.е. $\mathbb{Y}^*(n) \subset \mathbb{X}^*(n)$ для любого $\mathbb{Y} \subset \mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{X})$;

4) $\mathbb{G}^*(n) = (\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{G}))^*(n)$, причём $\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{G})$ – минимальный класс с таким свойством.

Доказательство. 1) Предположим, что $\langle A, [] \rangle \in \mathbb{Y}^*(n)$.

Тогда $\mathbb{Y}$ содержит группу A^* , имеющую инвариантную подгруппу A_0 , факторгруппа A^*/A_0 по которой является циклической и имеет порядок $n-1$. А так как $\mathbb{Y} \subseteq \overline{\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{G})}$, то это невозможно. Следовательно $\mathbb{Y}^*(n) = \emptyset$.

Применяя теперь предложение 5 получим

$$(\mathbb{X} \cup \mathbb{Y})^*(n) = \mathbb{X}^*(n) \cup \mathbb{Y}^*(n) = \mathbb{X}^*(n) \cup \emptyset = \mathbb{X}^*(n),$$

т.е. $\mathbb{X}^*(n) = (\mathbb{X} \cup \mathbb{Y})^*(n)$.

2) Так как $\mathbb{Y} \subseteq \overline{\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{X})} \subseteq \overline{\mathbb{Z}_{n-1}(\mathbb{G})}$, то применяя 1), получим

$$\mathbb{X}^*(n) = ((\mathbb{X} \setminus \mathbb{Y}) \cup \mathbb{Y})^*(n) = (\mathbb{X} \setminus \mathbb{Y})^*(n),$$

т.е. $\mathbb{X}^*(n) = (\mathbb{X} \setminus \mathbb{Y})^*(n)$.

3) Требуемое равенство следует из 2) при $\mathfrak{Y} = \overline{\mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X})}$ с учётом $\mathfrak{X} = \mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X}) \cup \overline{\mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X})}$.

Если $\mathfrak{Y} \subset \mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X})$, то существует группа A такая, что

$$A \in \mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X}), \quad (*)$$

$$A \notin \mathfrak{Y}. \quad (**)$$

Из (*) следует, что в A существует инвариантная подгруппа B такая, что факторгруппа A/B – циклическая группа порядка $n - 1$. Тогда по обратной теореме Поста, смежный класс aB , порождающий группу A/B , является n -арной группой с n -арной операцией $[]$, производной от операции в группе A . Кроме того, $(aB)^* \simeq A$. Тогда из (*) и (**) следует

$$(aB)^* \in \mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X}), (aB)^* \notin \mathfrak{Y},$$

откуда

$$\langle aB, [] \rangle \in (\mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X}))^*(n), \langle aB, [] \rangle \notin \mathfrak{Y}^*(n).$$

т.е. $\mathfrak{Y}^*(n) \neq (\mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X}))^*(n)$. А так как по предложению 5,

$$\mathfrak{Y}^*(n) \subseteq (\mathfrak{Z}_{n-1}(\mathfrak{X}))^*(n) = \mathfrak{X}^*(n),$$

то $\mathfrak{Y}^*(n) \subset \mathfrak{X}^*(n)$.

4) Следует из 3) при $\mathfrak{X} = \mathfrak{S}$. Теорема доказана.

10. Замечание. Как уже отмечалось (пример 2), n -арная группа $\langle A, [] \rangle$ является абелевой тогда и только тогда, когда $A^* \in \mathfrak{A}$. Пост установил также [1], что n -арная группа $\langle A, [] \rangle$ является полуабелевой тогда и только тогда, когда $A_0 \in \mathfrak{A}$. Имея в виду приведенные критерии Поста, будем пользоваться следующей терминологией.

Если для обозначения групп из класса $\mathfrak{X}$ употребляется некоторый термин, то этим же термином будем обозначать n -арные группы из класса $\mathfrak{X}^*(n)$. Тот же термин, но с приставкой «полу» будем употреблять для групп из класса $\mathfrak{X}(n)$. Таким образом, каждому известному классу групп ставится в соответствие два его n -арных аналога. Например, как в следующем определении.

11. Определение. n -Арная группа $\langle A, [] \rangle$ называется разрешимой (полуразрешимой), если группа A^* (группа A_0) разрешима.

Ясно, что класс всех разрешимых (полуразрешимых) n -арных групп совпадает с классом $\mathfrak{S}^*(n)$ (классом $\mathfrak{S}(n)$), где $\mathfrak{S}$ – класс всех разрешимых групп.

Аналогично определяются нильпотентные (полунильпотентные), сверхразрешимые (полусверхразрешимые) n -арные группы, а также другие n -арные аналоги известных классов групп.

12. Предложение. Справедливы следующие утверждения:

1) если класс групп $\mathfrak{X}$ вместе со всякой группой содержит и любую её нормальную подгруппу, факторгруппа по которой циклическая порядка $n - 1$, то $\mathfrak{X}^*(n) \subseteq \mathfrak{X}(n)$;

2) если класс групп $\mathfrak{X}$ вместе со всякой группой содержит и любое её расширение с помощью циклической группы порядка $n - 1$, то $\mathfrak{X}(n) \subseteq \mathfrak{X}^*(n)$;

3) если класс групп $\mathfrak{X}$ удовлетворяет условиям, сформулированным в 1) и 2), то $\mathfrak{X}^*(n) = \mathfrak{X}(n)$.

Доказательство. 1) Если $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{X}^*(n)$, то $A^* \in \mathfrak{X}$, а так как A_0 – инвариантная подгруппа в A^* , факторгруппа по которой циклическая порядка $n - 1$, то по условию, $A_0 \in \mathfrak{X}$, откуда $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{X}(n)$. Следовательно, $\mathfrak{X}^*(n) \subseteq \mathfrak{X}(n)$.

2) Если $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{X}(n)$, то $A_0 \in \mathfrak{X}$, а так как A^* – расширение группы A_0 с помощью циклической группы порядка $n - 1$, то по условию, $A^* \in \mathfrak{X}$, откуда $\langle A, [] \rangle \in \mathfrak{X}^*(n)$. Следовательно, $\mathfrak{X}(n) \subseteq \mathfrak{X}^*(n)$.

3) Следует из 1) и 2). Предложение доказано.

13 Следствие. Равенство $\mathfrak{X}^*(n) = \mathfrak{X}(n)$ верно, если $\mathfrak{X}$ – любой из следующих классов: 1) всех групп; 2) всех конечных групп; 3) всех периодических групп; 4) всех локально конечных групп; 5) всех групп, удовлетворяющих условию минимальности для подгрупп; 6) всех групп, удовлетворяющих условию максимальности для подгрупп; 7) всех минимаксных групп; 8) всех групп конечного ранга; 9) всех черниковских групп; 10) всех полициклических групп; 11) всех конечных π -разрешимых групп; 12) всех (конечных) разрешимых групп.

Как видно из следствия 13, для многих классов групп $\mathfrak{X}$, их n -арные аналоги $\mathfrak{X}(n)$ и $\mathfrak{X}^*(n)$ при любом $n \geq 3$ совпадают. Поэтому, например, понятия периодичности и полупериодичности n -арных групп тождественны. Точно также, тождественны понятия разрешимости и полуразрешимости n -арных групп.

Для некоторых классов групп $\mathfrak{X}$ имеет место строгое включение $\mathfrak{X}^*(n) \subset \mathfrak{X}(n)$.

14. Пример. Если на симметрической группе S_3 определить тернарную операцию $[\alpha\beta\gamma] = \alpha\beta\gamma$, то множество B_3 всех нечётных подстановок из S_3 вместе с тернарной операцией $[\]$ превращается в тернарную группу, причём

$$(B_3)^* \simeq S_3, (B_3)_0 \simeq A_3.$$

Так как S_3 – ненильпотентна, а A_3 – циклическая, то из

$$S_3 \notin N, A_3 \in \mathfrak{B}$$

следуют строгие включения

$$\mathfrak{B}^*(3) \subset \mathfrak{B}(3), \mathfrak{A}^*(3) \subset \mathfrak{A}(3), N^*(3) \subset N(3).$$

Можно показать, что

$$\mathfrak{B}^*(n) \subset \mathfrak{B}(n), \mathfrak{A}^*(n) \subset \mathfrak{A}(n), N^*(n) \subset N(n)$$

для любого $n \geq 3$.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Post E.L. Polyadic groups // Trans. Amer. Math. Soc. 1940. Vol. 48, N2. P.208-350.
2. Гальмак А.М. Многообразие $\mathfrak{X}(n)$ // Веснік ВДУ, 2000, № 2. С. 74-78.
3. Гальмак А.М. К определению класса $\mathfrak{X}(n)$ // Веснік ВДУ, 2000, № 1. С. 74-78.

S U M M A R Y

In this paper the class of n -ary groups of the $\mathfrak{X}^(n)$ form are defined and considered, where $\mathfrak{X}$ is class of groups.*

Поступила в редакцию 10.01.2001

УДК 512.542

С.Л. Максимов

Холлова характеристика конечных групп подгруппами Шмидта фиксированных рангов

Рассматриваются только конечные группы. Пусть $E = G_0 \leq \dots \leq G_s = G$ – главный ряд группы G . Тогда разрешимые главные факторы являются элементарными абелевыми примарными группами. Если G – неединичная раз-

решимая группа и $p_i^{n_i} = |G_{i+1}/G_i|$, то число $r(G) = \max p_i$ называется рангом группы G , [1]. Для единичной группы E полагают $r(E) = 0$. В силу теоремы Жордана–Гельдера [1, с. 63] любые два главных ряда группы G изоморфны, поэтому ранг разрешимой группы определяется однозначно.

Группой Шмидта называют нильпотентную группу, у которой все собственные подгруппы нильпотентны. Впервые эти группы рассматривались О.Ю. Шмидтом в 1924 г., который, в частности, доказал, что порядок таких групп делится в точности на два различных простых числа, причём одна из силовских подгрупп нормальна, а другая – циклическая [2]. Возможности больших приложений групп Шмидта впервые обсуждались в работе С.А. Чунихина [3], обратившего внимание на то, что каждая нильпотентная группа обладает по крайней мере одной подгруппой Шмидта.

Максимальным рангом Шмидта группы назовем максимум рангов ее подгрупп Шмидта, а минимальным рангом Шмидта – минимум рангов ее подгрупп Шмидта. Если в группе нет подгрупп Шмидта, то группа нильпотентна, и ее максимальным и минимальным рангами Шмидта будем считать 0.

В настоящей работе получена характеристика групп подгруппами Шмидта фиксированных заданных рангов посредством перечисления её холловых би-примарных подгрупп.

Используются стандартные обозначения и определения [1, 4]. Для компактности изложения материала будем называть $S_{\langle p, q \rangle}$ -группой – группу Шмидта с нормальной силовской p -подгруппой и ненормальной циклической силовской q -подгруппой. Для $S_{\langle p, q \rangle}$ -группы S будем использовать запись $S = [P]Q$, где P – нормальная силовская p -подгруппа, а Q – циклическая ненормальная силовская q -подгруппа. Используемые свойства групп Шмидта можно найти в [1-6].

Лемма 1. Пусть p и q – различные простые числа и m – показатель p по модулю q , т.е. m – наименьшее натуральное число, для которого q делит $(p^m - 1)$. Тогда любая $S_{\langle p, q \rangle}$ -группа имеет ранг m .

Доказательство. Ещё О.Ю. Шмидт [1] доказал, что главные факторы любой $S_{\langle p, q \rangle}$ -группы имеют порядки p^m , q а для некоторых групп добавляется ещё и p . Поэтому любая $S_{\langle p, q \rangle}$ -группа имеет ранг m .

Лемма 2. Если $\{p, q\}$ -группа не q -замкнута, то в ней существует $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа.

Доказательство. Пусть G – не q -замкнутая $\{p, q\}$ -группа. По индукции все собственные подгруппы q -замкнуты. Согласно теореме IV.5.4 [1], если в группе G каждая собственная подгруппа p -нильпотентна, то либо группа G p -нильпотентна, либо G – $S_{\langle p, q \rangle}$ -группа. Поэтому G – $S_{\langle p, q \rangle}$ -группа.

Лемма 3. Пусть m – натуральное число и G – группа максимального ранга Шмидта m . Тогда:

(1) если H – подгруппа группы G , то максимальный ранг Шмидта подгруппы H не превышает m ;

(2) если N – нормальная подгруппа группы G , то максимальный ранг Шмидта группы G/N не превышает m .

Доказательство. (1) Очевидно.

(2) Пусть m_1 – максимальный ранг Шмидта группы G/N . Тогда существует подгруппа Шмидта K/N в группе G/N , ранг которой равен m_1 . Пусть для определенности K/N – $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа. Тогда m_1 – показатель p по модулю q по лемме 1. По лемме 1.8 [6] в группе K существует $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа, поэтому $m_1 \leq m$.

Лемма 4. Пусть m – натуральное число и G – группа минимального ранга Шмидта m . Тогда:

(1) если H – ненильпотентная подгруппа группы G , то минимальный ранг Шмидта подгруппы H не меньше m ;

(2) если N – нормальная подгруппа группы G и группа G/N ненильпотентна, то минимальный ранг Шмидта группы G/N не меньше m .

Доказательство. (1) Очевидно.

(2) Пусть группа G/N ненильпотентна и m_1 – минимальный ранг Шмидта группы G/N . Тогда существует подгруппа Шмидта K/N в группе G/N , ранг которой равен m_1 . Пусть для определенности K/N – $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа. Тогда m_1 – показатель p по модулю q по лемме 1. По лемме 1.8 [6] в группе K существует $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа, поэтому её ранг m_1 не может быть меньше минимального ранга Шмидта группы G , т.е. $m_1 \leq m$.

Дисперсивной $\{p, q\}$ -группой называется $\{p, q\}$ -группа с нормальной неединичной силовой подгруппой.

Лемма 5. Пусть G – ненильпотентная $\{2, 3\}$ -группа. Тогда:

(1) если группа G 2-замкнута, то её максимальный и минимальный ранги Шмидта равны 2;

(2) если группа G 3-замкнута, то её максимальный и минимальный ранги Шмидта равны 1;

(3) если группа G недисперсивна, то её максимальный ранг Шмидта равен 2, а минимальный ранг Шмидта равен 1.

Доказательство. (1) Пусть G – ненильпотентная 2-замкнутая $\{2, 3\}$ -группа. Тогда в группе G все подгруппы 2-замкнуты, поэтому в G нет $S_{\langle 3, 2 \rangle}$ -подгрупп. Значит, каждая подгруппа Шмидта группы G является $S_{\langle 2, 3 \rangle}$ -подгруппой. По лемме 1 ранги всех подгрупп Шмидта в группе равны 2, поэтому, максимальный и минимальный ранги Шмидта группы G равны 2.

(2) Пусть G – ненильпотентная 3-замкнутая $\{2, 3\}$ -группа. Тогда в группе G нет $S_{\langle 2, 3 \rangle}$ -подгрупп, поэтому каждая подгруппа Шмидта группы G является $S_{\langle 3, 2 \rangle}$ -подгруппой. По лемме 1 ранги всех подгрупп Шмидта в группе равны 1, поэтому максимальный и минимальный ранги Шмидта группы G равны 1.

(3) Пусть G – недисперсивная $\{2, 3\}$ -группа. Тогда по лемме 2 в группе G существуют $S_{\langle 3, 2 \rangle}$ -подгруппы и $S_{\langle 2, 3 \rangle}$ -подгруппы. Поэтому максимальный ранг Шмидта группы G равен 2, а минимальный ранг Шмидта равен 1.

Лемма 6. Пусть $p > 3$ – простое число, m – показатель 2 по модулю p и G – ненильпотентная $\{2, p\}$ -группа. Тогда:

(1) если группа G 2-замкнута, то её максимальный и минимальный ранги Шмидта равны m и $m > 2$;

(2) если группа G p -замкнута, то её максимальный и минимальный ранги Шмидта равны 1;

(3) если группа G недисперсивна, то её максимальный ранг Шмидта равен m и $m > 2$, а минимальный ранг Шмидта равен 1.

Доказательство. (1) Пусть G – ненильпотентная 2-замкнутая $\{2, p\}$ -группа. Тогда в группе G нет $S_{\langle p, 2 \rangle}$ -подгрупп, поэтому каждая подгруппа Шмидта группы G является $S_{\langle 2, p \rangle}$ -подгруппой и максимальный и минимальный ранги Шмидта группы G равны m по лемме 1. Ясно, что $m > 2$.

(2) Пусть G – ненильпотентная p -замкнутая $\{2, p\}$ -группа. Тогда в группе G нет $S_{\langle 2, p \rangle}$ -подгрупп, поэтому каждая подгруппа Шмидта группы G является $S_{\langle p, 2 \rangle}$ -подгруппой и максимальный и минимальный ранги Шмидта группы G равны 1.

(3) Пусть G – недисперсивная группа. Тогда по лемме 2 в группе G существуют $S_{\langle p, 2 \rangle}$ -подгруппы и $S_{\langle 2, p \rangle}$ -подгруппы. Поэтому максимальный ранг Шмидта группы G равен m , а минимальный ранг Шмидта равен 1.

Лемма 7. Пусть p, q – различные простые нечетные числа, m – показатель p по модулю q , а n – показатель q по модулю p , и пусть G – ненильпотентная $\{p, q\}$ -группа. Тогда:

(1) если группа G p -замкнута, то её максимальный и минимальный ранги Шмидта равны m ;

(2) если группа G q -замкнута, то её максимальный и минимальный ранги Шмидта равны n ;

(3) если группа G недисперсивна, то её максимальный ранг Шмидта равен $\max\{m, n\}$, а минимальный ранг Шмидта равен $\min\{m, n\}$.

Доказательство. (1) Пусть G – ненильпотентная p -замкнутая $\{p, q\}$ -группа. Тогда в группе G нет $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгрупп, поэтому каждая подгруппа Шмидта группы G является $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппой и максимальный и минимальный ранги Шмидта группы G равны m по лемме 1.

(2) Аналогично (1).

(3) Пусть G – недисперсивная группа. Тогда по лемме 2 в группе G существуют $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппы и $S_{\langle q, p \rangle}$ -подгруппы. Используя лемму 1 получаем, что максимальный ранг Шмидта группы G равен $\max\{m, n\}$, а минимальный – $\min\{m, n\}$.

Относительно произвольного натурального числа m введем следующие определения. Пара различных простых чисел p и q называется $a(m)$ -парой, если показатель числа p по модулю q и показатель числа q по модулю p не превышают числа m . Упорядоченная пара (p, q) различных простых чисел p и q называется $b(m)$ -парой, если показатель числа p по модулю q не больше m , а показатель числа q по модулю p строго больше m . Пара различных простых чисел p и q называется $c(m)$ -парой, если показатель числа p по модулю q и показатель числа q по модулю p строго больше m . Ясно, что для каждого натурального числа m любая пара различных простых чисел p и q является либо $a(m)$ -парой, либо $c(m)$ -парой, либо одна из упорядоченных пар (p, q) или (q, p) будет $b(m)$ -парой. Поэтому для каждого натурального числа m множество всех неупорядоченных пар различных простых чисел распадается на три непересекающихся подмножества, состоящих из $a(m)$ -пар, $b(m)$ -пар и $c(m)$ -пар.

Лемма 8. Пусть m – натуральное число и пара различных простых чисел p и q является $a(m)$ -парой. Тогда:

(1) любая $\{p, q\}$ -группа имеет максимальный ранг Шмидта $\leq m$;

(2) в группе минимального ранга Шмидта $> m$ каждая $\{p, q\}$ -группа нильпотентна

Доказательство. (1) Нильпотентные группы имеют максимальный ранг Шмидта, равный 0. Пусть G – произвольная ненильпотентная $\{p, q\}$ -группа и S – её $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа. Так как числа p и q составляют $a(m)$ -пару, то показатель p по модулю q не превышает m и по лемме 1 ранг группы S не превышает m . Аналогично, ранг $S_{\langle q, p \rangle}$ -подгруппы тоже $\leq m$. Поэтому максимальный ранг Шмидта группы G не превышает m .

(2) Пусть группа G имеет минимальный ранг Шмидта $> m$. Предположим, что в группе G существует $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа S . Так как по лемме 1 ранг подгруппы S равен показателю p по модулю q и пара простых чисел p и q является $a(m)$ -парой, то имеем противоречие. Поэтому в группе G нет $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгрупп и по лемме 2 любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G является p -нильпотентной. Аналогично, в группе нет $S_{\langle q, p \rangle}$ -подгрупп, поэтому по лемме 2 любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G является q -нильпотентной. Таким образом, любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G нильпотентна.

Лемма 9. Пусть m – натуральное число и упорядоченная пара (p, q) различных простых чисел является $b(m)$ -парой. Тогда:

(1) в группе максимального Шмидта $\leq m$ каждая $\{p, q\}$ -группа является p -замкнутой;

(2) в группе минимального ранга Шмидта $> m$ каждая $\{p, q\}$ -группа является q -замкнутой.

Доказательство. (1) Пусть G – произвольная группа максимального ранга Шмидта $\leq m$ и S – её $S_{\langle q, p \rangle}$ -подгруппа. Так как упорядоченная пара (p, q) является $b(m)$ -парой, то показатель q по модулю p строго больше m и по лемме 1 максимальный ранг Шмидта группы G строго больше m , противоречие. Поэтому в группе G нет $S_{\langle q, p \rangle}$ -подгрупп и по лемме 2 каждая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G p -замкнута.

(2) Пусть группа G имеет минимальный ранг Шмидта $> m$. Предположим, что в группе G существует $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа S . Так как по лемме 1 ранг подгруппы S равен показателю p по модулю q и упорядоченная пара (p, q) является $b(m)$ -парой, то ранг подгруппы S не больше m , противоречие. Поэтому в группе G нет $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгрупп и по лемме 2 любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G является p -нильпотентной, т.е. q -замкнутой.

Лемма 10. Пусть m – натуральное число и пара различных простых чисел p и q является $c(m)$ -парой. Тогда:

(1) любая ненильпотентная $\{p, q\}$ -группа имеет минимальный ранг Шмидта $> m$;

(2) в группе максимального ранга Шмидта $\leq m$ каждая $\{p, q\}$ -группа нильпотентна.

Доказательство. (1) Пусть G – произвольная ненильпотентная $\{p, q\}$ -группа. Тогда в группе G существуют подгруппы Шмидта. Пусть S – произвольная подгруппа Шмидта группы G . По лемме 1 ранг подгруппы S больше m , поэтому минимальный ранг Шмидта $\{p, q\}$ -группы G больше m .

(2) Пусть группа G имеет максимальный ранг Шмидта $\leq m$. Предположим, что в группе G существует $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа S . Так как по лемме 1 ранг подгруппы S равен показателю p по модулю q и пара простых чисел p и q является $c(m)$ -парой, то ранг S больше m , противоречие. Поэтому в группе G нет $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгрупп и по лемме 2 любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G является p -нильпотентной. Аналогично, в группе нет $S_{\langle q, p \rangle}$ -подгрупп, поэтому по лемме 2 любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G является q -нильпотентной. Таким образом, любая $\{p, q\}$ -подгруппа в группе G нильпотентна. Лемма доказана.

Пусть m – натуральное число и $i \in \{a, b, c\}$. Подгруппу H группы G будем называть $i(m)$ -подгруппой, если H является $\{p, q\}$ -подгруппой для некоторой упорядоченной $i(m)$ -пары различных простых чисел p и q . Бипримарную холлову $i(m)$ -подгруппу будем называть $i(m)$ -холловой подгруппой.

Пусть H – $i(m)$ -подгруппа. Тогда H является $\{p, q\}$ -подгруппой для некоторой упорядоченной $i(m)$ -пары простых чисел p и q . Если H p -замкнута, то подгруппу H будем называть 1-замкнутой $i(m)$ -подгруппой. Если H q -замкнута, т.е. p -нильпотентна, то подгруппу H будем называть 1-нильпотентной $i(m)$ -подгруппой.

Теорема 1. Пусть m – натуральное число. Тогда и только тогда группа имеет максимальный ранг Шмидта $\leq m$, когда все её $b(m)$ -подгруппы 1-замкнуты, а $c(m)$ -подгруппы нильпотентны.

Доказательство. Пусть G – группа максимального ранга Шмидта $\leq m$. Если H – $b(m)$ -подгруппа, то H является $\{p, q\}$ -подгруппой для некоторой упорядоченной $b(m)$ -пары различных простых чисел p и q . По лемме 3 максимальный ранг Шмидта группы H $\leq m$, а по лемме 9 подгруппа H p -замкнута. Поэтому H – 1-замкнутая $b(m)$ -подгруппа.

Пусть K – $c(m)$ -подгруппа группы G . Тогда K является $\{s, t\}$ -подгруппой для некоторой упорядоченной $c(m)$ -пары различных простых чисел s и t . По лемме

3 максимальный ранг Шмидта подгруппы $K \leq m$, а по лемме 10 подгруппа нильпотентна K . Необходимость доказана.

Обратно, пусть в группе G все $b(m)$ -подгруппы 1-замкнуты, а $c(m)$ -подгруппы нильпотентны. Если G нильпотентна, то её максимальный ранг Шмидта равен $0 \leq m$. Пусть группа G ненильпотентна. Тогда в группе G существует подгруппа Шмидта. Пусть S – произвольная подгруппа Шмидта группы G . Тогда S является $\{p, q\}$ -подгруппой для некоторой пары различных простых чисел p и q . Если числа p и q образуют $a(m)$ -пару, то по лемме 8 ранг группы $S \leq m$. Если числа p и q образуют $b(m)$ -пару, то по условию подгруппа S должна быть 1-замкнутой. В нашем случае подгруппа S p -замкнута и не q -замкнута. Поэтому из определения $b(m)$ -пары следует, что показатель p по модулю q не больше m . По лемме 1 ранг подгруппы $S \leq m$. Если числа p и q образуют $c(m)$ -пару, то по условию подгруппа S должна быть нильпотентной, что невозможно. Таким образом, ранг любой подгруппы Шмидта в группе $G \leq m$, поэтому максимальный ранг Шмидта группы $G \leq m$. Теорема доказана.

Следствие 1.1. Пусть m – натуральное число. Тогда и только тогда разрешимая группа имеет максимальный ранг Шмидта $\leq m$, когда все её $b(m)$ -холловы подгруппы 1-замкнуты, а $c(m)$ -холловы подгруппы нильпотентны.

Д о к а з а т е л ь с т в о. Достаточно вспомнить теорему Ф. Холла ([1], теорема VI.1.7) о вложении в разрешимых группах $\{p, q\}$ -подгрупп в $\{p, q\}$ -холловы подгруппы, а затем применить теорему 1.

Для $m=1$ получаем

Следствие 1.2. ([7], теорема 1) Тогда и только тогда в группе G все подгруппы Шмидта сверхразрешимы, когда группа G дисперсивна по Оре и для каждой пары простых чисел $p > q$, q не делит $(p - 1)$, бипримарные $\{p, q\}$ -холловы подгруппы группы G нильпотентны.

Теорема 2. Пусть m – натуральное число. Тогда и только тогда группа имеет минимальный ранг Шмидта $> m$, когда она является ненильпотентной 2-замкнутой группой и все её $a(m)$ -холловы подгруппы нильпотентны, а $b(m)$ -холловы подгруппы 1-нильпотентны.

Д о к а з а т е л ь с т в о. Пусть G – группа минимального ранга Шмидта m . Тогда группа 2-замкнута по теореме 2 [7], в частности, группа G разрешима. По теореме VI.1.7 [1] в группе существуют бипримарные холловы подгруппы. Пусть H – $a(m)$ -холлова подгруппа группы G . Тогда H является $\{p, q\}$ -холловой подгруппой для некоторой упорядоченной $a(m)$ -пары различных простых чисел p и q . Предположим, что подгруппа H ненильпотентна. Тогда по лемме 4 она имеет минимальный ранг Шмидта $> m$. По лемме 8 подгруппа H должна быть нильпотентной, противоречие. Итак все $a(m)$ -холловы подгруппы в группе G нильпотентны.

Пусть K – $b(m)$ -холлова подгруппа группы G . Тогда K является $\{s, t\}$ -холловой подгруппой для некоторой упорядоченной $b(m)$ -пары различных простых чисел s и t . Если подгруппа K нильпотентна, то она 1-нильпотентна. Если подгруппа K ненильпотентна, по лемме 4 её минимальный ранг Шмидта $> m$, а по лемме 9 подгруппа K t -замкнута, т.е. 1-нильпотентна. Итак все $b(m)$ -холловы подгруппы в группе G 1-нильпотентны.

Обратно, пусть в разрешимой ненильпотентной группе G все $a(m)$ -холловы подгруппы нильпотентны, а $b(m)$ -холловы подгруппы 1-нильпотентны. Пусть S – произвольная подгруппа Шмидта группы G , она существует, поскольку группа G ненильпотентна. Тогда S является $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппой для некоторой упорядоченной пары различных простых чисел p и q . По теореме Ф. Холла подгруппа S содержится в некоторой $\{p, q\}$ -холловой подгруппе H . Так как H – не q -замкнутая подгруппа, то пара чисел p и q не является $a(m)$ -парой. Предположим, что эта пара является $b(m)$ -парой. Тогда подгруппа H должна быть

q -замкнутой, противоречие. Поэтому либо $(q, p) - a(m)$ -пара, либо $(p, q) - a(m)$ -пара. В любом случае показатель p по модулю q больше m . Поэтому ранг подгруппы S больше m . Так как S – произвольная подгруппа Шмидта группы G , то минимальный ранг Шмидта группы G больше m . Теорема доказана.

Для $m = 1$ получаем

Следствие 2.1. ([7], теорема 2) Пусть G – ненильпотентная группа. Тогда и только тогда в группе G все подгруппы Шмидта несверхразрешимы, когда группа G 2-замкнута, и для каждой пары простых чисел $p > q$, q делит $(p - 1)$, $\{p, q\}$ -холловы подгруппы группы G q -замкнуты.

Теорема 3. Пусть m – натуральное число, $m > 1$. Тогда и только тогда в ненильпотентной группе G все подгруппы Шмидта имеют ранг m , когда группа G 2-замкнута, и выполняются следующие требования:

- (1) $a(m - 1)$ -холловы подгруппы нильпотентны;
- (2) $b(m - 1)$ -холловы подгруппы 1-нильпотентны;
- (3) $b(m)$ -холловы подгруппы 1-замкнуты;
- (4) $c(m)$ -холловы подгруппы нильпотентны.

Доказательство. Пусть в ненильпотентной группе G все подгруппы Шмидта имеют ранг $m \geq 2$. По теореме 2 [7] группа G 2-замкнута. По теореме 1 все её $b(m)$ -холловы подгруппы 1-замкнуты, а $c(m)$ -холловы подгруппы нильпотентны. Группа G имеет минимальный ранг Шмидта $m > m - 1$. По теореме 2 все её $a(m - 1)$ -холловы подгруппы нильпотентны, а $b(m - 1)$ -холловы подгруппы 1-нильпотентны. Необходимость доказана.

Обратно, пусть ненильпотентная 2-замкнутая группа G удовлетворяет требованиям (1) – (4). Пусть S – произвольная подгруппа Шмидта группы G . Тогда S является $S_{\langle p, q \rangle}$ -группой для некоторой упорядоченной пары различных простых чисел p и q . Пусть $H = \{p, q\}$ -холлова подгруппа группы G , содержащая S . Тогда подгруппа H не q -замкнута. Из условий (1) – (4) следует, что пара (p, q) не является $a(m - 1)$ -парой, $b(m - 1)$ -парой и $c(m)$ -парой. Так как (p, q) не является $a(m - 1)$ -парой, то показатель p по модулю q больше $(m - 1)$. Так как (p, q) не является $c(m)$ -парой, то показатель p по модулю q не больше m . Таким образом показатель p по модулю q равен m и ранг подгруппы S равен m . Поскольку S – произвольная подгруппа Шмидта в группе G , то максимальные и минимальные ранги Шмидта группы G равны m . Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Huppert B. Endliche Gruppen, I // Berlin-Heidelberg-New York: Springer. 1967.
2. Шмидт О.Ю. Группы, все подгруппы которых специальные // Матем. сб., 1924. Т.31. С. 366-372.
3. Чунихин С.А. О специальных группах // Матем. сб. 1929. Т.4, №3. С.512-530.
4. Шеметков Л.А. Формации конечных групп // М., 1978.
5. Шеметков Л.А. О.Ю. Шмидт и конечные группы // Укр. матем. ж., 1971. Т.23, N 5. С. 585-590.
6. Монахов В.С. О подгруппах Шмидта конечных групп // Вопросы алгебры, 1998. Выпуск 13. С.153-171.
7. Монахов В.С. О конечных группах с заданным набором подгрупп Шмидта // Матем. заметки, 1995. Т.58, № 5. С.717-722.

S U M M A R Y

All groups considered in this paper are finite. The main aim in this note is receipt the Hall subgroups structure of finite soluble group G with Schmidt subgroups have rang m for all natural m .

Поступила в редакцию 10.01.2001

В.В. Подгорная

Конечные группы с одной не $\mathfrak{F}$ -добавляемой подгруппой

Подгруппа K конечной группы G называется минимальным добавлением к подгруппе H в группе G если $G = HK$ и $G \neq HK_1$ для любой собственной подгруппы K_1 из K .

Добавления к нормальным подгруппам конечной группы и формационное обобщение добавлений были исследованы Л.А. Шеметковым [1].

Для класса конечных групп $\mathfrak{F}$ через $MS(\mathfrak{F})$ будем обозначать совокупность всех конечных групп, у которых каждая неединичная подгруппа имеет минимальное добавление, принадлежащее $\mathfrak{F}$. В случае, когда $\mathfrak{F}$ – классическая формация свойства класса $MS(\mathfrak{F})$ описаны в [2].

В настоящей статье вводится и исследуется класс $MS_1(\mathfrak{F})$. Конечная группа $G \in MS_1(\mathfrak{F})$, если в группе G существует подгруппа H такая, что каждая неединичная подгруппа, отличная от H , обладает минимальным добавлением, принадлежащим классу $\mathfrak{F}$. Если конечная группа $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$, то существует такая подгруппа H , что каждое ее минимальное добавление не принадлежит $\mathfrak{F}$. В этом случае подгруппу H будем называть не $\mathfrak{F}$ -добавляемой подгруппой.

Через $\mathfrak{B}$ обозначим класс всех вполне факторизуемых групп. Легко проверить, что $\mathfrak{B}$ является наследственной насыщенной формацией. Кроме того, все силовские подгруппы в группах из $\mathfrak{B}$ элементарные абелевы, $\mathfrak{B} \subseteq \mathfrak{U}$, где $\mathfrak{U}$ – класс всех сверхразрешимых групп.

Доказываются

Теорема. Пусть $\mathfrak{F}$ – наследственный насыщенный гомоморф. Если группа $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$ и H – не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа, то $H < G$, $|H| = p$, $H \geq \Phi(G)$ и $G/H \in \mathfrak{B}$.

Следствие. Справедливы следующие утверждения:

(1) если $\mathfrak{F} \in \{\mathfrak{S}, \mathfrak{D}, \mathfrak{U}\}$, то $MS_1(\mathfrak{F}) = MS(\mathfrak{F}) = \mathfrak{F}$;

(2) если $\mathfrak{F} \in \{\mathfrak{N}, \mathfrak{A}\}$, то для группы $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$, где H – не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа группы G , факторгруппа G/H изоморфна полупрямому произведению двух циклических подгрупп различных простых порядков.

Здесь $\mathfrak{S}$, $\mathfrak{D}$, $\mathfrak{U}$, $\mathfrak{N}$, $\mathfrak{A}$ – классы всех разрешимых, дисперсивных по Оре, сверхразрешимых, нильпотентных и абелевых групп соответственно.

Рассмотрим вначале несколько результатов необходимых в дальнейших исследованиях. Все рассматриваемые группы предполагаются конечными.

Лемма 1 ([3]). Если в группе дополняемы все подгруппы простых порядков, то она вполне факторизуема.

Доказательство вытекает из результатов работы [3] и также теоремы 7.8 [4].

Через $\mathfrak{B}$ обозначим класс всех вполне факторизуемых групп. Легко проверить, что $\mathfrak{B}$ является наследственной насыщенной формацией. Кроме того, все силовские подгруппы в группах из $\mathfrak{B}$ элементарные абелевы, $\mathfrak{B} \subseteq \mathfrak{U}$, где $\mathfrak{U}$ – класс всех сверхразрешимых групп.

Лемма 2. $MS(\mathfrak{F}) \subseteq \mathfrak{F} \cup \mathfrak{B}$ для любого класса групп $\mathfrak{F}$.

Доказательство. В группе G для любого простого делителя p ее порядка по теореме Силова найдется подгруппа P простого порядка p . Возьмем для нее минимальное добавление H . Возможны следующие ситуации:

(а) если $P \leq H$, то $G = PH = H \in \mathfrak{F}$;

(в) если $P \cap H = 1$, то H будет уже дополнением к P в группе G . Перебором всех простых делителей порядка группы G мы получим, что все подгруппы простых порядков в группе G дополняемы. Следовательно, по лемме 2 получаем, что группа G вполне факторизуема. Лемма доказана.

Для классических формаций верен следующий результат.

Лемма 3 (теорема, [3]). *Справедливы следующие утверждения:*

(1) если $\mathfrak{F} \in \{\mathfrak{S}, \mathfrak{D}, \mathfrak{U}, \mathfrak{B}\}$, то $MS_1(\mathfrak{F}) = MS(\mathfrak{F}) = \mathfrak{F}$;

(2) если $\mathfrak{F} \in \{\mathfrak{N}, \mathfrak{A}\}$, то либо $G \in \mathfrak{F}$ либо G изоморфна полупрямому произведению двух циклических подгрупп различных простых порядков.

Множество минимальных добавлений к подгруппе A в группе G обозначим через $ms_G(A)$.

Лемма 4 (лемма 4, [2]). *Пусть A подгруппа группы G и $x \in G$. Тогда*

(1) $ms_G(A) = ms_G(A^x)$;

(2) если $B \in ms_G(A)$, то $B^x \in ms_G(A)$;

(3) если $B \in ms_G(A)$, то $BN/N \in ms_{G/N}(A/N)$ для всех подгрупп $N < G$, $N \subseteq A$.

Лемма 5. *Пусть $\mathfrak{F}$ – класс групп. Если группа $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$ и H не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа в группе G , то справедливы следующие утверждения:*

(1) подгруппа H нормальна в группе G ;

(2) если $\mathfrak{F}$ – гомоморф, то факторгруппа $G/H \in MS(\mathfrak{F})$.

Доказательство. (1) Предположим, что $H^x \neq H$ для некоторого элемента $x \in G$. Тогда в группе G существует минимальное добавление K к подгруппе H^x , принадлежащее $\mathfrak{F}$, т.е. $G = H^x K$, $K \in \mathfrak{F}$ и $H^x K_1 \neq G$ для всех собственных подгрупп K_1 из K . Из леммы 4(1) вытекает, что группа $G = HK$ и K – минимальное добавление к H . Так как $K \in \mathfrak{F}$, то получаем противоречие с выбором подгруппы H . Поэтому допущение неверно, и $H^x = H$ для всех $x \in G$, т.е. подгруппа H нормальна в группе G .

(2) Пусть $\mathfrak{F}$ – гомоморф. Из пункта (1) леммы вытекает, что подгруппа H нормальна в группе G . Допустим противное, что в факторгруппе G/H есть не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа S/H . Тогда любое минимальное добавление K/H к подгруппе S/H не принадлежит $\mathfrak{F}$. Так как K/H – минимальное добавление к подгруппе S/H , то $G = KS$. Ввиду того, что $S \neq H$, то в группе G существует минимальное добавление T к подгруппе S и $T \in \mathfrak{F}$. Из леммы 4(3) следует, что подгруппа TH/H является минимальным добавлением к подгруппе S/H . Так как $\mathfrak{F}$ – гомоморф и $T \in \mathfrak{F}$, то $TH/H \in \mathfrak{F}$. Получили противоречие с предположением. Поэтому $G/H \in MS(\mathfrak{F})$. Лемма доказана.

Лемма 6. *Пусть $\mathfrak{F}$ – наследственный класс групп. Если группа $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$ и H – не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа в G , то порядок H равен простому числу.*

Доказательство. Пусть простое число p делит порядок подгруппы H и P – подгруппа порядка p из H . Если P – собственная подгруппа в H , то найдется подгруппа S такая, что $PS = G$ и $S \in \mathfrak{F}$. Теперь и $HS = G$. А так как класс $\mathfrak{F}$ наследственный, то некоторая подгруппа S_1 из S , являющаяся минимальным добавлением к подгруппе H в G , будет также принадлежать $\mathfrak{F}$. Пришли к противоречию с выбором подгруппы H . Значит $P = H$. Лемма доказана.

Напомним, что $\Phi(G)$ – подгруппа Фраттини группы G .

Лемма 7. Пусть $\mathfrak{F}$ – наследственный класс групп. Если группа $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$ и H – не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа в G , то $H \geq \Phi(G)$.

Доказательство. Пусть $\Phi(G) \neq 1$. Предположим, что $H \neq \Phi(G)$. Тогда $\Phi(G)$ обладает минимальным добавлением K в группе G таким, что $K \in \mathfrak{F}$. По свойствам подгруппы Фраттини из равенства $\Phi(G)K = G$ следует, что $K = G$. Поэтому $G \in \mathfrak{F}$. Подгруппа H всегда имеет минимальное добавление L в группе G . Так как $G \in \mathfrak{F}$ и $\mathfrak{F}$ – наследственный класс, то $L \in \mathfrak{F}$. Получили противоречие с тем, что $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$ и H не $\mathfrak{F}$ -добавляемая подгруппа в группе G . Поэтому допущение неверно, и $H = \Phi(G)$. Итак, если $\Phi(G) \neq 1$, то $H = \Phi(G)$. Если $\Phi(G) = 1$, то ясно, что $\Phi(G) \leq H$. Лемма доказана.

Из лемм 6 и 7 вытекает, что для наследственного класса групп $\mathfrak{F}$ в группе $G \in MS_1(\mathfrak{F}) \setminus MS(\mathfrak{F})$ с неединичной подгруппой Фраттини $\Phi(G)$ не $\mathfrak{F}$ -добавляемой подгруппой является подгруппа $\Phi(G)$.

Запись $G = [H]K$ означает, что группа G является полупрямым произведением нормальной подгруппы H и подгруппы K .

Доказательство теоремы. Пусть $\Phi(G) = 1$. Тогда существует максимальная подгруппа K в группе G , не содержащая H . Так как по лемме 5(1) подгруппа $H < G$, то $G = [H]K$. По лемме 5(2) факторгруппа $G/H \in MS(\mathfrak{F})$, а по лемме 2 подгруппа $K \in \mathfrak{F} \cup \mathfrak{B}$. Из выбора подгруппы H следует, что $K \notin \mathfrak{F}$, поэтому $K \in \mathfrak{B}$.

Пусть теперь $\Phi(G) \neq 1$. Тогда $H = \Phi(G)$ по предыдущему следствию и $G/H \in MS(\mathfrak{F})$ по лемме 5(2). По лемме 2 факторгруппа $G/H \in \mathfrak{F} \cup \mathfrak{B}$. Если $G/H \in \mathfrak{F}$, то из насыщенности класса $\mathfrak{F}$ следует, что сама группа $G \in \mathfrak{F}$. Так как $\mathfrak{F}$ – наследственный класс, то $G \in MS(\mathfrak{F})$ – противоречие с выбором группы G . Поэтому $G/H \notin \mathfrak{F}$ и $G/H \in \mathfrak{B}$. Теорема доказана.

Доказательство следствия. Доказательство утверждения (1) вытекает из утверждений предыдущей теоремы и леммы 3.

Докажем утверждение (2). Так как группа $G \in MS_1(\mathfrak{M}) \setminus MS(\mathfrak{M})$, то существует не $\mathfrak{M}$ -добавляемая подгруппа H в группе G . Тогда по лемме 5(2) факторгруппа $G/H \in MS(\mathfrak{M})$, но $G/H \notin \mathfrak{M}$, иначе в группе G нет не $\mathfrak{M}$ -добавляемой подгруппы. Значит по лемме 3(5) $G/H \cong Z_r \times Z_q$, $q \mid p-1$.

Так как $\mathfrak{A} \subset \mathfrak{M}$, то из сказанного выше вытекает утверждение (2). Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеметков Л.А. Формации конечных групп // М., 1978. – 272 с.
2. Подгорная (Самусенко) В.В. О конечных группах с заданными минимальными добавлениями к подгруппам // Вопросы алгебры. Выпуск 13. Гомель, 1998. С. 177–182.
3. Горчаков Ю.М. Прimitивно факторизуемые группы // ДАН СССР. 131, 1960. С. 1246–1248.
4. Черников С.Н. Группы с заданными свойствами системы подгрупп // М., 1980. – 384 с.

S U M M A R Y

All groups in this paper are considered finite. It is showed the structure of groups for which the such subgroup H exist, that any nonidentity not equal H subgroup, having minimal supplement, belonging to the class $\mathfrak{F}$.

Поступила в редакцию 1.12.2000

Естественная конструкция обобщенной почти эрмитовой структуры

Начиная с 60-х годов XX в. в дифференциальной геометрии интенсивно изучаются почти эрмитовы структуры на многообразиях. Как следствие, в начале 80-х годов в работах В.Ф. Кириченко возникло понятие *обобщенной почти эрмитовой структуры* (ГАН-структуры) произвольного ранга r [1]. Примеры конструкций ГАН-структур ранга 2 и произвольного ранга указаны в работе [2]. Однако практически все работы по обобщенной эрмитовой геометрии посвящены исследованиям ГАН-структур ранга 1.

В то же время в 90-е годы был обнаружен значительный запас инвариантных структур на однородных регулярных Φ -пространствах [3], с помощью которого, как оказалось, можно конструировать инвариантные ГАН-структуры высших рангов. Это дало возможность рассмотреть ряд общих конструкций ГАН-структур, которые обеспечены инвариантными примерами на основе канонических f -структур на регулярных Φ -пространствах.

В данной работе предложена одна из таких естественных конструкций. При этом получены критерии принадлежности указанных ГАН-структур некоторым важнейшим классам в обобщенной эрмитовой геометрии.

Пусть M – связное гладкое многообразие, $C^\infty(M)$ – кольцо гладких функций на M , $\mathfrak{X}(M)$ – алгебра Ли векторных полей на M со скобкой Ли $[\cdot, \cdot]$. Если на M задана (псевдо) риманова метрика $\langle \cdot, \cdot \rangle$, то соответствующую ей связность Леви-Чивита будем обозначать символом ∇ . Все многообразия, тензорные поля и тому подобные объекты предполагаются гладкими класса C^∞ .

Определение [1]. Обобщенной почти эрмитовой структурой (ГАН-структурой) ранга r на гладком многообразии M называется совокупность $\{g, J_1, \dots, J_r, T\}$ тензорных полей на M , где $g = \langle \cdot, \cdot \rangle$ – псевдориманова метрика на M , $J_1, \dots, J_r$ – линейно независимые в каждой точке многообразия тензоры типа $(1,1)$, называемые структурными аффинорами, или структурными операторами, определенные в каждой точке многообразия с точностью до ненулевого числового множителя и являющиеся вместе со своими квадратами и тождественным аффинором образующими некоторого подмодуля, являющегося подалгеброй алгебры всех эндоморфизмов касательного пучка многообразия, T – тензор типа $(2,1)$, называемый композиционным тензором. При этом должны выполняться условия:

- 1) $\langle J_i X, Y \rangle + \langle X, J_i Y \rangle = 0$;
- 2) $T(J_i X, Y) = T(X, J_i Y) = -J_i T(X, Y)$;
- 3) $T_X g = 0$;
- 4) $\bigcap_{i=1}^r \ker J_i \subset \ker T \subset \bigcap_{i=1}^r \ker (J_i^5 - \lambda_i J_i)$;
- 5) $J_i J_j = J_j J_i$; ($i, j=1, \dots, r$, $X, Y \in \mathfrak{X}(M)$).

Здесь $0 < \lambda \in C^\infty(M)$; $T_X Y = T(X, Y)$; оператор T_X отождествляется с порожденным им дифференцированием тензорной алгебры многообразия. Многообразие, наделенное *ГАН*-структурой, называется обобщенным почти эрмитовым (*ГАН*-) многообразием. Символом *ГАН* обозначается класс всех *ГАН*-структур на M .

Наличие обобщенной почти эрмитовой структуры позволяет ввести в рассмотрение алгебраический объект, исследуя свойства которого можно делать выводы о геометрическом строении обобщенного почти эрмитова многообразия. Возникающая таким образом алгебраическая структура на $\mathfrak{X}(M)$ называется Q -алгеброй [1]. Более точно, операция композиции в $\mathfrak{X}(M)$ определяется формулой: $X * Y := T(X, Y)$.

Определение [1]. Q -алгебра V называется абелевой, если $V * V = \{0\}$.

Определение [1]. K -алгеброй называется антикоммутативная Q -алгебра: $X * Y = -Y * X$.

Определение [1]. A -алгеброй называется Q -алгебра V такая, что

$$\langle X * Y, Z \rangle + \langle Y * Z, X \rangle + \langle Z * X, Y \rangle = 0 \quad (1)$$

В названии *ГАН*-многообразия фиксируется соответствующее свойство его *присоединенной Q-алгебры* [1]. *ГАН*-многообразие, *присоединенная Q-алгебра* которого является *K-алгеброй* (*A-алгеброй*, *абелевой Q-алгеброй*), называется, соответственно, *обобщенным G₁-многообразием* (*G₂-многообразием*, *обобщенным эрмитовым многообразием*), и соответствующая *ГАН*-структура обозначается, соответственно, GG_1 , GG_2 , GH [1].

f -структурой на гладком многообразии M называется поле тензора типа $(1,1)$ на M такое, что $f^3 + f = 0$ [4]. Многообразие, снабженное f -структурой, называется f -многообразием. Рассмотрим на нем операторы $l = -f^2$, $m = f^2 + id$ [5]. Непосредственно проверяется, что $l^2 = l$, $m^2 = m$, $l + m = id$, т.е. l и m — взаимно дополнительные проекторы. Легко также убедиться, что образ оператора m совпадает с $\ker f$, т.е. m — проектор на ядро оператора структуры. Кроме того $f \circ l = l \circ f$, ввиду чего можно рассматривать ограничение $\tilde{f}$ оператора f на образ $\mathcal{L}$ оператора l . Очевидно $f^2 l = -l$, то есть $\tilde{f}^2 = -id$. Таким образом, $\mathfrak{X}(M) = \mathcal{L} \oplus \mathcal{M}$, где $\mathcal{M} = \ker f$, $f|_{\mathcal{L}} = \tilde{f}$ — антиинволютивный оператор.

f -многообразие M (и соответствующую f -структуру) называют *метрическими* [1], если на нем фиксирована риманова метрика $g = \langle \cdot, \cdot \rangle$ такая, что $\langle fX, fY \rangle = \langle f^2 X, f^2 Y \rangle$, $X, Y \in \mathfrak{X}(M)$. Из этого определения непосредственно следует, что $\langle \tilde{f}X, \tilde{f}Y \rangle = \langle X, Y \rangle$, $X, Y \in \mathcal{L}$, а также взаимная ортогональность распределений $\mathcal{L}$ и $\mathcal{M}$ в метрике g .

Теорема 1. Пусть $J_1, \dots, J_r$ — линейно независимые в каждой точке риманова многообразия (M, g) метрические f -структуры, удовлетворяющие условию $J_i J_j = 0$, $i, j = \overline{1, r}$, N_i — соответствующий J_i тензор Нейенхейса. Тогда на многообразии M существует тензор T типа $(2,1)$ такой, что совокупность

$\{g, J_1, \dots, J_r, T\}$ образует обобщенную почти эрмитову структуру ранга r . Тензор T имеет вид

$$T(X, Y) = \sum_{i=1}^r T_i(X, Y),$$

где

$$T_i(X, Y) = \frac{1}{2} \{ B_i(X, Y) - B_i^*(X, Y) - B_i^*(Y, X) \},$$

$$B_i(X, Y) = -J_i^2 N_i(J_i^2 X, J_i^2 Y),$$

B_i^* – тензор, сопряженный тензору B_i .

Доказательство. Проверим условия из определения обобщенной почти эрмитовой структуры. Отметим, что T_i построен на основе конструкции, указанной в [1]. Очевидно, что тензоры $J_1, \dots, J_r$ вместе со своими квадратами являются образующими подмодуля, являющегося подалгеброй в алгебре всех эндоморфизмов касательного пучка многообразия. Далее остается проверить справедливость требований, налагаемых на тензор T в определении GAH-структуры. Так как все рассматриваемые f -структуры являются метрическими, условие 1) выполняется. Докажем справедливость требования 2). В силу условия $J_i J_j = 0, i \neq j, i, j = \overline{1, r}, \forall X, Y \in X(M)$ получаем $J_i B_j(X, Y) = B_j(J_i X, Y) = B_j(X, J_i Y) = 0$. Отсюда легко получить $\forall X, Y \in X(M), i \neq j, i, j \in \overline{1, r}$:

$$J_j T_i(X, Y) = T_i(J_j X, Y) = T_i(X, J_j Y) = 0. \quad (2)$$

Тогда из (2) и того, что $T(X, Y) = \sum_{i=1}^r T_i(X, Y)$, приходим к равенствам:

$$T(J_i X, Y) = T_i(J_i X, Y), \quad T(X, J_i Y) = T_i(X, J_i Y), \quad J_i T(X, Y) = J_i T_i(X, Y).$$

Для тензора вида T_i условие 2) доказано в [1].

Откуда мы и получаем $T(J_i X, Y) = T(X, J_i Y) = -J_i T(X, Y), \forall i = \overline{1, r}$. Таким образом, требование 2) выполняется.

Теперь докажем, что условие 3) также удовлетворяется. Поскольку

$T(X, Y) = \sum_{i=1}^r T_i(X, Y)$, то указанное тождество автоматически вытекает из случая для ранга 1 [1].

Замечаем, что если $J_i X = 0$, то и $T_i(X, Y) = 0$, для любых Y . Значит, если $J_i X = 0 \forall i = \overline{1, r}$, то $T(X, Y) = \sum_{i=1}^r T_i(X, Y) = 0$. Другими словами, $\bigcap_{i=1}^r \ker J_i \subset \ker T$.

Так как J_i является f -структурой, то $J_i^5 = J_i$. Возьмем $\lambda \equiv 1$, тогда $J_i^5 - \lambda J_i = J_i - 1 J_i = 0$, то есть $\ker(J_i^5 - \lambda J_i) = \ker 0 = X(M)$.

Получаем цепочку вложений: $\bigcap_{i=1}^r \ker J_i \subset \ker T \subset X(M) \subset \bigcap_{i=1}^r X(M) \subset \bigcap_{i=1}^r \ker(J_i^5 - \lambda J_i)$. Следовательно, условие 4) выполняется.

Требование 5) обеспечивается условием $J_i J_j = 0$. Теорема 1 доказана.

Будем обозначать далее $X^i, Y^i \in \mathcal{L}_i$. Тогда из вида тензора T можно легко получить следующие свойства:

$$T_i(X, Y) = T_i(X^j, Y) = T_i(X, Y^j) = T_i(X^j, Y^j). \quad (3)$$

Ясно, что $X^i \in \ker J_j$ если $i \neq j$. Действительно, $-J_i^2 X^i = X^i$, значит $J_j X^i = -J_j J_i^2 X^i = 0$, т.к. тензоры связаны условием $J_i J_j = 0$, если $i \neq j$.

Тогда получаем, что если $X^j, Y^j \in \mathcal{L}_j$, для $i \neq j$ получаем:

$$T_i(X^j, Y^j) = T_i(X^j, Y) = T_i(X, Y^j) = 0. \quad (4)$$

Теорема 2. Для структуры, приведенной в теореме 1, справедливы следующие утверждения:

1. $\{g, J_1, \dots, J_r, T\}$ является GH-структурой $\Leftrightarrow \forall i = \overline{1, r} \{g, J_i, T_i\}$ является GH-структурой.

2. $\{g, J_1, \dots, J_r, T\}$ является GG₁-структурой $\Leftrightarrow \forall i = \overline{1, r} \{g, J_i, T_i\}$ является GG₁-структурой.

3. $\{g, J_1, \dots, J_r, T\}$ является GG₂-структурой $\Leftrightarrow \forall i = \overline{1, r} \{g, J_i, T_i\}$ является GG₂-структурой.

Доказательство. Композиционный тензор для структуры $\{g, J_i\}$ ранга 1 — это тензор T_i . То есть в дальнейшем нам надо проверить выполнимость условий для тензоров T и T_i .

1. Пусть все $T_i = 0$, тогда $T = 0$, поскольку $T(X, Y) = \sum_{i=1}^r T_i(X, Y)$. А значит обратное утверждение доказано.

Пусть теперь $T = 0$, что можно сказать о T_i ? Получаем: $J_i T(X, Y) = J_i T_i(X, Y) = 0$, $\forall X, Y \in X(M)$. Из свойств композиционного тензора имеем следующие равенства для J_i и T_i : $-J_i T_i(X, Y) = T_i(J_i X, Y) = T_i(X, J_i Y) = 0$.

Получаем, что $T_i(X, Y)$ обращается в ноль на векторных полях, являющихся образами других векторных полей при действии J_i .

Учитывая равенство (3), можно ограничиться рассмотрением только векторов из $\mathcal{L}$. Если $X \in \mathcal{L}$, то $X = -J_i^2 X = J_i(-J_i X)$. Т.е. в этом случае для X существует прообраз, следовательно $T_i(X, Y) = 0$.

Итак доказали утверждение $T = 0 \Leftrightarrow \forall i = \overline{1, r} T_i = 0$.

2. Для структуры ранга r должно выполняться $\sum_{i=1}^r T_i(X, Y) = -\sum_{i=1}^r T_i(Y, X)$, а для ранга 1 $T_i(X, Y) = -T_i(Y, X)$, $\forall i = \overline{1, r}$.

Очевидно, если T_i — кососимметричны, то $T(X, Y) = \sum_{i=1}^r T_i(X, Y)$ — кососимметричен. Значит обратное утверждение доказано.

Пусть теперь $T(X, Y) = -T(Y, X)$.

Тогда $J_i T(X, Y) = J_i T_i(X, Y) = -J_i T(Y, X) = -J_i T_i(Y, X)$.

Получаем $T_i(J_i X, Y) = -T_i(J_i Y, X) = -T_i(Y, J_i X)$. Поэтому для векторов, имеющих прообраз, свойство кососимметричности выполняется.

Для каждого $X \in \mathcal{L}$ существует Y такой, что $X = JY$ следовательно $T_i(X, Z) = -T_i(Z, X)$. Таким образом, если хотя бы одна переменная лежит в $\mathcal{L}$, то для T_i верно равенство: $T_i(X, Y) = -T_i(Y, X)$.

Из равенства (3) можно получить утверждение для любых X и Y : $T_i(X, Y) = T_i(X^i, Y^i) = -T_i(Y^i, X^i) = -T_i(Y, X)$.

Доказано утверждение: $T(X, Y) = -T(Y, X) \Leftrightarrow \forall i = \overline{1, r}, T_i(X, Y) = -T_i(Y, X)$.

3. Метрика на GAN-многообразии задается формулой:

$$\langle\langle X, Y \rangle\rangle = \sum_{i=0}^r \langle J_i^3 X, Y \rangle J_i,$$

где $J_0 = id$ [1]. То есть для ранга 1 будем иметь

$$\langle\langle X * Y, Z \rangle\rangle = \langle -J_0 T_i(X, Y), Z \rangle J_0 + \langle -J_i T_i(X, Y), Z \rangle J_i.$$

Для ранга r .

$$\begin{aligned} \langle\langle X * Y, Z \rangle\rangle &= \langle\langle T(X, Y), Z \rangle\rangle = \\ &= \langle -J_0 \sum_{i=1}^r T_i(X, Y), Z \rangle J_0 + \sum_{i=1}^r \langle -J_i T_i(X, Y), Z \rangle J_i = \\ &= \sum_{i=1}^r (\langle -J_0 T_i(X, Y), Z \rangle J_0 + \langle J_i T_i(X, Y), Z \rangle J_i). \end{aligned}$$

Из вида метрики очевидно, что если (1) верно для всех T_i , то верно и для T . Обратно, пусть (1) верно для T . Тогда из (4) имеем:

$$\langle\langle X^i * Y^i, Z^i \rangle\rangle = \langle -J_0 T_i(X^i, Y^i), Z^i \rangle J_0 + \langle -J_i T_i(X^i, Y^i), Z^i \rangle J_i.$$

Если $X, Y, Z \in \mathcal{L}$, то для T_i верно (1). Далее, используя (3), легко показать справедливость (1) для T_i в случае любых X, Y, Z :

$$\begin{aligned} \langle\langle X * Y, Z \rangle\rangle &= \langle -J_0 T_i(X, Y), Z \rangle J_0 + \langle -J_i T_i(X, Y), Z \rangle J_i = \\ &= \langle -J_0 T_i(X^i, Y^i), Z \rangle J_0 + \langle T_i(J_i X^i, Y^i), Z \rangle J^i = \\ &= \langle Y^i, -J_0 T_i(X^i, Z^i) \rangle J_0 - \langle Y^i, T_i(X^i, J_i Z^i) \rangle J_i = \\ &= \langle Y^i, -J_0 T_i(X^i, Y^i) \rangle J_0 - \langle Y^i, T_i(X^i, J_i Z^i) \rangle J_i = \\ &= \langle -J_0 T_i(X^i, Y^i), Z^i \rangle J_0 + \langle J_i T_i(X^i, Y^i), Z^i \rangle J_i = \langle\langle X^i * Y^i, Z^i \rangle\rangle. \end{aligned}$$

Отсюда получаем

$$\langle\langle T_i(X, Y), Z \rangle\rangle + \langle\langle T_i(Y, Z), X \rangle\rangle + \langle\langle T_i(Z, X), Y \rangle\rangle =$$

$$= \langle \langle T_i(X^i, Y^i), Z^i \rangle \rangle + \langle \langle T_i(Y^i, Z^i), X^i \rangle \rangle + \langle \langle T_i(Z^i, X^i), Y^i \rangle \rangle = 0.$$

А значит тождество (1) выполняется для T_i . Получили утверждение 3. Теорема 2 полностью доказана.

Важно отметить, что указанная в работе конструкция находит свою реализацию на однородных Φ -пространствах в классе канонических f -структур [3]. В частности, канонические f -структуры f_1 и f_2 на однородном Φ -пространстве G/H порядка 5 удовлетворяют условию $f_1 f_2 = f_2 f_1 = 0$ [3]. Более того, в естественно редуктивном случае эти структуры принадлежат классу GH [6]. Поэтому по теореме 2(1) получаем серию однородных многообразий, обладающих GH -структурой ранга 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кириченко В.Ф.** Методы обобщенной эрмитовой геометрии в теории почти контактных структур // Итоги науки и техники. Проблемы геометрии, 1986. Т.18. ВИНТИ АН СССР. С. 25-71.
2. **Кириченко В.Ф.** Касательное расслоение с точки зрения обобщенной эрмитовой геометрии // Изв. ВУЗов. Математика, 1984, № 7. С. 50-59.
3. **Балащенко В.В., Степанов Н.А.** Канонические аффинорные структуры классического типа на регулярных Φ -пространствах // Математический сборник, 1995. Т. 186, № 11. С. 3-34.
4. **Yano K.** On a structure defined by a tensor field f of type $(1,1)$ satisfying $f^3 + f = 0$ // Tensor, 1963. V.14. P. 99-109.
5. **Яно К., Кон М.** CR-подмногообразия в келеровом и сакакиевом многообразиях. М., 1990. С. 24.
6. **Балащенко В.В.** Однородные эрмитовы f -многообразия // «Понтрягинские чтения – X». Тезисы докл. Воронеж, 1999. С. 24.

S U M M A R Y

One natural construction of a generalized almost Hermitian structures is introduced. It is based on special f -structures on smooth manifolds. Some necessary and sufficient conditions for the structure to belong to main classes in the generalized Hermitian geometry are obtained. The construction proposed can be a means of some invariant canonical f -structures on homogeneous regular Φ -spaces.

Поступила в редакцию 19.02.2001

Д.В. Радкевич, С.А. Кукушкин

Материалы по морфологии плотвы озер бассейна реки Западная Двина

Плотва *Putilus rutilus* (L.) в водоемах Белорусского Поозерья образует многочисленные популяции и заселяет практически все водоемы, пригодные для жизни рыб. Она является основной промысловой рыбой наших водоемов. По данным П.И. Жукова [1, 2] уловы ее в Беларуси составляют от 4 до 10 тысяч центнеров или 20-45% от общего вылова.

Цель данной работы – дать морфометрическую характеристику популяций плотвы озер Серокоротня, Березовское, Лосвидо, Большое Свино и Дривяты, т.к. такие данные в литературе отсутствуют.

Для изучения изменчивости плотвы по общепринятой методике измерения карповых рыб [3] рассматривались 3 меристических признака: количество ветвистых лучей в спинном плавнике (D), количество ветвистых лучей в анальном плавнике (A) и количество чешуй в боковой линии (II); а также 17 пластических признаков: длина (ID) и высота (hD) спинного плавника, длина (IA) и высота (hA) анального плавника, длина головы (с), наибольшая (H) и наименьшая (h) высота тела, длина хвостового стебля (pl), антедорсальное (aD) и постдорсальное (pD) расстояния, длина грудного (IP) и брюшного (IV) плавников, пектоцентрально (P-V) и вентроанальное (V-A) расстояния, диаметр глаза (о), заглазничное расстояние (po) и высота головы у затылка (hc).

Статистическая обработка значений пластических и меристических признаков проводилась по методике П.Ф. Рокицкого [4]. Сравнение средних арифметических значений признаков проводили по t-критерию Стьюдента.

Значения пластических и меристических признаков представлены в таблице. Количество ветвистых лучей в спинном плавнике у плотвы из исследованных водоемов находится в пределах 9-11 (в среднем более 9). Средние значения этого признака колеблются в пределах от 9,938 у плотвы из озера Серокоротня до 9,980 у плотвы из озера Березовское. Достоверные различия по этому признаку отмечены только между одной парой выборок. Так, плотва из озера Березовское имеет достоверно большее количество ветвистых лучей в D, чем плотва из озера Серокоротня. Число ветвистых лучей в анальном плавнике варьируется от 9 до 11 (среднее более 10). Средние значения по этому признаку находятся в пределах от 10,26 (оз. Лосвидо) до 10,42 (оз. Дривяты). Достоверных различий в изученных нами выборках плотвы не отмечено. Количество чешуй в боковой линии колеблется от 41 до 45 (среднее более 42). Средние значения количества чешуй в II изменяются от 42,35 (оз. Лосвидо) до 43,1 (оз. Дривяты). Достоверные различия по этому признаку отмечены в четырех парах выборок. Так, выборка плотвы из озера Лосвидо имеет достоверно меньшее количество чешуй в II, чем выборки плотвы из озер Дривяты, Большое Свино и Серокоротня. Выборка плотвы из озера Березовское имеет меньшее значение количества чешуй в II, чем выборка из озера Дривяты.

Морфометрическая характеристика плотвы

	оз. Сероко- ротня (1)	оз. Березов- ское (2)	оз. Лосви- до (3)	оз. Б. Свино (4)	оз. Дривяты (5)	1-2	1-3	1-4	1-5	2-3	2-4	2-5	3-4	3-5	4-5
II	42.78±0.10	42.70±0.08	42.35±0.08	42.99±0.07	43.10±0.07	0.6	3.2	1.6	2.5	2.9	2.6	3.6	5.8	6.8	1.6
D	9.94±0.03	9.98±0.02	9.85±0.04	9.82±0.06	9.82±0.04	1.2	1.7	1.9	2.2	2.7	2.8	3.3	0.4	0.5	0
A	10.34±0.05	10.35±0.05	10.26±0.05	10.36±0.05	10.42±0.05	0.1	1.1	0.2	0.9	1.3	0.2	0.9	1.4	2.1	0.9
Пластические признаки, в % длины тела (I)															
ID	15.21±0.09	13.80±0.10	15.80±0.10	14.75±0.10	14.53±0.06	10.1	3.7	3.5	6.1	14.2	6.8	6.1	7.6	10.8	1.9
hD	21.21±0.13	19.90±0.14	21.50±0.10	20.93±0.10	20.78±0.09	6.7	1.8	1.7	2.7	9.4	5.9	5.3	4.1	5.5	0.5
IA	13.18±0.10	12.45±0.10	13.10±0.10	12.54±0.08	12.46±0.08	5.2	0.6	5.1	5.8	4.5	0.7	0.1	4.3	2.5	0.8
hA	13.71±0.12	11.69±0.09	13.40±0.10	13.28±0.08	13.14±0.06	13.6	2.0	3.0	4.3	12.8	13.1	10.3	0.9	2.2	1.4
o	7.09±0.06	7.14±0.04	7.00±0.05	7.79±0.04	6.83±0.04	0.7	1.2	10.2	3.9	2.1	11.0	5.4	11.8	2.7	17.7
po	10.93±0.06	9.99±0.07	10.80±0.06	10.57±0.05	10.33±0.04	9.9	1.5	4.7	8.5	9.0	23.8	4.3	3.0	6.4	4.2
hc	17.84±0.13	13.95±0.14	18.08±0.10	17.61±0.10	17.32±0.06	20.4	1.4	1.4	3.5	24.7	21.9	13.9	3.3	5.4	2.5
c	23.17±0.10	22.41±0.09	23.46±0.10	23.54±0.07	22.50±0.07	5.7	2.1	3.1	5.7	7.6	10.0	0.8	0.7	7.6	10.6
H	29.27±0.15	26.46±0.17	30.97±0.13	29.21±0.20	29.73±0.12	12.5	8.4	0.2	2.4	21.1	10.6	16.0	7.2	6.8	2.2
h	9.64±0.06	9.76±0.07	10.34±0.06	10.02±0.05	10.07±0.04	1.3	8.1	5.0	5.8	6.3	3.0	3.7	4.4	3.7	0.8
pl	20.09±0.13	18.23±0.20	19.03±0.12	19.89±0.09	20.11±0.10	10.5	6.2	1.3	0.1	4.8	11.2	12.1	5.8	6.9	1.6
aD	51.35±0.17	50.32±0.21	51.17±0.15	51.51±0.12	51.03±0.12	3.7	0.8	0.8	1.5	3.3	4.8	2.9	1.8	0.7	2.8
pD	37.10±0.17	35.24±0.16	36.63±0.18	37.31±0.10	37.86±0.11	7.8	1.9	1.0	3.7	5.6	10.7	13.2	3.3	5.9	3.6
IP	18.17±0.12	17.63±0.10	18.94±0.11	19.54±0.10	19.12±0.08	3.6	2.3	9.1	6.7	9.0	14.3	11.6	4.1	1.3	3.3
IV	17.81±0.13	16.54±0.09	18.68±0.10	18.77±0.08	18.36±0.08	8.2	5.4	6.4	3.7	16.0	18.6	15.6	0.7	2.6	3.7
P-V	27.60±0.14	25.82±0.15	27.58±0.15	27.34±0.12	27.95±0.14	8.8	0.1	1.8	1.8	9.3	8.1	10.8	1.1	2.0	3.4
V-A	23.29±0.20	20.62±0.17	24.31±0.16	24.44±0.12	24.86±0.12	10.2	4.0	5.0	11.7	15.6	18.4	20.5	0.6	2.7	2.5

По пластическим признакам наибольшим сходством обладают выборки плотвы из озер Серокоротня и Лосвидо. Они не имеют достоверных различий по 11 признакам из 17. Плотва из озера Серокоротня имеет достоверно большее значение p_l , а также меньшие значения ID , H , h , ID и $V-A$. По 10 признакам не имеют отличий выборки плотвы из озер Большое Свино и Дривяты. Плотва из озера Дривяты отличается большими размерами pD и $P-V$, а также меньшими размерами o , po , c , IP и ID . Выборка плотвы из озера Лосвидо имеет достоверно большие, чем выборка из озера Большое Свино, размеры ID , IA , po ; а также меньшие размеры o , c , h , IP , IV и $V-A$. В этих выборках не обнаружено различий по 8 признакам. Плотва из озера Лосвидо имеет большие, чем плотва из озера Дривяты, размеры ID , hD , po , hc , c , H и h ; а также меньшие размеры p_l и pD . Плотва из озера Лосвидо отличается от плотвы из озера Большое Свино большими размерами ID , hD , IA , hc , H , h и меньшими размерами o , p_l , pD и IP . В этих выборках нет различий по 7 признакам. У плотвы из озера Лосвидо достоверно большие, чем у плотвы из озера Дривяты, размеры ID , IA , hA , o , po , hc и c ; а также меньшие размеры h , pD , IP , IV и $V-A$. Не отмечено различий по 5 признакам. Только по 3 признакам нет различий в выборке плотвы из озер Березовское и Дривяты. У плотвы из озера Березовское достоверно большее значение o , а также меньшие значения ID , hD , hA , po , hc , H , h , p_l , pD , IP , IV , $P-V$ и $V-A$. В выборках плотвы из озер Серокоротня и Березовское нет различий по двум пластическим признакам. У серокоротнянской плотвы достоверно большие значения ID , hD , IA , hA , po , hc , c , H , p_l , aD , pD , IP , IV , $P-V$ и $V-A$. У плотвы из озера Березовское достоверно меньшие чем у плотвы из озера Большое Свино показатели ID , hD , hA , o , po , hc , c , H , p_l , aD , pD , IP , IV , $P-V$ и $V-A$. Не отмечено различий по двум признакам. Только по одному признаку нет различий в выборках плотвы из озер Березовское и Лосвидо. У плотвы из озера Березовское меньшие значения ID , hD , IA , hA , po , hc , c , H , h , p_l , aD , pD , IP , IV , $P-V$ и $V-A$.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. По меристическим признакам не имеют достоверных различий выборки плотвы из озер Серокоротня и Березовское, Серокоротня и Большое Свино, Серокоротня и Дривяты, Березовское и Лосвидо, Березовское и Большое Свино, Большое Свино и Дривяты. По двум из трех меристическим признакам отличаются выборки из озер Березовское и Дривяты.

2. При сравнении всех выборок по пластическим признакам наименьшее сходство отмечено для плотвы из озера Березовское. Из изученных 17 признаков достоверные различия с другими выборками находятся в пределах от 14 до 16.

3. По всем имеющим достоверные различия пластическим признакам плотва из озера Березовское имеет наименьшие значения. Только плотва из озера Дривяты имеет меньший диаметр глаза.

4. По пластическим признакам наибольшим сходством обладают выборки плотвы из озер Серокоротня и Лосвидо.

5. Плотва из изученных нами водоемов характеризуется следующими показателями: II 41-45 ($42,73 \pm 0,10$), DIII 9-11 ($9,94 \pm 0,03$), AIII 9-11 ($10,34 \pm 0,05$); оз. Березовское II 41-45 ($42,70 \pm 0,08$), DIII 9-11 ($9,98 \pm 0,02$), AIII 10-11 ($10,35 \pm 0,05$); оз. Лосвидо II 41-45 ($42,35 \pm 0,08$), DIII 9-11 ($9,85 \pm 0,04$), AIII 9-11 ($10,26 \pm 0,05$); оз. Большое Свино II 42-44 ($42,99 \pm 0,07$), DIII 9-11 ($9,82 \pm 0,06$), AIII 10-11 ($10,36 \pm 0,05$); оз. Дривяты II 42-45 ($43,10 \pm 0,07$), DIII 9-11 ($9,82 \pm 0,04$), AIII 9-11 ($10,42 \pm 0,05$).

Таким образом, выборки плотвы из изученных нами водоемов различаются по ряду меристических и пластических признаков, что связано с условиями обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков П.И. Рыбы Белоруссии. Мн., 1965. – 416 с.
2. Жуков П.И. Справочник по экологии пресноводных рыб. Мн., 1988. – 310 с.
3. Правдин И.Ф. Изучение возраста и роста рыб. М., 1966. – 347 с.
4. Рокицкий П.Ф. Биологическая статистика. Мн., 1967. – 328 с.

S U M M A R Y

The roach populations in Beryozovskoe, Serokorotnya, Losvido, Bolshoe Svino and Drivyfty lakes differ in a number of morphological parameters. This difference depends on the conditions of environment.

Поступила в редакцию 2.02.2000

УДК 595.785 (476)

А.В. Кулак, И.А. Солодовников

Новые и редкие для Беларуси виды пядениц трибы *Perizomini* (*Lepidoptera*, *Geometridae*)

В европейской фауне триба *Perizomini* насчитывает 19 видов мелких пядениц, принадлежащих к двум родам: *Perizoma* Hübner, 1825 и *Baptia* Hübner, 1825 с единственным представителем *B. tibiale* (Esper, 1791) [1]. На территории Беларуси до недавнего времени было зарегистрировано 10 видов, относящихся к первому роду [2-5]. Результаты наших исследований, проведенных в период с 1988 по 2000 год в северной и западной частях республики, а также анализ собранных ранее материалов по чешуекрылым, хранящихся в Институте зоологии НАН Беларуси, позволили пополнить список пядениц, обитающих на ее территории, тремя видами. Кроме этого, нами были обнаружены 2 редких вида, известных лишь по единичным находкам [3, 5].

Весь собранный и обработанный материал хранится в лаборатории энтомологии Института зоологии НАН Беларуси.

Приводим список впервые обнаруженных в республике и редко встречающихся на ее территории видов трибы *Perizomini*, сопровождая их данными о местах и времени сбора, особенностях биологии отдельных фаз развития, распространении в Беларуси и соседних с ней регионах. Сведения относительно биологии видов и их распространения в соседних государствах заимствованы из различных литературных источников [3, 6-14]; расположение видов принято в порядке, предложенном Б. Мюллером [1].

Perizoma hydrata (Treitschke, 1829) – пяденица смолевковая. Ранее на территории Беларуси вид не отмечался. Единственный самец пойман 06.06.1988 г. на опушке смешанного леса в окрестностях д. Придвинье (Витебский р-н), а также самец и самка, добытые при помощи светоловушки 04.06 и 06.06.2000 г. на опушке злаковой дубравы близ д. Лунно (Мостовский р-н Гродненской

обл.). Бабочка обитает на суходольных лугах, в светлых лесах, преимущественно по опушкам. Лет происходит в мае-июне. Гусеницы развиваются в июле-августе в семенных коробочках смолевок (*Silene vulgaris* (Moench) Garcke, *S. nutans* L.), на смолке (*Viscaria vulgaris* Bernh.) и горицвете (*Lychnis chalcidion* L.). Зимовка проходит в фазе куколки. В сопредельных регионах вид встречается повсеместно, но редко [6-13].

Perizoma bifaciata (Haworth, 1809) – пяденица двуперевязанная. Ранее один экземпляр указанного вида был отмечен в конце 60-х гг. в Березинском государственном биосферном заповеднике [2]. Один самец обнаружен нами среди неопределенного материала, собранного сотрудниками Института зоологии НАН Беларуси 18.08.1968 г. с помощью ртутно-кварцевой лампы, расположенной в Центральном ботаническом саду (г. Минск). Вид обитает в основном по опушкам лесов и на суходольных лугах. Лет длится с середины июля до конца августа. Гусеницы встречаются в августе - сентябре на различных видах очанок (*Euphrasia* L.) и зубчатке (*Odontites* Ludw.), питаются главным образом семенами, реже – цветами и листьями растений. Зимует вид в фазе куколки, иногда в течение нескольких лет. В соседних государствах встречается редко [6, 8-13], за исключением Тульской области России и Латвии, где он нередок [7, 13].

Perizoma blandiata (Denis & Schiffermüller, 1775) – пяденица очанковая. Ранее на территории Беларуси данный вид не отмечался. Нами обнаружены три самца и одна самка среди материала, собранного сотрудниками Института зоологии НАН Беларуси 4-5.08.1986 г., 5.06.1989 г. и 26.07.1989 г. в окрестностях д. Домжерицы (Лепельский р-н Витебская обл.). Бабочка населяет влажные лесные поляны и опушки, а также заболоченные биотопы. Взрослые особи встречаются с конца мая до середины августа; гусеницы – в июле-сентябре, развиваются в цветках и семенных коробочках различных видов очанок (*Euphrasia* L.). Зимовка проходит в фазе куколки. В Польше, Латвии и Эстонии встречается нередко [11, 13], на сопредельной территории России и в Литве редок [6, 8, 12], зарегистрирован на Украине [10, 14].

Perizoma sagittata (Fabricius, 1787) – пяденица стрелчатая. В начале прошлого века несколько экземпляров было зарегистрировано в окрестностях станции Лынтупы (Поставский р-н Витебской обл.) [4]. Нами один экземпляр обнаружен в частной коллекции А.А. Коровина (г. Брест). Бабочка была поймана в июле 1998 г. в окрестностях д. Галочево (Брестский р-н) на свет ртутно-кварцевой лампы. Вид обитает на болотах, окраинах торфяных лугов, переувлажненных полянах и опушках старых широколиственных и хвойно-широколиственных лесов. Лет имаго происходит с середины июня до конца июля. Гусеницы в августе-сентябре развиваются на соцветиях различных видов василистников (*Thalictrum* L.). Зимует вид в фазе куколки, иногда дважды. На сопредельных территориях вид повсеместно редок [7, 8, 11, 13] и обычно локален [6, 9, 12].

На территории республики предполагается обнаружение еще одного вида, принадлежащего к данному роду – *Perizoma lugdunaria* (Herrich-Schäffer, 1856) – пяденицы волдырниковой, отмеченной во многих соседних регионах [8, 10-12]. Ее гусеницы развиваются на охраняемом в Беларуси растении – волдырнике ягодном (*Cucubalus baccifer* L.).

Baptria tibiale (Esper, 1791) – пяденица траурная. Ранее в Беларуси вид не отмечался. Нами пойман один экземпляр 19.06.1988 г. в окрестностях д. Привинье (Витебский р-н). Бабочка обитает на опушках широколиственных и смешанных лесов, преимущественно в разреженных и влажных стациях. Лет длится с начала июня до середины июля. Гусеницы развиваются в июле-августе на изредка встречающемся в Беларуси растении – воронце колосо-

видном (*Actaea spicata* L.). Зимует вид в фазе куколки. На сопредельных территориях соседних государств распространен локально и встречается обычно очень редко [6, 11-13], зафиксирован на Украине [14].

Таким образом, на территории Беларуси в настоящее время обнаружено 13 видов пядениц трибы *Perizomini*. В основном, они являются узкими олигофагами или монофагами, распространены на очень ограниченных территориях в местах произрастания кормовых растений гусениц и поэтому встречаются, как правило, редко. Из них – пяденицы стрельчатая (*Perizoma sagittata* F.) и траурная (*Baptia tibiale* Esp.), встречающиеся локально и крайне редко, нуждаются в охране.

Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Коровину (г. Брест) за предоставленный для обработки и публикации материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Müller B. Geometridae. In Ole Karsholt & Jozef Razowski (eds). The Lepidoptera of Europe. Stenstrup, Apollo Books, 1996. P. 218 - 248.
2. Антонова Е.М. К составу фауны бабочек пядениц (Lepidoptera, Geometridae) Березинского государственного заповедника // Березинский заповедник. Минск, 1972. Вып. 2. С. 140-159.
3. Кулак А.В. Новые и малоизвестные виды пядениц (Lepidoptera, Geometridae) для Беларуси // Весці НАН Беларусі. Сер. біялагічных навук, 2001, № 1. С. 111-115.
4. Мержеевская О.И., Литвинова А.Н., Молчанова Р.В. Чешуекрылые (Lepidoptera) Белоруссии: Каталог. Минск, 1976. – 131 с.
5. Дампф А.М. Материалы к фауне чешуекрылых Виленской губернии // Тр. Рус. энтомот. о-ва, 1908. Т. 38. С. 524 - 557.
6. Антонова Е.М. Фауна и географическое распространение пядениц (Geometridae, Lepidoptera) в Московской области // Сб. тр. Зоологического музея МГУ, 1981. Т. 19. С. 171-207.
7. Антонова Е.М., Большаков Л.В. Пяденицы (Lepidoptera, Geometridae) Тульской области // Actias, 1995. Т. 2, №1-2. С. 13 - 32.
8. Державец Ю.А., Иванов А.И., Миронов В.Г., Мищенко О.А. и др. Список чешуекрылых (Macrolepidoptera) Ленинградской области // Труды ВЭО, 1986. Т. 67. С. 186-270.
9. Костюк И.Ю., Шешурак П.Н., Плющ И.Г., Галкина Е.М. Разноусые чешуекрылые (Lepidoptera, Heterocera) Черниговской области Украины. Ч. 3. Пяденицы (Geometridae). Киев, 1998. – 158 с.
10. Мазепа І.І. До фауни п'ядунів (Geometridae, Lepidoptera) долини Середнього Дніпра // Вісник Київського університету. Сер. біології, 1965, № 7. С. 108-114.
11. Bleszyński S. Geometridae, podrodzina Hydriomeninae. Klucze do oznaczania owadów Polski, Warszawa, XXVII, reszyt 46b. 1965. – 305 s.
12. Ivinskis P. Check-list of Lithuanian Lepidoptera. Lietuvos drugių sąrašas. Vilnius, 1993. – 210 p.
13. Šulcs A., Viidalepp J. Verbreitung der Großschmetterlinge im Balticum. IV. Spanner (Fam. Geometridae) // Deutsch. Ent. Ztschr. 1972, N. F. 19, № 1 - 3. S. 151-209.
14. Viidalepp J. Checklist of the Geometridae (Lepidoptera) of the former U.S.S.R. – Stenstrup, Apollo Books, 1996. – 111 p.

S U M M A R Y

Three species of geometrids (*Perizoma hydrata* Tr., *P. blandiata* Den&Schiff. and *Baptia tibiale* Esp.) are reported for the first time for Belarus. Data on duration of stages of adults and caterpillars, overwintering stages, host plants of caterpillars, biotopical preference and character of the spread in Belarus and in the contiguous territories for each species are presented. Additional data of distribution of some species (*Perizoma bifaciala* Haw. and *Perizoma sagittata* F.) are given.

Поступила в редакцию 6.05.2000

И.В. Пилецкий

Сравнительная оценка трудоресурсного потенциала сельского населения административных районов Витебской области

Жизнь человека неразрывно связана с процессом производства, т.е. взаимодействия людей и сил природы. Однако воздействовать на природу может не все население, а лишь определенная часть, обладающая рядом качеств: соответствующим возрастом, здоровьем, образованием, трудовыми навыками и др. Эту часть населения, проживающую на определенной территории и способную к труду, называют трудовыми ресурсами. Количество и качество трудовых ресурсов (это, в основном, численность трудоспособных, их качественный состав, уровень занятости и производительности труда) определяют величину трудового потенциала [1, 2].

Качественное развитие людских ресурсов ООН рассматривает как ведущий принцип международной стратегии устойчивого развития человеческого общества на современном этапе. В общем виде концепция перехода Беларуси на модель устойчивого развития исходит из реализации идей экологизации хозяйственной деятельности и решения наиболее острых социальных проблем; сохранения биосферы и формирования ноосферы; возрастания роли духовных ценностей. В ее основу положена идея комплексного использования природного, социально-экономического, политического и трудового потенциала страны [3-5].

Переход к новым экономическим отношениям требует и соответствующего подхода к трудовым ресурсам как в республике в целом, так и в регионах в отдельности. Только индивидуальный подход, учитывающий специфические особенности каждого региона, позволит успешно решить социально-экономические проблемы.

Население республики очень болезненно переживает происходящие преобразования в обществе. Особую остроту приобрели морально-психологические проблемы – труда и занятости, безработицы и трудоустройства. О чем свидетельствует рост числа суицидов, наркомания, алкоголизм и другие социально опасные явления. Кроме того, трудовые ресурсы оказались неподготовленными к новым формам предпринимательской деятельности, международного сотрудничества, экономических и трудовых связей [6]. Преобразования в отраслевой структуре экономики обусловили необходимость перераспределения и переквалификации рабочей силы, новых знаний, освоения новой техники и технологий. По всей видимости, эти проблемы занятости населения и рационального использования трудоресурсного потенциала сохранятся и в обозримом будущем.

Новые подходы к решению социально-экономических проблем требуют переоценки трудоресурсного потенциала республики. При этом эффективность государственного управления и хозяйствования немыслима без наличия детальных научных разработок, объективно оценивающих сложившуюся ситуацию с трудовыми ресурсами в регионах, фактического материала, отражающего территориальные различия в производственных возможностях сельских районов.

Решение существующих проблем, таким образом, переходит в плоскость научного анализа и оценки того трудоресурсного потенциала, которым обладает регион на национальном и местных уровнях, возможностей его формирования и использования. Количественные и качественные характеристики трудового потенциала позволяют рационально корректировать дальнейшее развитие хозяйственного комплекса с учетом других ресурсов территории, сохранять и развивать научно-технический потенциал, увеличить профессиональную и миграционную мобильность, укрепить политическую и социальную стабильность [6, 7].

Трудовой потенциал не постоянен во времени и пространстве и зависит от численности работников, производительности их труда, знаний и умений, т.е. определяется как количественными, так и качественными характеристиками наличных и будущих ресурсов конкретного региона.

Количественные характеристики дают представление о той части населения, которая является носителем трудового потенциала или им станет. Это люди трудоспособного возраста, занятые пенсионеры, подрастающая молодежь, а также работники, привлекаемые со стороны (маятниковые мигранты, временные, сезонные работники). Численность этих групп, темпы их ежегодного прироста или убыли, доля в составе всего населения определяют количественную величину трудового потенциала.

К качественным характеристикам относятся пол, возраст трудовых ресурсов, продолжительность трудовой жизни (рабочий период), состояние здоровья и уровень работоспособности, территориальной и профессиональной мобильности, степень занятости и трудовой активности, трудовая отдача и уровень производительности труда. В конечном счете, от совместного влияния отмеченных параметров зависит величина произведенного валового национального продукта, что отражается на общем социально-экономическом уровне развития страны.

Следует подчеркнуть, что ряд параметров (продолжительность жизни, уровень грамотности взрослых, срок обучения, уровень образования, производство валового продукта на душу населения) используется в расчетах индекса человеческого развития (ИЧР) – интегрального показателя, введенного комиссиями ООН в 1990 г. в международную практику статистического анализа [8].

В данной статье экономико-географический анализ и установление территориальных различий в величине трудового потенциала административных районов Витебской области проведены согласно методике, предложенной и разработанной Манак Б.А. [6]. Трудовой потенциал любой территории, согласно этой методике, оценивается с помощью интегрального показателя – индекса трудового потенциала (ИТП). Он вычисляется путем соответствующего интегрирования определенных относительных показателей. С этой целью по каждому из определяемых параметров потребовалось определение базовых величин. Они рассчитаны исходя из средних статистических данных по Беларуси [9]. Полученные параметры представлены в таблице 1. Результаты расчетов количественных и качественных параметров трудоресурсного потенциала административных районов Витебской области сведены в таблицу 2.

**Средние по республике относительные величины для оценки
трудоресурсного потенциала сельского населения
на уровне административного района**

№	Показатели	Единица измерения	Данные за период 1995-1999гг.
1.	Уровень трудоспособности: - численность сельского населения в среднем на один район; - численность трудоспособных в среднем на один район; - доля трудоспособных в составе сельского населения; - доля молодых возрастов (16-30 лет) в составе трудоспособных; - средний возраст сельского населения	тыс./чел. тыс./чел. % % лет	27 14 49 36 42
2.	Обеспеченность трудовыми ресурсами: - количество трудоспособных в расчете на единицу площади; - в том числе обрабатываемых земель	чел./км ² чел./100 га с/х угодий	8 16
3.	Степень трудозаменяемости: - приходится молодых трудоспособных (16-30 лет) на 100 человек в возрасте 50-60 лет; - вступающих в трудоспособный возраст на 100 человек, выбывающих на пенсию	человек человек	165 121
4.	Образовательный уровень трудовых ресурсов в расчете на 1000 занятых (по переписи 1999 года): - с высшим; - со средним специальным; - с начальным профессиональным (ПТУ); - со средним общим; - с неполным средним; - с начальным образованием	человек человек человек человек человек человек	104 233 119 373 128 42
5.	Степень трудовой активности: - доля занятых среди трудоспособных; - численность занятых в расчете на 1000 жителей	% человек	81 390
6.	Уровень трудовой отдачи: - производство валовой продукции на одного работника, в ценах 1983 года	млн. руб.	9670

Анализ результатов сравнительной характеристики и оценки трудоресурсного потенциала сельского населения районов Витебской области нами проведен по итогам обработки статистических материалов за период с 1995 по 1999 годы, согласно вышеупомянутой методике и с применением математических методов.

Таблица 2

**Расчетные показатели экономико-географической оценки трудоресурсного потенциала сельского населения
административных районов Витебской области (в среднем, за период 1995-1999 гг.)**

№	Район	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1.	Бешенковичский	14,2	0,54	5,9	0,48	42	0,84	10	0,68	317	0,79	790	0,91	29	0,78	45	0,90	0,67	6,59
2.	Браславский	22,5	0,81	10,3	0,77	46	0,90	11	0,71	354	0,86	803	0,93	35	0,90	42	0,95	0,83	7,66
3.	Верхнедвинский	21,1	0,78	10,1	0,79	48	0,94	12	0,76	372	0,91	813	0,96	33	0,88	41	0,97	0,87	7,86
4.	Витебский	43,5	1,64	22,5	1,73	52	1,01	19	1,25	376	0,94	837	0,98	38	0,99	40	0,98	1,09	10,61
5.	Глубокский	27,8	1,08	12,3	0,99	44	0,87	13	0,90	355	0,87	808	0,92	32	0,86	44	0,85	0,83	8,17
6.	Городокский	18,6	0,71	8,1	0,66	44	0,88	9	0,64	336	0,82	826	0,96	29	0,77	44	0,87	1,15	7,46
7.	Дошицкий	24,3	0,93	10,6	0,85	44	0,86	13	0,90	352	0,84	814	0,94	33	0,87	45	0,82	0,97	7,98
8.	Дубровенский	12,0	0,44	5,3	0,42	44	0,90	7	0,48	359	0,92	827	0,97	33	0,93	43	0,91	0,84	6,81
9.	Лепельский	23,7	0,91	12,2	0,92	52	0,98	22	1,48	405	0,97	874	1,02	40	0,99	39	1,02	0,64	8,93
10.	Лиезненский	14,6	0,56	6,5	0,50	45	0,87	10	0,70	352	0,87	812	0,95	31	0,82	42	0,92	0,82	7,01
11.	Миорский	20,5	0,76	9,2	0,71	45	0,90	11	0,73	357	0,86	809	0,91	34	0,89	43	0,93	0,80	7,54
12.	Оршанский	41,8	1,53	21,3	1,57	51	0,99	21	1,31	394	1,02	864	1,03	35	0,88	40	1,05	1,13	10,51
13.	Полоцкий	32,1	1,29	16,0	1,26	50	0,97	21	1,38	393	1,04	841	0,98	39	0,95	41	1,00	0,78	9,65
14.	Поставский	21,9	0,83	9,4	0,75	43	0,86	9	0,66	338	0,84	780	0,89	32	0,87	45	0,88	0,94	7,52
15.	Россонский	9,7	0,36	4,3	0,35	44	0,87	14	0,91	351	0,87	805	0,94	30	0,81	43	0,93	0,63	6,67
16.	Сенненский	21,7	0,84	9,3	0,77	43	0,86	10	0,73	351	0,87	744	0,89	31	0,84	43	0,92	0,65	7,37
17.	Толочинский	20,9	0,81	9,0	0,73	43	0,86	11	0,77	334	0,84	787	0,93	31	0,83	44	0,90	1,17	7,84
18.	Ушачский	15,6	0,60	6,5	0,53	42	0,84	12	0,84	319	0,79	842	0,96	31	0,82	44	0,88	0,65	6,91
19.	Чашникский	16,5	0,63	6,9	0,57	42	0,85	10	0,70	324	0,82	820	0,95	32	0,85	44	0,89	0,69	6,95
20.	Шарковщинский	16,1	0,61	7,4	0,57	46	0,90	10	0,72	370	0,91	778	0,91	34	0,89	42	0,96	0,75	7,22
21.	Шумилинский	15,0	0,56	6,8	0,52	45	0,88	10	0,69	358	0,90	809	0,95	32	0,84	42	0,94	0,88	7,05

Примечание. Цифрами в таблице обозначены: 1 - численность сельского населения в 1999 г., тыс. чел.; 2 - индекс численности сельского населения (по отношению к среднему показателю); 3 - численность трудоспособных в 1999 г., тыс. чел.; 4 - индекс численности трудоспособных; 5 - доля трудоспособных, %; 6 - индекс доли трудоспособных; 7 - число трудоспособных на 100 га сельхозугодий; 8 - индекс числа трудоспособных, приходящихся на 100 га сельхозугодий; 9 - число занятых на 1000 жителей; 10 - индекс числа занятых на 1000 жителей; 11 - число лиц с высшим и средним образованием на 1000 занятых; 12 - индекс количества лиц с высшим и средним образованием на 1000 занятых; 13 - доля трудоспособной молодежи (16-30 лет); 14 - индекс доли трудоспособной молодежи (16-30 лет); 15 - средний возраст населения, лет; 16 - индекс среднего возраста населения; 17 - индекс производительности труда; 18 - суммарный (интегральный) показатель величины трудоресурсного потенциала.

Результаты исследований показывают, что из всех районов Витебской области (колонка 1 – абсолютные и кол. 2 – относительные данные), только три – Витебский (1,64), Оршанский (1,53) и Полоцкий (1,29) района за период с 1995 по 1999 годы сохранили численность сельского населения выше среднего значения этого показателя по Беларуси за тот же период (27 тыс. чел.). Глубокский (1,08), Докшицкий (0,93) и Лепельский (0,98) районы остались ближе к среднему показателю, а все неназванные районы области значительно уступают ему. Самую малую численность сельского населения имеют Россонский (в 3 раза!), Дубровенский – 2,3 раза, Бешенковичский, Лиозненский и Шумилинский районы – почти в 2 раза меньше среднего республиканского значения. Это значит, что районы области неравноценны по трудовым возможностям, имеют и неравноценную демографическую основу для развития трудового потенциала в будущем. В этих районах самые низкие и относительные показатели. По численности сельского населения их можно разделить на малые, средние и крупные. Самый малый Россонский район уступает самому крупному Витебскому в 4,5 раза.

Аналогично сложилась ситуация и с численностью трудоспособного среди сельского населения по районам области (кол.3 – абсолютные и 4 – относительные показатели табл. 2). Наибольшей численностью сельского трудоспособного населения обладают Витебский (22,5 тыс. чел.), Оршанский (21,3 тыс. чел.) и Полоцкий (16,0 тыс. чел.) районы (все абсолютные данные в статье даются по состоянию на 1.01.2000 г.). Вышеперечисленные районы имеют и самые большие относительные показатели – 1,73; 1,53; 1,26, соответственно. Остальные районы значительно уступают рассчитанному за пять последних лет среднереспубликанскому параметру, в частности, Россонский (0,35) уступает почти в три раза, Дубровенский (0,42), Бешенковичский (0,48), Лиозненский (0,50), Шумилинский (0,52), Ушачский (0,53), Чашникский (0,57), Шарковщинский (0,57) уступают примерно в два раза среднереспубликанскому за этот период. Остальные районы имеют меньшие различия.

Отмеченная выше контрастность вариантов не проявляется в отношении такого параметра, как доля трудоспособных в составе всего населения в разрезе районов, т.е. носит более сглаженный характер (кол. 5 – абсолютные и кол. 6 – относительные показатели, табл. 2). Практически ни один из районов области не превзошел среднего значения (пороговой величины) названного показателя по стране. Примерно соответствует ему Витебский (1,01), Оршанский (0,99), Лепельский (0,98), Полоцкий (0,97) районы. Наименьшие относительные параметры установлены за период с 1995 по 1999 годы для Бешенковичского (0,84) и Ушачского (0,84) районов. По доли трудоспособных в составе сельского населения (кол. 5, табл. 2) в основном сохраняется отмеченная расстановка районов.

Очень серьезные трудности для области представляет проблема обеспеченности территории трудовыми ресурсами (количество трудоспособных в расчете на 100 га сельхозугодий) которая сильно колеблется по районам области (кол. 7, и кол. 8, табл. 2). Так, абсолютный показатель (кол. 7, табл. 2) этого параметра в Дубровенском районе составляет всего 7 человек, а в Лепельском 22 человека на 100 га сельскохозяйственной площади, т.е. разница больше, чем в три раза.

Следует подчеркнуть, что более половины районов области имеют в два и более раз меньшую обеспеченность трудовыми ресурсами по сравнению с Лепельским районом. На фоне относительных показателей (кол. 8, табл. 2) выделяются четыре района – Лепельский (1,48), Полоцкий (1,38), Оршанский (1,31) и Витебский (1,25), с обеспеченностью трудовыми ресурсами выше среднереспубликанской. Районов близких или приближающихся к этому

среднему показателю нет. В итоге, все оставшиеся 17 районов области имеют гораздо меньшую обеспеченность трудовыми ресурсами, чем средний статистический район страны. По всей видимости, эта проблема большинства районов будет резко усугубляться.

По количеству занятых в расчете на 1000 жителей (кол. 9 – абсолютные и 10 – относительные показатели, табл. 2) районы области не имеют резко выраженных отличий. За рассматриваемый период (1995-1999 гг.) по занятости населения имели среднереспубликанские показатели только Полоцкий (1,04) и Оршанский (1,02) районы и приблизились к нему Лепельский (0,97) и Витебский (0,94) районы. По абсолютным показателям за 1999 год наибольшая занятость населения была в Лепельском (405 чел./ 1000 жителей), а наименьшая в Бешенковичском (317 чел./1000 жителей) районах. Результаты исследований показывают, что по занятости населения из 21 района области только четыре имеют среднереспубликанские показатели, у остальных они гораздо ниже.

Удовлетворительно складывается ситуация с образованностью занятого населения сельских районов области (кол. 11 – абсолютные и кол. 12 – относительные показатели, табл. 2). По численности лиц с высшим и средним образованием на 1000 занятых районы области приближаются к среднесоветскому показателю. Следует подчеркнуть, что различия по абсолютным и относительным показателям между районами имеются, но они не превышают практически 10 % (кол. 11 и кол. 12, табл. 2). Меньше всего лиц с высшим и средним образованием на 1000 занятых в 1999 году имели Сенненский (744 чел.), Шарковщинский (778 чел.), Поставский (780 чел.) районы, больше – Лепельский (1,02), Оршанский (1,03), Полоцкий (0,98), Витебский (0,98) и другие районы области.

Несколько хуже обстоит дело с долей трудоспособной молодежи в составе трудоспособных. Меньше всего людей молодых возрастов (16-30 лет) в составе трудоспособных в Бешенковичском (0,78), Городокском (0,77) и Рассонском (0,81) районах. Преобладающее большинство районов области по этому показателю существенно уступает среднесоветскому. Следует обратить внимание на некоторое несовпадение абсолютных и относительных показателей в количественном плане, что закономерно и говорит о динамике показателя в течение расчетного периода. Например, по абсолютным показателям (кол. 13, табл. 2) за 1999 год Лепельский (40 %), Полоцкий (39 %), Витебский (38 %) районы превзошли среднереспубликанский уровень, то по относительным показателям (кол. 14, табл. 2) они примерно равны ему.

Абсолютные показатели среднего возраста населения административных районов области, согласно переписи 1999 года, помещены в колонку 15 (табл. 2). Анализ данных показывает, что сельское население большинства районов имеет средний возраст 43-45 лет. Наибольшее значение этого параметра характерно Бешенковичскому (45 лет), Докшицкому (45 лет) и Поставскому (45 лет) районам. Однако более четкую характеристику дает значение этого параметра (кол. 16, табл. 2) относительно базовой величины для Беларуси (табл. 1). Из относительных показателей следует, что только у трех районов (Оршанском, Лепельском и Полоцком) области он соответствовал и соответствует среднереспубликанскому показателю, близко к ним – Витебский (0,98), Верхнедвинский (0,97), Шарковщинский (0,96) и Браславский (0,95) районы. Все неупомянутые районы области имеют худшие относительные показатели среднего возраста населения, однако, практический разброс вариант не превышает 20%.

Данные колонки 17 (табл. 2) характеризуют уровень трудовой отдачи (производство валовой продукции на одного работника, млн. руб.) за пять по-

следних лет в относительных показателях. Анализ результатов показывает, что районы области имеют резко выраженную дифференциацию по величине уровня трудовой отдачи. Она изменяется от 1,17 в Толочинском до 0,63 в Россонском районах. Наиболее благоприятная ситуация по этому показателю складывается в Толочинском (1,17), Городокском (1,15), Оршанском (1,13) и Витебском (1,09) районах. Еще два района области (Докшицкий и Поставский) только приближаются к среднереспубликанскому уровню. Остальные районы имеют худшие параметры уровня трудовой отдачи. Наиболее критическое положение сложилось в Россонском (0,63), Лепельском (0,64), Бешенковичском (0,67), Сенненском (0,65) и других районах. Результаты исследований показывают, что всего лишь в 6 районах (29%) сохраняется среднереспубликанский уровень, а это менее трети области.

В колонке 18 (табл. 2) приведен обобщающий индекс трудового потенциала, полученный путем интегрирования частных показателей в один. Ранее наблюдаемая дифференциация районов по отдельным показателям сохранилась и по суммарному индексу трудового потенциала. Четко просматривается три группы районов – с хорошим, удовлетворительным и неудовлетворительным трудовым потенциалом. Следует указать на то, что его значение для среднего района Беларуси равно 9 (теоретически), исходя из количества определяемых параметров. Наибольший суммарный показатель оценки у Витебского (10,61), Оршанского (10,51), Полоцкого (9,65) и Лепельского (8,93) районов. Население этих районов, обладая относительно хорошим трудовым потенциалом, имеет лучшие возможности для дальнейшего развития своей территории. Промежуточное положение занимают Глубокский (8,17), Докшицкий (7,98), Верхнедвинский (7,86), Толочинский (7,84), Браславский (7,66), Миорский (7,54), Поставский (7,52) районы.

Наименьший суммарный показатель оценки у Бешенковичского (6,59), Россонского (6,67), Дубровенского (6,81), Ушачского (6,91), Чашникского (6,95), Лиозненского (7,01) и других районов. Это наиболее уязвимые территории в плане трудовых возможностей и требуют проведения неотложных мер выправления сложившейся ситуации со стороны государства.

Таким образом, проведенный анализ количественных показателей по сравнительной оценке трудового потенциала сельского населения административных районов области позволяет сделать следующие выводы:

- преобладающее большинство сельских районов Витебской области по всем параметрам количественной и качественной оценки трудового потенциала уступает среднереспубликанским показателям;

- районы области имеют резко выраженную дифференциацию по величине интегрального показателя оценки трудового потенциала. По этому критерию районы области можно поделить на три группы: 1) районы, имеющие индекс трудового потенциала (ИТП) более 8,5 единиц; 2) районы, имеющие ИТП от 7,5 до 8,5; 3) районы, у которых ИТП менее 7,5.

В первую группу относим районы, обладающие близким к среднему, средним и больше среднего показателями трудового потенциала, высокими качественными характеристиками трудовых ресурсов и лучшими трудовыми возможностями, т.е. способные самостоятельно развиваться. Во вторую – районы, занимающие как бы промежуточное положение между хорошим и неблагоприятным состоянием. Такие районы обладают определенными резервами – то ли более высокой плотностью рабочей силы на 100 га сельхозугодий, то ли более высокой частью молодежи среди трудоспособных, то ли более высокой трудовой отдачей или другими показателями. Они способны за счет перераспределения собственных внутренних резервов, концентрации выделяемых государственных средств и новых подходов в использовании

сельскохозяйственных земель перестроить, совершенствовать и развивать хозяйственный комплекс территории. В третью группу входят районы с низким трудовым потенциалом, неблагоприятной ситуацией для его воспроизводства и очень ограниченными резервами рабочей силы. Экономическое развитие этих территорий возможно только за счет улучшения демографической ситуации, в том числе притока рабочей силы из вне и крупных капиталовложений со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Манак Б.А., Кухто Л.К.** Працоўныя рэсурсы Беларусі: тэрытарыяльнае размеркаванне // *Геаграфія*. Вып. 7., 1997. С. 87-95.
2. **Трудовой потенциал Белоруссии в условиях научно-технического прогресса** / Под ред. **Я.И. Рубина, А.А. Ракова**. Мн., 1990. – 210 с.
3. **Беларусь: лицом к человеку**. Национальный отчет о человеческом развитии // Программа развития ООН. Мн., 1995. С. 57-74.
4. **Краткосрочная страновая программа для Республики Беларусь** // Программа развития ООН: отделение Европы и СНГ. Мн., 1994. – 15 с.
5. **Манак Б.А., Кухто Л.К.** Административно-политический аспект размещения населения // *Вестник БГУ*, 1997. Сер.2, № 3. С. 47-53.
6. **Манак Б.А.** Трудоресурсный потенциал Беларуси: Методика экономико-географической оценки и общий обзор современной ситуации. Учеб.-метод. пособие. Мн., 1996. – 44 с.
7. **Манак Б.А., Кухто Л.К., Антипова Е.А.** Анализ и оценка трудоресурсных возможностей Республики Беларусь // Матер. научно-практич. семинара «Влияние текущих демографических тенденций на национальные трудовые ресурсы». Мн., 1996. С. 87.
8. **Беларусь: среда для человека**. Национальный отчет о человеческом развитии. Мн., 1996. С. 10.
9. **Население Республики Беларусь**. Стат. сборник. Мн., 1995. – 447 с.

S U M M A R Y

In clause the экономико-geographical analysis is given and the territorial distinctions in size of labour potential of the village population of administrative areas of Vitebsk area with 1995 for 1999 are established. On the basis of the carried out(spent) comparative analysis all administrative areas of area are referred to one of three groups. The concrete recommendations of economic development for each of groups are resulted.

Поступила в редакцию 4.07.2001

УДК 314.9 (476.5)

Е.В. Тихоненко

Система сельского расселения Витебской области

Витебская область отличается спецификой демографических процессов, напряжённой демографической ситуацией в сельской местности. Выявление региональных особенностей в системе сельского расселения создаст определённую основу для решения социально-экономических и демографических

проблем села. Рассмотрение взаимосвязей между сельским расселением, использованием трудовых ресурсов, демографическими процессами и организацией труда позволит внести определённые коррективы, направленные на их оптимизацию.

Информационной базой исследования являются материалы Министерства Статистики и анализа РБ, Витебского областного управления статистики, первичные материалы колхозов и совхозов, теоретической – труды В.В. Покшишевского, С.А. Ковалёва, Т.И. Заславской, А.И. Алексеева, М.С. Войтовича, К.К. Красовского и других демографов.

Сеть сельских поселений сформировалась под воздействием сложного комплекса *исторических, природных, социально-экономических* и других факторов.

В *историческом* плане для белорусов всегда, и это отмечали не только исследователи нашей культуры, огромное значение в жизни имела земля, свой надел. Но в культуре земледелия, особенностях экономического развития, ментальности и расселении населения, проживающего в восточных и западных частях Витебской области, существовали и существуют определённые отличия. Восточные районы области исконно тяготели к России. Здесь был гораздо более высокий процент интернациональных браков. Население данного региона в первые послереволюционные годы оказалось вовлечённым в процессы советизации и индустриализации села, что разрушало сложившиеся механизмы хозяйствования, культуры, труда, образа жизни, изменяло сознание и, в конечном счёте, привело к вытеснению хозяина-земледельца сельским безземельником. За все годы советской власти наиболее социалистически ориентированными по уровню своих предпочтений были именно восточные районы области. Они же отличались наиболее низким уровнем развития сельского хозяйства [1].

Западные районы области всегда выделялись высокой культурой земледелия, хозяйствования в целом, ориентацией на прагматичную европейскую систему ценностей. Среди населения западных районов области (Браславский, Поставский, Миорский, Глубокский, Шарковщинский районы) большой удельный вес составляли и составляют поляки и этнические белорусы, поддерживающие традиции национальной белорусской культуры. Их более высокая религиозность (по сравнению с восточными районами) также в немалой степени определила их отношение к земле, жизненным ценностям и всему социальному устройству.

Явное отставание села от города, особенно зримо проявляющееся с начала 60-х годов, заставило политическое руководство страны поставить вопрос о преодолении различий между городом и селом. На основании существовавших в то время представлений о социальном и производственном развитии села была разработана и осуществлялась концепция урбанизации сельских поселений посредством специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Это привело к изменению сложившейся системы расселения, ранжированию сельских поселений на перспективные и неперспективные. В хозяйствах, включавших в среднем 8-20 сёл и деревень, к перспективному развитию намечались от одного до четырёх населённых пунктов [2].

Концепция сельского расселения подчинялась организационно-ступенчатым принципам ведения коллективного сельскохозяйственного производства: рядовые поселения, центры производственных подразделений (бригады и отделения), центры колхозов и совхозов. Центры различного ранга являлись перспективными, а рядовые поселения, которых было значительно больше, – неперспективными [2].

Сложившаяся система сельского расселения Беларуси сохранила мелко-

дисперсную структуру: две трети сёл имеют менее ста жителей и доля таких неуклонно увеличивается. Наибольшее количество мелких сёл (численностью до ста человек) наблюдается в Витебской области, они составляют 83% от общего количества сельских поселений, однако в них проживает только 30% сельских жителей. Измельчению подвергаются, как правило сёла, не являющиеся центрами сельскохозяйственных предприятий. Постоянный отток трудоспособного сельского населения в город обескровил белорусскую деревню [2].

Наряду с историческим фактором, на систему сельского расселения оказал огромное влияние и *природный фактор*. Однако, это влияние всегда опосредовано, потому что на разных этапах развития общества одни и те же природные условия в различной степени оказывают влияние на создание сети сельских населённых пунктов, их размещение.

Современная картина размещения населения на территории области является результатом длительного процесса её заселения и хозяйственного освоения. Размещение сельских населённых пунктов ещё в большей степени отражает унаследованные черты прошлого. Частая смена ландшафтов, располагающих неодинаковыми возможностями для сельскохозяйственного использования, наложила своеобразный отпечаток на характер расселения и людность населённых пунктов.

Население в течение всей своей жизни предъявляет определённые требования к окружающим его географическим ландшафтам. Особенно требовательно к ним сельское население, поскольку объектом труда и основным средством производства в сельском хозяйстве является земля, качественные свойства которой значительно изменяются по ландшафтам.

Имеющий очень важное значение для размещения и специализации сельхозпроизводства, почвенный покров области характеризуется большой пестротой. В зависимости от качества почв находится распаханность пашни. К тому же, в ряде районов (Бешенковичский, Браславский, Глубокский, Городокский, Поставский, Россонский и Ушачский) средний размер контура не превышает 3 га. В целом по Витебской области он составляет 3,9 га, по другим областям – 7,7 га, по РБ – 7 га [3]. Т.е. мелкоконтурность угодий привела к огромному количеству мелких и мельчайших сельских поселений.

Территория Витебской области характеризуется значительной заболоченностью угодий. Переувлажнённость сельскохозяйственных угодий в Верхнедвинском, Витебском, Докшицком, Полоцком, Шумилинском, Чашникском районах достигает 70-75%, а в Шарковщинском даже 81,5%. В районах со всхолмлённым рельефом (Браславский, Глубокский, Городокский, Лепельский, Ушачский) она, естественно, ниже [3]. Территория Поозерья отличается завалуненностью почв.

Таким образом, наиболее интенсивно осваивались и, следовательно, заселялись ландшафты с более благоприятными условиями для сельскохозяйственной деятельности человека.

Рассматривая социально-экономические условия на современном этапе, мы видим что в настоящее время в системе сельского расселения Беларуси идут два процесса: уменьшение числа самих поселений и их людности (табл.1, 2).

Витебская область характеризуется наибольшим количеством сельских поселений (в 2-3 раза больше чем в других областях) и наименьшей людностью в них. Область лидирует по количеству поселений без населения. За 1986–96 гг. «ненужными» оказались 489 сельских поселений (всего по РБ – 980) или 26% от всего числа сельских поселений РБ. Средняя людность сельских поселений в области в 2 раза ниже, чем в целом по Беларуси.

Таблица 1

Динамика численности и людности сельских поселений

Области	Число сельских поселений				Средняя людность, чел.			
	1986	1996	Число	Изменения, %	1986	1996	Число	Изменения, %
Брестская	2168	2194	+26	+1,1	300	268	-32	-10,7
Витебская	7216	6727	-489	-6,8	72	70	-2	-2,8
Гомельская	2723	2667	-56	-3,2	240	190	-50	-20,9
Гродненская	4559	4414	-145	-3,2	118	105	-13	-11,1
Минская	5402	5230	-172	-3,2	162	150	-12	-7,5
Могилёвская	3494	3162	-332	-9,6	130	117	-13	-10,0
РБ	25562	24582	-980	-3,9	144	130	-14	-9,8

Таблица 2

Сельское население Витебской области

	1989	1992	1994	1996	1999
Сельское население, тыс. чел.	504,3	491,0	491,9	476,9	454,0
Доля в населении, %	35,8	34,2	34,0	33,4	32,9

Порайонные наибольшие сокращения сельских населенных пунктов за последние 10 лет произошли в Шарковщинском, Браславском и Миорском районах (соответственно на 7,2%, 6,6%, 6,2%). Размещение их в западной части области, для которой характерно наибольшее количество мелких поселений и хуторов, объясняет значительное снижение как за счёт потери населения, так и за счёт формального объединения рядом расположенных поселений под общим названием, присоединения мелких деревень к более крупным.

Как отмечено выше, сельское население уменьшается (табл. 2). По переписи 1999 года сельское население составляло 454 тыс. чел., что на 10% меньше чем в 1989 году. В процентном соотношении доля сельского населения уменьшилась почти на 3 %.

Наряду с этим идет сокращение людности сельских поселений (табл. 3). Увеличивается количество мелких деревень с численностью населения 1-10 человек. Если в 1990 году таких сельских поселений было 25%, то в 1998 году почти 29%, однако в них проживает только 2% сельского населения. В то же время в поселениях с числом жителей от 21 до 100 человек сконцентрировано более четверти всего сельского населения области, а от 101 до 1000 человек – 57%. Таким образом, несмотря на большое количество мельчайших и мелких населенных мест, большая часть сельского населения живет в средних и крупных поселениях.

По отдельным районам соотношение поселений разной людности отличается от средних показателей. На западе и северо-западе области преобладают мелкие населенные пункты. Например, в Браславском районе только 9% сельского населения живет в поселениях, насчитывающих по 500 и более

жителей, а на юге, юго-востоке области в таких населенных пунктах проживает до 30% сельского населения. Благоприятные природные условия (большие контуры пашни, по сравнению с мелкоконтурностью на западе), более плодородные почвы и, следовательно, высокая распаханность, выгодное географическое положение обусловили наибольшую людность сельских поселений на юге и юго-востоке области.

Таблица 3

Динамика сельских поселений и населения по группам

Людность, чел.	Количество сельских населённых пунктов				Численность населения			
	1990	1998	1990	1998	1990	1998	1990	1998
	Всего, ед.		В %		Всего, тыс. чел.		В %	
0	136	176	2,0	2,7	—	—	—	—
1-10	1737	1898	25,0	28,7	8269	9168	1,7	2,0
11-20	1031	1061	15,0	16,0	16516	16469	3,5	3,5
21-50	1800	1641	26,0	24,8	60720	55123	12,4	12,0
51-100	1156	842	16,0	12,7	79030	61449	16,1	13,3
101-200	530	411	7,7	6,3	73772	58274	15,0	12,6
201-500	439	442	6,4	6,7	133715	134335	27,4	29,1
501-1000	107	100	1,5	1,5	69355	70805	14,2	15,3

В Витебской области 29% населённых пунктов относятся к типу мельчайших с численностью населения 0-10 человек (в 1990 году таких поселений было 25%), однако в них проживает 2% сельских жителей.

При этом необходимо отметить, что центростремительные силы промышленных центров (Витебск, Орша, Полоцк) обусловили на тяготеющих к ним сельских территориях большую плотность сельских поселений и сельского населения.

Таким образом, требуется научный анализ социальных процессов и своевременная корректировка государственной политики в этой сфере. Когда же процессы расселения, как и в целом, демографические процессы развиваются стихийно, образуются «демографические ямы», которые порождают нежелательные последствия, как для экономики, так и для населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушаков В.Е., Глушакова Т.И. Станет ли для беларуса «малая Родина» главной? // АПК: Экономика. Организация. Управление, 1998, № 3. С. 7-10.
2. Беларусь: Среда для человека. Национальный отчёт о человеческом развитии. Мн., 1996. С. 79-82.
3. Рациональное природопользование Белорусского Поозерья. Мн., 1993. С. 36.

S U M M A R Y

The article describes the influence of historical, natural, social-economic factors, which determine the specification and differences of the rural settling of Vitebsk region.

Поступила в редакцию 22.06.2000

У.К. Слабін

Агульнаамерыканская канферэнцыя «За сур'ёзнае ўспрыманне прыроды»

25-27 лютага ва ўніверсітэцкім гарадку ў г. Юджыне адбывалася агульнаамерыканская канферэнцыя «За сур'ёзнае ўспрыманне прыроды: грамадзяне, вучоныя і навакольнае асяроддзе» («Taking Nature Seriously»). Канферэнцыя была арганізавана Каледжам мастацтваў і навук, Цэнтрам вывучэння жанчын у грамадстве, Арэгонскім цэнтрам гуманітарных навук, Інстытутам устойлівага развіцця, кафедрамі экалогіі, біялогіі, англійскай мовы і філасофіі – усе пералічаныя арганізацыі ўваходзяць у структуру Універсітэта штата Арэгон. Сярод больш як 500 удзельнікаў канферэнцыі былі вучоныя, выкладчыкі, актывісты прыродаахоўных няўрадавых арганізацый не толькі Злучаных Штатаў, але і Канады, Мексікі, Аб'яднанага Каралеўства, Нямеччыны, Швейцарыі, Даніі, Ісландыі, Італіі. Краіны СНД на гэтым форуме прадстаўлялі Беларусь і Украіна.

У якасці вядучых лектараў былі запрошаны прафесары Р. Леванцін (Гарвардскі ўніверсітэт) з дакладам «Узаемапрацікненне арганізма і навакольнага асяроддзя», Э.Пікерынг (Універсітэт штата Ілінойс) з дакладам «Экалогія: у самую сутнасць рэчаў», М. О'Браен (Універсітэт штата Арэгон) з дакладам «Праз духоўныя імпульсы да актыўных практычных прыродаахоўных акцый» і Д. Хараўэй (Універсітэт штата Каліфорнія) з дакладам «Ад кібаргаў да садружнасці біялагічных відаў: «азеляненне» тэхнічных навук».

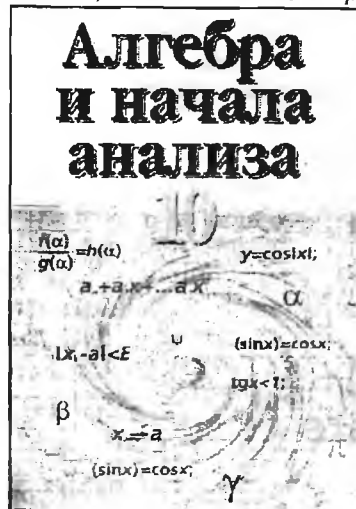
Працавалі 45 секцый, па 5-6 секцый адначасова. Найбольш цікавымі з іх, на нашу думку, былі ««Азеляненне» гуманітарных навук на паперы і ў жыцці», «Тэхналогія, захаванне і будучыня лясоў», «Экалагічная этыка: размова працягваецца», «Экалагічная гісторыя: маральнасць, міфы і цяжар мінулага», «Праз экалагічны турызм да экалагічнага грамадства», «Дзеяч мастацтва як энвайранменталіст», «Узаемадзеянне прыроды і культуры: пераадоленне падзелу на рэалізм і сацыяльны канструктыўзм», «Успрыманне экалагічнай рызыкі: грамадзяне супраць вучоных», «Пасрэдніцтва паміж вучонымі і грамадствам: журналістыка, экалагічная літаратура і навуковая фантастыка», «Рэформа адукацыі і экалагічная пісьменнасць», «Тэорыя экалагічнай адукацыі: экалогія, міжпрадметныя сувязі і выкладчыкі». Праблемам экалагічнага заканадаўства была прысвечана вельмі невялікая частка дакладаў. Мабыць, гэта тлумачылася тым, што праз некалькі дзён, 1-4 сакавіка, тут жа ў Юджыне праходзіла спецыялізаваная канферэнцыя «Грамадскія інтарэсы і экалагічнае заканадаўства» («Public Interest Environmental Law: Keeping Issues Alive»).

Удзел аўтара ў канферэнцыі стаўся магчымым дзякуючы праграме «Рэгіянальныя навукоўцы» (Regional Scholar Exchange Program), якая фінансуецца Бюро адукацыйных і культурных абменаў Дзярждэпартаменту Злучаных Штатаў Амерыкі і кіруецца Амерыканскімі Радамі па міжнароднай адукацыі (ACTR/ACCELS). Выказаныя тут думкі з'яўляюцца асабістым меркаваннем аўтара.

Канферэнцыя мела шырокі грамадскі рэзананс, яна трансліравалася па тэлебачанні штата і асвятлялася ў друку, мела стыльны сайт у Інтэрнэце.

Ананченко К.О., Коробенок Е.В., Тавгень О.И., Большаков Н.Е., Украинец Г.И., Билык В.А., Коваленко А.В., Алейникова Д.К. АЛГЕБРА И НАЧАЛА АНАЛИЗА В 10-М КЛАССЕ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ МАТЕМАТИКИ: Учебно-методическое пособие для учителей. *Мн.: Народная асвета, 2001. – 240 с.: ил. Тир. 2750 экз.*

Пособие «Алгебра и начала анализа в 10-м классе» окажет практическую помощь учителям, работающим по учебнику «Алгебра и начала анализа, 10» (авторы К.О. Ананченко, В.С. Коваленко, Н.Т. Воробьев, Н.Е. Большаков, Е.В. Коробенок, И.А. Новик).

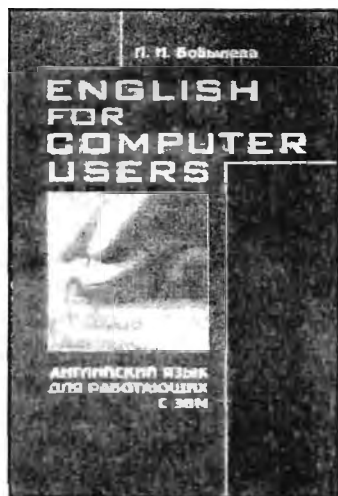
Пособие содержит методические комментарии к каждой теме учебника и решения наиболее трудных задач. Их нумерация дана в соответствии с учебником. Решение наиболее трудных задач в пособии мотивировано тем, что многие учителя впервые сталкиваются с преподаванием углубленного курса алгебры и начал анализа и что его изложение содержит много математических тонкостей, которые недостаточно освещены в методической литературе. В процессе решения наиболее типичных задач раскрываются общие

подходы к решению задач математического анализа.

В конце пособия помещены ответы к самостоятельным работам «Дидактических материалов по алгебре и началам анализа, 10 класс» авторского коллектива: Д.К. Алейникова, А.И. Алейников, А.А. Алейников, К.О. Ананченко.

Н.Е. Большаков

Бобылева Л.И. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ РАБОТАЮЩИХ С ЭВМ: Учебное пособие. *Мн.: Экоперспектива, 2000. – 200 с. Тир. 1000 экз.*

«English for Computer Users» предназначена для студентов специальных факультетов пединститутов и университетов, а также всех пользователей ЭВМ, заинтересованных в овладении профессиональным английским языком.

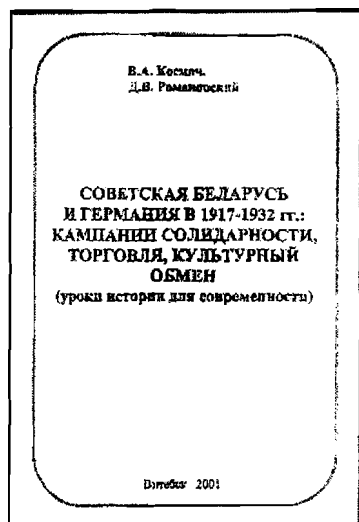
Цель пособия – формирование навыков и умений чтения англоязычной документации по компьютерным программам и другой оригинальной литературы по специальности, ее аннотирования и реферирования, а также развития профессиональной устной речи.

Пособие рассчитано на 100-120 часов аудиторных занятий. Оно включает 5 уроков коррективного курса, 8 уроков основного курса. Завершает пособие небольшой «Англо-русский

словарь-минимум программиста», который содержит первоочередно необходимый лексикон.

Е.В. Макаревская

Космач А.В., Романовский Д.В. СОВЕТСКАЯ БЕЛАРУСЬ И ГЕРМАНИЯ В 1917-1932 ГГ.: КАМПАНИИ СОЛИДАРНОСТИ, ТОРГОВЛЯ, КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН (УРОКИ ИСТОРИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ). Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 156 с. Тир. 250 экз.

Монография посвящена одному из интересных периодов в истории советско-германских отношений – рапальской политике (1922-1932 гг.) и времени, которое ей предшествовало.

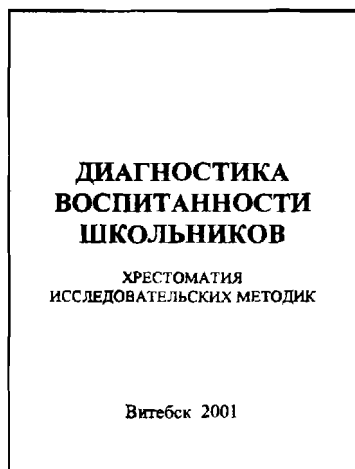
Договор, подписанный в Рапалло, стал одной из отправных точек в процессе установления дипломатических отношений с Советской Россией.

На фоне политических и экономических реалий тех лет подробно показан вклад Советской Беларуси в рапальский процесс: рассматриваются торгово-экономические отношения двух стран, уделено также внимание кампаниям солидарности немецкого народа и народов Советской России и Советской Беларуси в годы революционного подъема (1917-1923 гг.).

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей и студентов.

Г.Н. Яковлева

Турковский В.И., Артеменок Е.Н. ДИАГНОСТИКА ВОСПИТАННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ: ХРЕСТОМАТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДИК. Методическое пособие для студентов университета. Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 211 с. Тир. 100 экз.

Методическое пособие разработано на основе обобщения и систематизации опыта педагогической диагностики воспитания. В нем собраны материалы, касающиеся теоретических аспектов диагностирования, а также предлагается ряд доступных, адаптированных к применению в школе методик, изучающих различные компоненты воспитанности.

Для более углубленного изучения проблемы диагностики воспитанности предложен библиографический список рекомендованной литературы, а также не вошедшие в сборник методические материалы, в виде алфавитного списка со ссылкой на источник с выходными данными.

Данный сборник целесообразно использовать в качестве методического пособия при изучении курсов «Педагогика современной школы: теоретический аспект»; «Педагогические системы и технологии: практический аспект»; «Ведение в коррекционную педагогику», а также при изучении спецкурса «Диагностика воспитанности школьников» студентами вузов, колледжей педагогической направленности.

Н.А. Ракова

29-30 марта 2001 г. поклонники польского кинематографа смогли познакомиться с работами любимых режиссеров и актеров в кинозале главного корпуса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Здесь прошел показ художественных фильмов на польском языке, организованный Польским институтом из Минска, Витебским государственным университетом и местным отделом Союза поляков Беларуси. Перед демонстрацией фильмов состоялся краткий рассказ о них и их создателях.

Были показаны фильмы Анджея Вайды «Березняк» (1970), Кшиштофа Кеслевского «Любитель» (1979), Януша Моргенштерна «До свидания, до завтра» (1960), Владимира Михалека «Убить Сэкала» (1998). Все эти фильмы удостоены многих премий на международных кинофестивалях.

● У пачатку красавіка 2001 г. дацэнт кафедры мастацтваў М.Л. Цыбульскі прыняў удзел у міжнароднай навукавай канферэнцыі «Анімацыя культуры. Вопыт і будучыня», якая была арганізавана Інстытутам польскай культуры Варшаўскага ўніверсітэта. На працягу трох дзён у цэнтры «Памежока мастацтваў, культур, народаў» у Сувалках (Польшча) удзельнікі канферэнцыі, сярод якіх былі прафесары з універсітэтаў у Білефелдзе (Германія), Хельсінкі (Фінляндыя), Варшавы, Кракава, Лодзі, Познані, Вроцлава (Польшча), супрацоўнікі творчай лабараторыі адукацыі пры Цэнтры сучаснага мастацтва (Варшава), Тэатральнай акадэміі, кіраўнікі цэнтраў і дамоў культуры з розных куткоў Польшчы, абмяркоўвалі пытанні ўзаемадзеяння і ўзаемаўплываў культур розных народаў, праблемы анімацыі і антрапалогіі культуры, асаблівасці развіцця і функцыянавання слова, тэатра, музыкі, выяўленчага мастацтва, кіно ў культурах памежных народаў.

● С 18 по 22 апреля 2001 года в польском городе Борки состоялась традиционная международная студенческая конференция Программы Балтийского университета. В этом году для обсуждения была вынесена тема «Устойчивое развитие городов Балтийского региона». В конференции приняли участие студенты Финляндии, Швейцарии, Германии, Дании, Норвегии, Словакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, России, Украины и Беларуси. Среди 12 представителей студенчества белорусских вузов были и третьекурсницы биологического факультета ВГУ им. П.М. Машерова Ольга Фетисова и Ольга Карелина.

Кроме дискуссий и лекций в рамках темы конференции ее участники выполняли также и творческие задания: с учетом экономических, экологических и социальных особенностей региона построить воображаемый город Балтиксбург.

Итоги конференции были подведены в виде составления и защиты своих проектов (постеров). Постер «Витебск» был составлен интернациональной группой Витебск (Беларусь) – Нитро (Словакия) – Иохенсу (Финляндия) – Гданьск – Польша.

Ф.И. Шкирандо

19-20 апреля 2001 г. в ВГУ им. П.М. Машерова проходила уже давно ставшая традиционной V(50) научная конференция студентов, магистрантов и аспирантов. В этом году наука и творчество молодежи было посвящено XXI веку.

В течение конференции работали 24 секции, на которых студенты, магистранты и аспиранты делились итогами своих научных исследований за прошедший год. Впервые, в рамках нового конкурса по общественно-политическим наукам, действовала секция «Беларусь в XXI веке». На секциях было прочитано свыше 350 докладов. На пленарном заседании были прочитаны актуальные доклады по вопросам права, социологии, культурологии и истории, подведены итоги научно-исследовательской работы студентов за 2000 год, проведены выборы в Совет студенческого научного общества ВГУ.

Р.В. Тимофеев

19-20 апреля 2001 г. в Витебском государственном университете им. П.М. Машерова прошел региональный семинар «Волонтерская деятельность студенческой молодежи в Специальном Олимпийском движении», организованный молодежным клубом университета «АфиС» (адаптивной физической культуры и спорта) совместно с воспитательным отделом ВГУ и областным учебно-методическим центром физического воспитания населения.

Слушателями семинара были 50 студентов высших учебных заведений городов Витебска, Минска и Могилева.

В приветственном слове к участникам председатель оргкомитета семинара, ректор ВГУ профессор А.В. Русецкий отметил, что значимость волонтерской деятельности и участия молодежи в решении жизненных проблем людей с особенностями в развитии и инвалидов рассматриваются сегодня через призму духовного возрождения общества; ростки и накапливающийся опыт этой работы в нашем вузе и ряде других учебных заведений необходимо всемерно поддерживать и распространять в деятельность молодежи.

С докладами и сообщениями на семинаре выступили работники Министерства образования Республики Беларусь (Шух В.А.), преподаватели университета (Новицкий П.И., Антипенко О.Е., Синютин А.А. и др.). В открытой дискуссии «Личная проблема каждого – общая проблема всех» участвовали представители церкви, общественных объединений, инвалиды и члены их семей. В рамках семинара 20 апреля в спортивном зале ФФКиС проводились областные соревнования по моторной активности детей с особенностями психофизического развития. Волонтерскую помощь в проведении спортивного мероприятия оказали студенты факультета физической культуры и спорта и факультета социальной педагогики и психологии Витебского государственного университета.

П.И. Новицкий

С 3 по 13 апреля в Витебском государственном университете им. П.М. Машерова проходил третий фестиваль художественного творчества студентов «Хит-парад 2001».

Учредителями и организаторами фестиваля выступили ректорат университета, деканаты всех факультетов, профсоюзный комитет студентов, комитет БПСМ, отдел воспитательной работы с молодежью ВГУ.

В течение пяти фестивальных дней участников и гостей фестиваля приглашал на свои выставки и конкурсы «Фестивальный Арбат». Свои творческие работы представляли преподаватели, студенты и гости университета.

Ярким событием на «Арбате» стали выступления театров мод профтехучилища № 29 легкой промышленности, областного внешкольного объединения по организации работы с детьми и подростками, факультета педагогики и методики начального обучения.

Популярная в студенческой среде игра КВН собрала на дружескую встречу команды «Симпли Сити» ВГУ, «Черта с два» Белорусского института правоведения, сборные городов Гомеля и Могилева.

Настоящим эстетическим праздником стал концерт вокально-хоровой музыки с участием хора «Кантилена», хора и вокального ансамбля математического факультета, женского хора «Элегия» музыкально-художественного факультета, мужского хора преподавателей и студентов ВГУ.

Яркими, запоминающимися стали на фестивале выступления студии эстрадной песни «Шанс», театра танца ВГУ, танцевального коллектива «АмОЛЬ-Гамма», студии современной хореографии «Надежда», иностранных студентов Витебского государственного медицинского университета.

Главным содержанием фестиваля стали конкурсные концертные программы факультетов, где студентам были предоставлены широкие возможности для художественно-творческого самовыражения, раскрытия разносторонних художественных способностей.

Победителями конкурса «Хит-парад 2001» стали: факультет социальной педагогики и психологии – I место; факультет белорусской филологии и истории – II место; факультет педагогики и методики начального обучения – II место; филологический факультет – III место.

Л.И. Шевцова

7-9- мая в ВГУ им. П.М. Машерова прошли мероприятия, посвященные 56-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Традиционно накануне великого праздника в университет были приглашены ветераны. Торжественный концерт, цветы, слова признательности ректора растрогали бывших фронтовиков и партизан. Возложение цветов к барельефу П.М. Машерова не завершило торжества. Ветераны получили материальную помощь, встретились в неофициальной обстановке, чтобы вспомнить о былом и о тех, кого нет в их рядах.

В этот же день состоялось заседание клуба П.М. Машерова, костяк которого составляют люди, лично знавшие Петра Мироновича, его ученики, боевые товарищи. Обсуждались вопросы об издании книги воспоминаний о Машерова, проблемы восстановления памятников и обелисков жертвам фашистского геноцида в Городокском районе, а также перспективы создания музея партизанского быта на Россонщине.

9 мая полутортысячная колонна студентов, преподавателей и ветеранов университета приняла участие в городском торжественном митинге.

Большую работу по организации и проведению в университете праздничных мероприятий проделали ректорат, профсоюзные комитеты преподавателей и сотрудников и студентов, отдел воспитательной работы.

Д.И. Смирнов

УДК 1(091)

Рудкоўскі Э.І., Дарафееў А.М. Светапогляд Я. Баршчэўскага // *Веснік ВДУ*. 2001. № 2(20). С. 3-7.

Разглядаецца філасофскі светапогляд Я. Баршчэўскага. Праводзіцца аналіз яго аналітычных, гнасеалагічных і этычных ідэй.

Бібліягр. – 1 назв.

УДК 378.414

Кривоносова Е.Э. Прожективные ориентации студенческой молодежи // *Веснік ВДУ*. 2001. № 2(20). С. 7-12.

На основе социологических данных анализируются жизненные планы студентов университета, их представления о своем будущем, о том, из чего складывается жизненный успех, о наиболее приемлемых способах улучшения своего материального положения.

Табл. – 1. Библиогр. – 2 назв.

УДК 316.323.83

Абдултауаб Абдулмалик Шариф. Гуманистический аспект деятельности средств массовой информации Йемена // *Веснік ВДУ*. 2001. № 2(20). С. 13-19.

Анализируются организационные и управленческие принципы деятельности СМИ Йемена с точки зрения осуществления ими гуманистической миссии. Понимание глобальности как основы жизни на планете, безусловное стремление к социальной справедливости, отвращение к насилию как способу разрешения конфликтов в обществе – эти три аспекта гуманизма должны превалять в политической культуре стран и народов, в деятельности органов массовой информации.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 947(476)

Беляев А.В. Ремесленное производство и частное предпринимательство на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.) // *Веснік ВДУ*. 2001. № 2(20). С. 20-26.

Впервые в белорусской историографии делается попытка на основе ранее не публиковавшихся архивных данных подробно рассмотреть вопросы ремесленного производства и частного предпринимательства на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Беларуси (1941-1944 гг.). Приводятся количественные сведения о ремесленниках различных специальностей, их соотношение с количеством населения, анализируется их деятельность.

Табл. – 2. Библиогр. – 11 назв.

УДК 947.6 «192»

Романовский Д.В. Деятельность Госторгбела по развитию белорусского экспорта в 1921-1924 гг. // *Веснік ВДУ*. 2001. № 2(20). С. 27-33.

Анализируются проблемы, связанные с деятельностью Государственной Экспортно-импортной торговой конторы Беларуси (Госторгбела) в 1921-

1924 гг. Впервые в научный оборот введены ранее не публиковавшиеся архивные материалы.

Табл. – 5. Библиогр. – 5 назв.

УДК 625.1 (476) (091)

Жихарев С.Б. Частные акционерные компании и железнодорожное строительство на территории Беларуси в 60-70-е гг. XIX в. // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 34-38.

Статья посвящена проблеме частного железнодорожного строительства на территории Беларуси в 60-70-е гг. XIX в. Для ускорения железнодорожного строительства правительство стимулировало привлечение частных капиталов в эту высоко затратную сферу предпринимательства на максимально выгодных для инвесторов условиях.

Табл. – 1. Библиогр. – 8.

УДК 65.5

Семак Е.А. Дезинтеграционные и интеграционные процессы в экономике на постсоветском пространстве // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 39-43.

Рассматриваются различные стратегии вхождения бывших советских республик в мировое хозяйство. Обосновывается необходимость применения стратегии согласованной модернизации общего экономического пространства.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 330.8(476)

Бусько В.Н. О развитии экономической мысли Витебщины в период НЭПа (20-е годы XX ст.) // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 44-48.

Рассматриваются взгляды экономистов Витебской губернии в 20-е годы на проблемы экономического развития в этой губернии.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 340.111

Бочков А.А. Актуальные проблемы правопонимания // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 49-53.

Анализируются различные подходы к правопониманию, соотношение права и закона, критерии правового закона, сущность юридической справедливости. Показано соотношение позитивного и естественного права, их сближение, необходимость разработки интегративной концепции права.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 341/.8

Барышев В.А. Проблема применения иностранного права в правовой системе Республики Беларусь // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 53-56.

Анализируется необходимость и возможность применения иностранного права в национальном праве. В новом Гражданском кодексе Республики Беларусь в VII разделе «Международное частное право» предполагается применение иностранного права в 38 статьях из 42, но в судебной практике оно еще не применяется. Для практического применения иностранного права необходимо устранить правовые противоречия в нормативных актах, регламентирующих работу судей, а также развернуть работу по изучению иностранного права среди юристов, начиная с подготовки студентов-юристов.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 340.1; 321.01

Егорова А.Г. Иностраннный элемент в национальном праве // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 57-60.

Дается характеристика правового регулирования иностранного элемента (субъекта, объекта, юридического факта) в правовых системах романо-германского, англо-американского и религиозно-общинного типов.

Анализируется структура иностранного элемента как стороны правоотношения. Выделяются объем и основание иностранного элемента. Рассматриваются элементы правоприменительной практики, сложившейся в основных правовых системах современности по поводу правового регулирования иностранного элемента.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 37.033

Турковский В.И., Терещенко Е.В. Научно-педагогические основы разработки модели экологического воспитания учащихся гуманитарной гимназии // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 61-65.

Рассмотрены пути решения весьма актуальной проблемы – экологического воспитания учащихся гуманитарной гимназии. Отражен опыт разработки модели экологического воспитания в условиях гуманитарной гимназии. Раскрыты этапы и стадии построения модели экологического воспитания.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 371.3

Бумаженко Н.И. Классификация дидактических игр: теоретический аспект // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 65-68.

Анализируются классификации дидактических игр, а также раскрывается инновационный подход автора к данной проблеме.

Табл. – 1. Библиогр. – 6 назв.

УДК 882-1(07)

Шевцова Л.И. Особенности восприятия русской поэзии начала XX века учащимися 11-х классов общеобразовательных и гуманитарных классов // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 68-74.

На основе проведенного эксперимента исследуется восприятие поэзии начала XX века учащимися 11-х общеобразовательных и гуманитарных классов. Автор констатирует невысокий уровень восприятия поэзии в исследуемых классах и делает вывод о необходимости создания такой системы преподавания поэзии Серебряного века, которая бы адекватно соответствовала самой специфике гуманитарных классов.

Табл. – 1. Библиогр. – 2 назв.

УДК 54(07)

Кулиев С.И., Степанова Н.А. Региональная программа «Одаренные дети. Химия» (проблемы и перспективы) // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 74-80.

Статья посвящена выявлению химической одаренности детей и условиям её развития.

Авторы спроектировали модель реализации региональной программы «Одаренные дети. Химия».

Рис. 2. Библиогр. – 13 назв.

УДК 808.26-5+809.27-5

Несцяровіч В.І. Кітаб 1832 года: палеаграфія, змест, графіка, арфаграфія // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 81-90.

Характарызуецца змест, палеаграфія, графіка і арфаграфія кітаба (1832 г.), пералісчыкая якога з'яўляецца А. Хасяневіч. Прыводзяцца транслітараваныя (з элементамі фанетычнай транскрыпцыі) урыўкі з гэтага рукапіса.

Бібліягр. — 7 назв.

УДК 883.2+884.0

Тычка Г.К. Польскі рэгіяналізм і яго ўплыў на беларускую літаратуру XIX– пачатку XX стагоддзяў // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 91-96.

Тэрмін рэгіяналізм мае розную інтэрпрэтацыю ў пэўныя гістарычныя перыяды. Тэрытарыяльнае, эканамічнае і палітычнае адзінства Беларусі і Польшчы ў XVI-XVIII стст. абумоўлівае складанасць беларуска-польскіх літаратурных сувязей. У іх аснове ляжыць паняцце рэгіянальнай школы. Літоўская (беларуская) рэгіянальная школа становіцца падмуркам новай беларускай літаратуры.

Бібліягр. — 8 назв.

УДК 398(476)

Емяльянаў А.С. Выклічнікі ў эмацыянальна-вобразнай мове радзінных песень // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 97-99.

На багатым фактычным матэрыяле разглядаюцца выклічнікі ў эмацыянальна-вобразнай мове ў пачатку, сярэдзіне і ў канцы песенных радкоў беларускіх народных песень.

Бібліягр. — 5 назв.

УДК 512.548

Гальмак А.М. К определению класса $\mathfrak{X}^*(n)$ // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 100-104.

Каждому классу $\mathfrak{X}$ ставится в соответствие класс n -арных групп $\mathfrak{X}^*(n)$. Показано, что такое соответствие не является взаимнооднозначным. Установлено также, что для одних классов групп, класс $\mathfrak{X}^*(n)$ совпадает с ранее изучавшемся классом $\mathfrak{X}(n)$, а для других классов групп имеет место строгое включение $\mathfrak{X}^*(n) \subset \mathfrak{X}(n)$.

Библиогр. — 3 назв.

УДК 512.542

Максимов С.Л. Холлова характеристика конечных групп подгруппами Шмидта фиксированных рангов // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 104-110.

Для любого фиксированного натурального числа m указано строение холловых подгрупп конечной разрешимой группы G , все подгруппы Шмидта которой имеют ранг m .

Библиогр. — 7 назв.

УДК 512.542

Подгорная В.В. Конечные группы с одной не $\mathfrak{F}$ -добавляемой подгруппой // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 111-113.

Описан класс $MS_1(\mathfrak{F})$. Конечная группа $G \in MS_1(\mathfrak{F})$, если в группе G существует подгруппа H такая, что каждая неединичная подгруппа, отличная от H , обладает минимальным добавлением, принадлежащим классу $\mathfrak{F}$.

Библиогр. — 4 назв.

УДК 514.76

Вылегжанин Д.В. Естественная конструкция обобщенной почти эрмитовой структуры // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 114-119.

Описана естественная конструкция обобщенной почти эрмитовой структуры в классе метрических f -структур, обеспеченная инвариантными примерами на основе канонических f -структур на регулярных Φ -пространствах. Указаны также критерии принадлежности обобщенных почти эрмитовых структур некоторым важнейшим классам в обобщенной эрмитовой геометрии.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 597(476)

Радкевич Д.В., Кукушкин С.А. Материалы по морфологии плотвы озера бассейна реки Западная Двина // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 120-123.

На основании изучения 496 экземпляров плотвы *Rutilus rutilus* L., собранных в 1987-1990 годах на различных водоемах Белорусского Поозерья (озера Серокортня, Березовское, Лосвидо, Большое Свино и Дривяты) приводятся данные по 3 меристическим и 17 пластическим признакам. Исходя из результатов исследований установлено, что плотва в бассейне реки Западная Двина представлена группами популяций существование которых в основном зависит от экологических условий.

Табл. – 1. Библиогр. – 4 назв.

УДК 595.785 (476)

Кулак А.В., Солодовников И.А. Новые и редкие для Беларуси виды пядениц трибы *Perizomini* (Lepidoptera, Geometridae) // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 123-125.

Сообщается о первой регистрации в Беларуси пядениц *Perizoma hydrata* Tr., *P. blandiata* Den&Schiff. и *Baptria tibiale* Esp., а также о новых находках *Perizoma bifaciala* Haw. Для каждого вида указаны время лета и наступления личиночной и зимующей фаз, кормовые растения гусениц, биотопическая приуроченность, характер распространения в Беларуси и на сопредельных территориях. Виды *Perizoma sagittata* F. и *Baptria tibiale* Esp. рекомендованы к внесению в список охраняемых животных Беларуси.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 914.4(476.5):312.922

Пилецкий И.В. Сравнительная оценка трудоресурсного потенциала сельского населения административных районов Витебской области // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 126-133.

Дается экономико-географический анализ и устанавливаются территориальные различия в величине трудового потенциала сельского населения административных районов Витебской области с 1995 по 1999 годы. На основании проведенного сравнительного анализа все административные районы области отнесены к одной из трех групп. Приводятся конкретные рекомендации экономического развития для каждой из групп.

Табл. – 2. Библиогр. – 9 назв.

УДК 314.9(476.5)

Тихоненко Е.В. Система сельского расселения Витебской области // Веснік ВДУ. 2001. № 2(20). С. 133-137.

Рассматривается влияние исторического, природного, социально-экономического факторов, определяющих специфику и отличительные особенности сельского расселения Витебской области.

Табл. – 3. Библиогр. – 3 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Абдултауб Абдулмалік
Шарыф	– аспірант Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі
Барышаў Уладзімір
Аляксеевіч	– старшы выкладчык кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
Бачкоў Аляксандр
Аляксандравіч	– кандыдат філасофскіх навук, загадчык кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ ім. П.М. Машэрава
Бумажэнка Наталля
Іванаўна	– кандыдат педагагічных навук, старшы выкладчык кафедры сацыяльна-педагагічнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
Бусько Віталь
Мікалаевіч	– кандыдат эканамічных навук, загадчык сектара гісторыі эканамічных вучэнняў Інстытута эканомікі НАН Беларусі
Бяляеў Аляксей
Віктаравіч	– аспірант кафедры сусветнай і айчыннай гісторыі БДУ
Вылегжанин Дзяніс
Уладзіміравіч	– аспірант кафедры геаметрыі, тыпалогіі і методыкі выкладання матэматыкі БДУ
Гальмак Аляксандр
Міхайлавіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры вышэйшай матэматыкі Магілёўскага тэхналагічнага інстытута
Дарафееў Анатоль
Максімавіч	– кандыдат біялагічных навук, акадэмік Міжнароднай Акадэміі Экалогіі, першы прарэктар ВДУ імя П.М. Машэрава
Емяльянаў Анатоль
Серафімавіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры ўсходнеславянскай філалогіі і лінгвістыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
Жыхараў Сяргей
Барысавіч	– аспірант кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта БДУ
Крываносава Алена
Эдвардаўна	– кандыдат педагагічных навук, старшы выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Кукушкін Сяргей
Аляксандравіч	– навуковы супрацоўнік Праблемнай навукова-даследчай лабараторыі ВДУ імя П.М. Машэрава
Кулак А.В.	– аспірант Інстытута заалогіі НАН Беларусі
Куліеў Сахіб Ісмаіл
оглы	– кандыдат хімічных навук, дацэнт кафедры хіміі ВДУ імя П.М. Машэрава

Максімаў Сяргей Леанідавіч	– аспірант кафедры вышэйшай матэматыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту
Несцяровіч Віктар Іванавіч	– кандыдат філалагічных навук, дэкан факультэта беларускай філалогіі і гісторыі ВДУ імя П.М. Машэрава
Падгорная Вікторыя Валер’еўна	– асістэнтка кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя Ф. Скарыны
Пілецкі Іван Васільевіч	– кандыдат тэхнічных навук, дацэнт кафедры педагогікі і методыкі пачатковага навучання ВДУ імя П.М. Машэрава
Радкевіч Дзмітрый Усеваладавіч	– старшы навуковы супрацоўнік Праблемнай навукова-даследчай лабараторыі ВДУ імя П.М. Машэрава
Раманоўскі Дзмітрый Уладзіміравіч	– аспірант кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
Рудкоўскі Эдвард Іосіфавіч	– кандыдат філасофскіх навук, загадчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Саладоўнікаў Ігар Альбертавіч	– кандыдат біялагічных навук, старшы выкладчык кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Семак Алена Адольфаўна	– кандыдат эканамічных навук, дактарант БДУ
Сцяпанавя Надзея Аляксееўна	– выкладчык кафедры хіміі ВДУ імя П.М. Машэрава
Туркоўскі Вячаслаў Іосіфавіч	– кандыдат педагогічных навук, прарэктар па вучэбнай рабоце (завочнае аддзяленне) ВДУ імя П.М. Машэрава
Тычка Галіна Казіміраўна	– кандыдат філалагічных навук, дактарант кафедры беларускай літаратуры БДПУ імя М. Танка
Ціханенка Алена Уладзіміраўна	– аспірантка кафедры эканамічнай геаграфіі БДПУ імя М. Танка
Цярэшчанка Алена Вячаславаўна	– аспірантка кафедры педагогікі БДУ, настаўніца гімназіі № 2 г. Віцебска
Шаўцова Людміла Іванаўна	– старшы выкладчык кафедры рускай і сусветнай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Ягорава Аляксандра Георгіеўна	– старшы выкладчык кафедры грамадзянскага права ПДУ

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыяла, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць рысункаў не павінна перавышаць трох. Фотаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (jurnal@vgpi.belpak.vitebsk.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне прафесара доктара навук, рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюме на англійскай мове (2-3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзнак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыйнай канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадкавым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца:
 - для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10-15);
 - для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). С. 3-7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.